

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

Кафедра отечественной филологии

Степанова Марина Алексеевна

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В
РАССКАЗАХ И. А. БУНИНА (ВВОДНЫЕ КОНСТРУКЦИИ)

Выпускная квалификационная работа

на соискание степени бакалавра филологии

1

Научный руководитель:

кандидат филологических наук, доцент

Вяткина Светлана Вадимовна

Рецензент:

кандидат филологических наук, доцент

Зорина Екатерина Сергеевна

Санкт-Петербург

2016

Оглавление:

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Средства выражения субъективной модальности в художественном тексте.....	7
1.1. Выразители субъективной модальности как средство характеристики образа автора.....	7
1.2. Место вводных конструкций среди средств выражения субъективной модальности.....	12
1.3. Функционально-семантическая классификация вводных конструкций...14	
1.4. Значения и текстовые функции отдельных групп вводных конструкций.21	
Выводы.....	25
Глава 2. Вводные конструкции в рассказах И.А. Бунина.....	27
2.1. Общая характеристика материала исследования..... <u>2</u>	27
2.2. Позиция вводных в структуре предложения и рассказа.....	28
2.3. Функционально-смысловые группы вводных конструкций в рассказах. .35	
Выводы.....	36
Глава 3. Вводные конструкции в разных типах повествования.....	38
3.1 Типы повествователя в прозе И. А. Бунина.....	38
3.2. Классификация вводных по контекстам употребления.....	41
3.3. Вводные конструкции в разных типах повествования.....	44
3.4. Текстовые функции вводных конструкций.....	51
Выводы.....	63
Заключение.....	65
Использованная литература.....	67
Приложение.....	73

Введение

Изменить начало. О современных подходах к изучению худ. текста, о субъективной перспективе, далее к вводным.

~~Коммуникативная грамматика, грамматика говорящего. Образ автора в художественном тексте, авторская модальность, модальность как текстообразующая категория.~~

~~Большакова А. Ю. Теории автора в современном литературоведении~~

~~Виноградов В. В. Стиль «Никовой дамы»~~

~~Выразители субъективной модальности формируют субъективно-оценочную модальность текста, которая принадлежит автору¹.~~

~~Романова Т. В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе~~

~~Вводные как обособленная группа эгоцентриков по Падучевой~~

Актуальность работы определяется тем, что анализ при помощи анализа выразителей субъективной модальности (вводных конструкций) дается с опорой на понятия коммуникативной грамматики, грамматики говорящего. Их функции и семантика рассматриваются в приложении к характеристика характеристике субъектов повествования и образа автора в рассказах И.А. Бунина. Принимается во внимание субъективная перспектива текста. Анализ вводных конструкций как средств выражения модальных значений соотносится с описанием языковых средств выражения образа автора в тексте. Выразители субъективной модальности формируют субъективно-оценочную модальность текста, которая принадлежит автору².

С выявлением языковых средств, «материализующих роль говорящего в тексте»³, эксплицирующих точку зрения повествователя и помогающих определить субъект сознания, связан лингвистический аспект изучения

¹Гальперин, 2006: 119

²Гальперин, 2006: 119

³Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Ониненко, М.Ю. Сидорова. М., 1998. С. Золотова, Ониненко, Сидорова 1998: 20.

образа автора. Через средства языка В. В. Виноградов анализирует стиль «Пиковой дамы»⁴, через анализ эгоцентриков дается характеристика типов повествователя и форм нарратива Е. В. Падучевой⁵.

Анализ средств выражения субъективной модальности относительно типов повествования и повествователя используется при описании авторской модальности^{6, 7} и образа автора^{8, 9, 10}.

Вводные конструкции рассматриваются в составе средств выражения субъективной модальности¹¹ как способы выражения авторства^{12, 13}, используются при интерпретации смысла художественного текста¹⁴.

Виноградов, Шмид, Падучева.

Вольф Е. М. Субъективная модальность и семантика пропозиции

Зеленщиков А. В. Пропозиция и модальность

Казаковская В. В. Способы выражения авторства в структуре предложения

Андреева Е. В. Речь героя и позиция автора в поздних рассказах А. П. Чехова: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. СПб, 2004.

⁴ Виноградов В. В. Стиль "Пиковой дамы" // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 74 – 147.

⁵ Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

⁶ Девина О. В. Авторская модальность в произведениях А. Т. Твардовского. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Калининград, 2012. Девина О. В. Авторская модальность в произведениях А. Т. Твардовского

⁷ Зорина Е. С. Авторская модальность как организующая категория художественного повествования (на материале сборника рассказов В. Набокова "Весна в Фиальте"). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. СПб., 2005.

⁸ Андреева Е. В. Речь героя и позиция автора в поздних рассказах А. П. Чехова: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. СПб, 2004.

⁹ Глухова О. П. Средства и способы выражения субъективной модальности в текстовом пространстве Ю. Полякова: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Кемерово, 2010.

¹⁰ Степанов С. П. Субъективация повествования и способы организации текста (на материале повествовательной прозы Чехова) – Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. СПб, 2002.

¹¹ Думанишева Ж. Б. Языковые средства репрезентации субъективной модальности в романе Эрнеста Хемингуэя "По ком звонит колокол". Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Майкоп, 2011.

¹² Казаковская В. В. Способы выражения авторства в структуре предложения

¹³ Мухин Н. Ю. Вводные компоненты как средство выражения и установления авторства текста

¹⁴ Вяткина С. В. От анализа вводных конструкций к интерпретации смысла художественного текста (Ф. М. Достоевский и М. Петросян)

Вяткина С. В. От анализа вводных конструкций к интерпретации смысла художественного текста (Ф. М. Достоевский и М. Петросян)

~~Глухова О. П. Средства и способы выражения субъективной модальности в текстовом пространстве Ю. Полякова~~
~~Глухова О. П. Средства и способы выражения субъективной модальности в текстовом пространстве Ю. Полякова~~

Девина О. В. Авторская модальность в произведениях А.Т. Твардовского

Мухин Н. Ю. Вводные компоненты как средство выражения и установления авторства текста

~~Проведенный контекстный анализ в сочетании со статистическим выявил зависимость употребления вводных с семантикой «уверенность – неуверенность» от типа нарратива (преобладание контекста перволичного повествования), типа повествователя, характера события или ситуации, по отношению к которым употребляется вводное слово.~~

5

Представляется логичным проследить зависимость особенностей употребления разных функционально-семантических групп вводных конструкций, выражающих субъективно-модальные значения, других функционально-семантических групп от типа нарратива, типа повествователя, характера события или ситуации, по отношению к которым употребляется вводное слово, этих параметров и сопоставить результаты с выделяемыми в литературоведении исследователями типами повествователя в творчестве И.А. Бунина.

Объектом исследования являются 9-2-7-7 раеэказа-рассказов И. А. Бунина, приведенных в собрании сочинений в шести томах (тома 2 - 4)^{15, 16, 17}. Из них вкоторых 79 употребляются вводные конструкции.

Предметом исследования являются вводные конструкции разных функционально-семантических групп в рассказах И.А. Бунина.

Целью работы является описание особенностей употребления и функционирования вводных конструкций в рассказах И.А. Бунина.

Задачи:

1. Определить место вводных конструкций среди средств выражения субъективной модальности.

2. На основе анализа лексико-грамматических источников определить состав функционально-семантических групп вводных конструкций.

3. Методом сплошной выборки выявить в рассказах И. А. Бунина вводные конструкции и контексты их употребления.

4. Охарактеризовать контексты употребления вводных конструкций.

5. Проследить зависимость употребления вводных конструкций от типа повествователя в рассказе.

7. Сопоставить особенности употребления вводных конструкций в разных типах повествования.

8 . Соотнести полученный результат с Дать характеристику особенностям ейями идиостиля И. А. Бунина на основании функционирования вводных конструкций в рассказах.

Материал исследования представлен 70410 употреблениями вводных конструкций в 77 рассказах И.А. Бунина, написанных в период с 1892 по 1932 гг.

¹⁵ Бунин И. А. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 2. Произведения 1887 – 1909 г. / Статья-послесловие О. Михайлова; Коммент. В. Титовой. М., 1987. (Далее ссылки на это издание делаются в тексте; римская цифра обозначает номер части, арабская — номер страницы.) Бунин, 1987, Бунин, 1988

¹⁶ Бунин И. А. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 3. Повести и рассказы 1907 – 1914. / Редкол.: Ю. Бондарев, О. Михайлов, В. Рынкевич; Подгот. Текста и коммент. А. Баборейко; Статья-послесловие Л. Крутиковой. М., 1987. (Далее ссылки на это издание делаются в тексте; римская цифра обозначает номер части, арабская — номер страницы.)

¹⁷ Бунин И. А. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 4. Произведения 1914 – 1931. / Редкол.: Ю. Бондарев, О. Михайлов, В. Рынкевич; Статья-послелов. и коммент. А. Саакянц. М., 1988. (Далее ссылки на это издание делаются в тексте; римская цифра обозначает номер части, арабская — номер страницы.)

Методы описания: описательный, контекстуальный, функционально-семантический, статистический.

Новизна работы заключается в рассмотрении особенностей употребления вводных конструкций на материале рассказов И.А. Бунина.

Рассказы рассматривались при описании структуры повествования¹⁸, эволюции повествования¹⁹ И. А. Бунина. Основное внимание уделялось описанию типов нарратива, особенностей их употребления. Вводные конструкции рассматриваются в составе средств создания определенного типа повествования (несобственно-авторская речь)²⁰.

Также вводные конструкции рассматривались в составе эгоцентрических элементов рассказов при описании особенностей авторского повествования прозы И. А. Бунина²¹.

Лингвистические средства создания образа автора в творчестве Бунина подробно рассматривались на другом материале («Темные аллеи»²², «Жизнь Арсеньева»²³).

7

~~Вантенков И. П. Структура повествования в рассказах И.А. Бунина (1890-1916 гг.)~~

~~Вихрян О. Е. Языковые средства выражения авторской модальности в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»~~

~~Каменецкая Т.Я. Эволюция повествования в произведениях И.А. Бунина 1910 – 1920-х годов~~

¹⁸ Вантенков И. П. Структура повествования в рассказах И.А. Бунина (1890-1916 гг.): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Киев, 1979.

¹⁹ Каменецкая Т.Я. Эволюция повествования в произведениях И. А. Бунина 1910 - 1920-х годов. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Екатеринбург, 2008.

²⁰ Рыжова Н. В. Речевые средства создания образа автора в прозе И.А. Бунина: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. М., 1991.

²¹ Грунина Л. П. Особенности авторского повествования прозы И.А. Бунина (нарративность и эгоцентричность): проблема нарушения границ чужого сознания // Этногерменевтика: Грамматические и семантические проблемы. Вып.1 Кемерово, 1998. С. 41-46.

²² Глинина О. Г. «Темные аллеи» И. А. Бунина как художественное единство: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Волгоград, 1999.

²³ Вихрян О. Е. Языковые средства выражения авторской модальности в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева». Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. М., 1990.

Рыжова Н. В. Речевые средства создания образа автора в прозе И.А. Бунина

Теоретическая и практическая значимость работы. Результаты работы могут помочь при дальнейшем изучении идиостиля И.А. Бунина. Возможно соотнесение особенностей функционирования вводных конструкций в различных повествовательных формах с другими группами средств выражения субъективной модальности, эгоцентриками, способствующее описанию речевых средств выражения авторской модальности И. А. Бунина.

Структура работы определена целью и задачами исследования. ВКР состоит из введения, теоретической и двух практических глав, заключения, приложения и библиографического списка использованной литературы и ~~практической глав, заключения и библиографического списка использованной литературы.~~

Глава 1. Средства выражения субъективной модальности в художественном тексте

1.1. Выразители субъективной модальности как средство характеристики образа автора

Исследователи указывают на относительность термина «субъективная модальность»²⁴. Традиционно она противопоставляется объективной модальности, выражающей отношение сообщаемого к тому или иному плану действительности, то есть то, что можно оценить как реальное или ирреальное. Однако и отношение говорящего к сообщаемому объективно присутствует в тексте. Термин указывает на связь с субъектом и степень присутствия коммуникативного элемента²⁵.

Важным для анализа фактором является наличие связи между модальностью и оценкой. На нее указывают многие исследователи^{26, 27}.

Т. И. Краснова, рассматривая модальность с точки зрения активной грамматики (грамматики говорящего), пишет, что в основе модальности лежит оценка, категория которой входит в основу того, что может быть квалифицировано как «состояние сознания субъекта речи (источник знания или мнения, цель сообщения, эмоции и желания, степень уверенности и т. п.)»²⁸.

Исследователь рассматривает как одну из возможных классификаций модальности разновидность модальностей с ориентацией по структуре речевого акта (автор – адресат – сообщение). Они различаются по ролевым функциям говорящего: модальности ментального, эмоционального,

²⁴ Синтаксис современного русского языка : учебник для студ. высш. учеб. заведений / Г.Н.Акимова, С. В. Вяткина, В.П.Казаков, Д.В.Руднев; под ред. С. В. Вяткиной. СПб., 2009. Синтаксис современного русского языка, 2009.

²⁵ Трофимова И.А. Средства выражения субъективной модальности в художественном тексте: На материале прозаических произведений А. П. Чехова. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Калининград, 2004. С. Трофимова, 2004: 8.

²⁶ Маркелова Т.В. Взаимодействие оценочных и модальных значений в русском языке // Филологические науки. 1996. № 1. С. 80 – 90.

²⁷ Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

²⁸ Краснова Т. И. Субъективность – Модальность (материалы активной грамматики). СПб., 2002. С. 120.

волюнтивного состояния (неопределенности, оценки, желания, негодования, необходимости, возможности, готовности), по отношению к адресату сообщения: межличностная модальность с ее аспектами отношения (доброжелательности, неучтивости, оскорбления, нравоучения), по отношению к сообщаемому (по степени достоверности, в частности, как знания и мнения, эпистемическая, деонтическая, аксиологическая)²⁹.

Сутью модальности признает оценочные отношения Е. А. Попова³⁰.

Рассматриваются отдельные модальные значения и средства их выражения^{31, 32, 33, 34, 35}

Т. В. Романова говорит о связи категорий модальности, оценки и эмоциональности. На материале современной исповедальной мемуарной прозы исследователь выделяет разные виды модальных значений. Это значения утверждения / отрицания, неясности / уяснения, кажимости, уверенности / убежденности (интеллектуальная модальность), возражения / согласия (диалогическая), истинности, сопоставления, соотнесения, противопоставления, подчеркивания, модализированного сравнения (оценочная), эмоциональная модальность, волюнтивная модальность (желательность – необходимость – долженствование – необходимость)³⁶.

Сутью модальности признает оценочные отношения Е. А. Попова³⁷.

²⁹ Краеннова Т. И Там же. С. 149

³⁰ Попова Е. А. Авторская модальность как средство выражения антропоцентричности текста: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Липецк, 1996. С. 39 – 40.

³¹ Небыкова С.И. Синонимия средств выражения модальности возможности и необходимости // Филологические науки. 1973. № 3. С. 85 – 92.

³² Кочеткова О.Л. Средства выражения модального значения возможности и необходимости в русском языке второй половины XVII — начала XVIII века: Автореф. дис. канд. филол. наук. Тверь, 1998.

³³ Каменская Н.В. Выражение модальной оценки обычности высказывания: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. М., 1996.

³⁴ Горельникова Ю. А. Выражение модального значения кажимости в структуре предложения. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. М., 1993.

³⁵ Бондаренко В. Н. Виды модальных значений и их выражение в языке // Филологические науки. 1979. № 2. С. 54 - 61.

³⁶ Романова Т.В. Модальность. Оценка. Эмоциональность. Нижний Новгород, 2008. С. 7. Романова Т. В.

³⁷ Попова Е. А. Авторская модальность как средство выражения антропоцентричности текста: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Липецк, 1996. С. 39 – 40.

Т. В. Романова называет категорию субъективной модальности одним из средств выявления индивидуально-авторского стиля и компонентом, входящим в авторскую модальность. Субъективная модальность рассматривается как интегрирующее начало стилистических средств³⁸.

Виды оценок, выражаемые ее средствами, рассматриваются как индивидуально-стилистические особенности³⁹.

И. Р. Гальперин указывает на то, что выразители субъективной модальности формируют субъективно-оценочную модальность текста, которая принадлежит автору⁴⁰.

С этим связаны понятия авторской модальности и образа автора.

Авторская модальность, по определению Н. С. Валгиной, это «выражение в тексте отношения автора к сообщаемому, его концепции, точки зрения, позиции, его ценностных ориентации, сформулированных ради сообщения их читателю»⁴¹.

Понятие «образа автора», изучением которого с лингвистической точки зрения подробно занимался В. В. Виноградов⁴², связано с категорией модальности. В. В. определяет образ автора как «форму сложных и противоречивых соотношений между авторской интенцией, между фантазируемой личностью писателя и ликами персонажей» и пишет, говоря о стиле «Пиковой дамы» А. С. Пушкина, что понимание образа автора – «ключ к композиции целого, к единству художественно-повествовательной системы»⁴³.

Н. С. Валгина, говоря о связи категорий модальности и образа автора, рассматривает понятие в соотнесении с «производителем речи» и «субъектом повествования». «Субъект повествования» является формой представления образа автора и лежит в основе его построения. Это «субъект, от имени

38 [Романова Т. В. Там же](#). С. 25

39 [Романова Т. В. Там же](#). С. 27

40 [Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. Гальперин, 1981.](#)

41 Валгина Н. С. [Теория текста](#). М., 2003. С. 59.

42 Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971.

43 Виноградов В. В. Стиль "Пиковой дамы" // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 105.

которого предлагается текст», соотносимый с определенной повествовательной формой и создаваемый при помощи речевых средств⁴⁴.

В. В. Виноградов, определяя модальные слова, пишет, что с их помощью выражаются оценки и точки зрения субъекта, во-первых, «на действительность»⁴⁵, во-вторых, «на приемы ее словесного выражения»⁴⁶.

В. В. Казаковской они названы основным морфологизированным способом выражения субъекта-автора⁴⁷.

Вводные конструкции относят к средствам выражения авторства, к специальным лексико-грамматическим показателям обнаружения говорящим своей точки зрения^{48, 49}. То есть, эти элементы способствуют описанию личности говорящего. Этой личностью может быть как повествователь, так и один из его персонажей.

Элементы, содержащие отсылку к говорящему, к определенной речевой ситуации, Е. В. Падучева называет эгоцентриками. К ним относятся дейктические слова и выразители субъективной модальности. Анализ эгоцентрических элементов текста позволяет определить тип повествователя (имплицитный, диегетический (рассказчик), один из персонажей) и тип нарратива (перволичная и аукториальная формы традиционного нарратива, свободный косвенный дискурс (СКД)). Эгоцентрические элементы указывают на говорящего в роли субъекта речи, субъекта сознания, субъекта восприятия, субъекта дейксиса.

[На связь дейктических и модальных элементов обращает внимание Е. С. Яковлева.](#)⁵⁰

44 Валгина Н. С. [Теория текста](#). М., 2003. С. 59 – 61.

45 Виноградов, 1975.

46 [□] Виноградов, 1975 Виноградов В. В. [О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике: избранные труды](#). М., 1975. С. 38 – 79.-

47 [□] Казаковская В. В. [Способы выражения авторства в структуре предложения: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. М., 1996. Казаковская, 1996.](#)

48 [□] Казаковская В. В. [Способы выражения авторства в структуре предложения: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. М., 1996. Казаковская, 1996, Мухин, 2002.](#)

49 Мухин Н. Ю. [Вводные компоненты как средство выражения и установления авторства текста. автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Екатеринбург : 2002.](#)

50 [□] Яковлева Е. С. [О связи дейксиса и модальности // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 1990. С. 225 – 245.](#)

Эгоцентрики способствуют описанию образа автора. Так, Е. А. Попова, изучая эгоцентрики, характеризует авторскую модальность⁵¹.

И. А. Трофимова также рассматривает их как средства формирования авторской модальности. Вслед за О. Е. Вихрян⁵², исследователь определяет авторскую модальность как «часть образа автора, категорию, выражающую оценочное отношение автора к изображаемому, эстетическую и этическую позицию автора в определенном кругу идей, выражаемую с помощью средств построения (композиция) и языка художественного произведения»⁵³. Анализируя средства выражения субъективной модальности в прозе А. П. Чехова, исследователь определяет, употреблений каких средств больше в определенный период творчества и в чьей речи они встречаются.

Говоря о субъективной модальности и средствах ее выражения в рамках коммуникативной грамматики, исследователи обращаются к понятиям «диктум» и «модус», введенным Ш. Балли. «Диктум» - объективная информация, «модус» - позиция субъекта речи по отношению к диктуму, рамка, интерпретатор диктума⁵⁴. Средства выражения субъективной модальности относят к модусной рамке высказывания.

Одним из основных инструментов коммуникативной грамматики названо выявление позиции говорящего в отборе речевых ресурсов и организации текста. Модусная рамка, выражая отношение говорящего к диктуму, предполагает его наличие, характеризует субъект речи. Чтобы понять, чья точка зрения отражена в высказывании, необходимо обратиться к средствам выражения его модусной рамки, в число которых входят средства выражения субъективной модальности⁵⁵.

⁵¹ [Попова Е.А. Авторская модальность как средство выражения антропоцентричности текста: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Липецк, 1996. Понюва, 1996.](#)

⁵² [Вихрян О. Е. Языковые средства выражения авторской модальности в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева». Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. М., 1990. Вихрян, 1990.](#)

⁵³ [Трофимова И.А. Средства выражения субъективной модальности в художественном тексте : На материале прозаических произведений А. П. Чехова. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Калининград, 2004. С. 4. Трофимова, 2004: 9.](#)

⁵⁴ [Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. Балли, 1955.](#)

⁵⁵ [Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онопенко, М.Ю. Сидорова. М., 1998. Золотова, 1998. С.: 75 – 76.](#)

Категория модальности, к которой относятся вводные конструкции, является центральной категорией, определяющей формирование концепции художественного произведения и специфику реализации языковой личности автора⁵⁶.

Субъективная модальность как выражение отношения говорящего к содержанию своей речи рассматривается как важнейший аспект текстообразования⁵⁷.

Модальность как текстовая категория рассматривается в монографии И. Р. Гальперина «Текст как объект лингвистического исследования». Текстовая модальность проявляется в характеристике героев, в умозаклучениях, в актуализации отдельных частей текста⁵⁸.

1.2. Место вводных конструкций среди средств выражения субъективной модальности

Субъективная модальность выражается разнообразными языковыми средствами: интонацией, специальными синтаксическими конструкциями, словопорядком, повторением слов, сочетаниями знаменательных слов с частицами, с междометиями, вводными словами и сочетаниями слов, а также разнообразными комбинациями этих средств. Говоря о значениях субъективной модальности, Н. Ю. Шведова указывает на то, что их круг очень широк, и сами эти значения не во всех случаях могут быть строго и однозначно определены⁵⁹.

В РГ-80 в сферу выразителей значений субъективной модальности не включаются модальные глаголы и предикативы (*мочь, хотеть, следует, подобает, надо, нельзя* и т. д.) и глагольно-именные сочетания (*иметь возможность*). Со сферой субъективно-модальных значений их сближает то, что в их лексической семантике в большинстве случаев заключено значение

⁵⁶ Казаковская В. В. Способы выражения авторства в структуре предложения : Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. М., 1996. Казаковская, 1996.

⁵⁷ Солганик Г.Я. К проблеме модальности текста // Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. М., 1984. С. 173 – 186. Солганик, 1984.

⁵⁸ Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. Гальперин, 1981.

⁵⁹ Русская грамматика. Т. 2 : Синтаксис. М., 1980. РГ-80; 2190.

личного, субъективного отношения к чему-либо⁶⁰. Они выделяются в отдельный тип модальности.

Трофимова рассматривает их вместе с другими средствами выражения субъективной модальности⁶¹.

Е. В. Падучева считает необоснованным исключение из сферы субъективной модальности наклонение, так как оно может выражать идею желания⁶².

Множественность значений субъективной модальности, по мнению Е. М. Вольф, отражает различные аспекты отношения говорящего к содержанию высказывания, все показатели субъективных модальностей так или иначе ограничивают круг пропозиций, которые с ними сочетаются. Эти ограничения определяются фоновыми знаниями или элементами прагматической ситуации, входящими в соответствующие модальные рамки: ценностной картиной мира, нормативной стереотипной картиной мира, отношением к интересам участников акта коммуникации и т. п.⁶³.

Е. В. Падучева, говоря о языковых средствах, входящих ¹⁵ в сферу субъективной модальности, указывает на следующее ограничение: отношение говорящего к высказыванию должно быть выражено неэксплицитно. Этому условию соответствуют, в первую очередь, вводные слова. Этим же условием подтверждается позиция РГ-80 в отношении модальных предикатов.

Вторая категория языковых элементов, соответствующая названному условию, - средства выражения коммуникативного намерения (иллокутивные показатели). Во второй группе говорящий, прежде всего, выступает как субъект речи, а в первой - как субъект сознания⁶⁴.

⁶⁰ [Русская грамматика. Т. 2 : Синтаксис. М., 1980. РГ-80, 2190.](#)

⁶¹ [Трофимова И.А. Средства выражения субъективной модальности в художественном тексте : На материале прозаических произведений А.П. Чехова. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Калининград, 2004. Трофимова, 2004. С.: 9.](#)

⁶² Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996. С. 300.

⁶³ [Вольф Е. М. Субъективная модальность и семантика пропозиции // Логический анализ языка. Избранное. 1988 – 1995. Редколлегия: Н. Ю. Арутюнова, Н. Ф. Спиридонова. М., 2003. С. 87 - 102. Вольф, 2003.](#)

⁶⁴ [Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996. С. Падучева, 1996: 299 – 301.](#)

Вводные слова, вводные сочетания слов и вводные предложения объединяются специфической и единственной для них функцией, противопоставляющей их всем другим классам слов и сближающей их с модальными частицами: они всегда так или иначе характеризуют сообщаемое с позиций говорящего, выражают отношение говорящего к сообщаемому⁶⁵.

Так как вводные конструкции являются выразителями субъективной модальности, они оправдывают наличие нефактической информации в тексте: описание ментальных состояний и внутренних мотиваций^{66, 67}.

Вводные компоненты как выразители точки зрения говорящего выполняют в тексте функцию сигнала переключения субъектных планов. Они отвечают за полифоничность текста, создаваемую взаимодействием разных точек зрения, вводя в авторскую речь «чужое» слово⁶⁸. Вводные компоненты позволяют обнаружить точку зрения говорящего или отнести информацию к другой точке зрения, выявить источник «чужого» слова⁶⁹.

Вводные конструкции позволяют повествователю вести скрытый диалог с читателем, показывают отношение повествователя к персонажам, выявляют авторскую позицию. Они значимы в художественной системе текста, так как способствуют актуализации авторского замысла, являются приемом создания образа автора⁷⁰.

1.3. Функционально-семантическая классификация вводных конструкций

Помимо функционально-семантических характеристик вводных конструкций, существуют их классификации по происхождению. Такая классификация лексически и структурно ограничивает круг вводных

65 [Русская грамматика. Т. 2 : Синтаксис. М., 1980. РФ-80-2220.](#)

66 [Пляскина М. В. Модальные слова группы категорической достоверности: структурно-семантический и функциональный аспекты. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Новосибирск, 2001. Казаковекая, 1996, Пляскина, 2001.](#)

67 [Казаковская В. В. Способы выражения авторства в структуре предложения : Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. М., 1996.](#)

68 [Там же. Казаковекая, 1997.](#)

69 [Мухин Н. Ю. Вводные компоненты как средство выражения и установления авторства текста. автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Екатеринбург : 2002. Мухин, 2002.](#)

70 [Казаковская В. В. Способы выражения авторства в структуре предложения : Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. М., 1996. Казаковекая, 1996.](#)

конструкций. Таким образом их описывают А. А. Шахматов⁷¹, В. В. Виноградов⁷², И. П. Распопов⁷³.

Среди выделяемых по значениям и функциям групп вводных конструкций не все основаны на выражении значений субъективной модальности.

Так, Е. В. Падучева различает по значению оценочные и метатекстовые вводные элементы. Оценочные вводные выражают оценку факта (*к счастью*), достоверности информации (*безусловно, кажется*), соответствия ожиданию (*конечно, разумеется*)⁷⁴. Среди показателей достоверности различаются выражающие модус мнения (*наверное, бесспорно* и т. д.) и модус знания (восприятие: *кажется, как будто*)⁷⁵.

Метатекстовые вводные в своем толковании содержат глагол «говорить» и по семантике предполагают говорящий субъект⁷⁶. То есть, их основная функция – указание на присутствие говорящего.

Из выделяемых А. М. Пешковским разрядов вводных конструкций только первый основан на выражении субъективно-модальных значений¹⁷. Это вводные, показывающие, как говорящий относится к той или иной мысли (*конечно, вероятно, положим* и др.). Два других разряда указывают на источник информации (показывающие, что говорящий считает высказанную мысль не своей, а чужой (*мол, будто, де, по мнению* и др.)) и на связь между высказываниями (выражающие отношение данной мысли к предыдущей или последующей (*итак, коротко говоря, наконец* и др.))⁷⁷. Последняя группа характеризуется как стоящая на рубеже между вводными словами и союзами.

71 [Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.Шахматов, 1941 С.: 270-275.](#)

72 [Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике: избранные труды. М., 1975.С. 38 – 79.,1975:-67.](#)

73 [Распопов И. П., Ломов А.М. Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис. Воронеж, 1984. С. Рапопов, 1984:-267.](#)

74 [Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.Падучева, 1996 С.: 313.](#)

75 [Падучева, 1996:Там же. 315.](#)

76 [Падучева, 1996:Там же. 277.](#)

77 [Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М., 2001.Пешковский, 2001 С.: 409-410.](#)

В классификацию вместе с вводными конструкциями попадают союзы, частицы (*де, будто*).

В. В. Виноградов рассматривает значения и функции вводных как расширяющие круг модальных значений «в сторону выражения разных логически- и эмоционально-оценочных значений и разных стилистических квалификаций речи⁷⁸». Их функции сводятся к следующим четырем разрядам:

- выражение разных оттенков отношения высказываемой мысли к действительности, ее достоверность, несомненность, истинность, сомнительность (*верно, бесспорно, действительно* и др.);
- обозначение стиля речи, ее экспрессии, ее источника (*по словам кого-нибудь, по слухам, по мнению кого-нибудь* и др.);
- обозначение чувства, переживания, с точки зрения которого оценивается сообщение или которым сопровождается выраженный в сообщении факт (*к сожалению, к изумлению, к огорчению* и т. п.);
- обозначение оценки сообщаемого факта с точки зрения ¹⁸общих категорий счастья, несчастья, беды и т. п.⁷⁹

Таким образом, указание на источник информации включается в число модальных значений.

Н. С. Валгина при описании функций вводных конструкций определяет только одну группу как имеющую модальное значение: выразители оценки говорящим степени достоверности высказывания (*конечно, возможно* и др.). Другие функционально-семантические группы указывают на обычность совершаемого (*как водится, бывает* и др.), характеризуют способ выражения мысли (*иными словами, так сказать* и др.), содержат призыв к собеседнику (*послушайте, согласитесь* и др.), указывают на связь мыслей, последовательность изложения (*наоборот, к тому же* и др.), выражают

⁷⁸Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике: избранные труды. М., 1975. С. Виноградов, 1975: 67.

⁷⁹Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике: избранные труды. М., 1975. С. Виноградов, 1975: 68.

эмоциональную оценку сообщаемого (*к счастью, на беду* и др.), указывают на экспрессивный характер высказывания (*кроме шуток, между нами*)⁸⁰.

Н. Ю. Шведова, классифицируя вводные конструкции, делает акцент на их связи с высказыванием и объединяет вводные конструкции специфической и единственной для них функцией характеристики сообщаемого с позиций говорящего, выражения отношения говорящего к сообщаемому. Вводные конструкции делятся по субъективно-модальным значениям. К ним относятся значение акцентирования, подчеркивания, выделения в сочетании с усилением и с обращенностью к адресату с желанием привлечь внимание собеседника (*представьте, вообразите, заметим, например* и др.), выражение субъективного отношения, эмоциональных реакций, интеллектуальных оценок самого говорящего - радости, одобрения, положительной оценки (*к счастью, что хорошо* и др.); сожаления, неодобрения, отрицательной оценки (*к несчастью, к сожалению, к стыду, как на беду, увы* и др.); удивления, недоумения (*к удивлению кого-н., к изумлению, странно* и др.); опасения (*неровён час, чего доброго, не дай бог*); оценки сообщаемого с точки зрения достоверности (*навверное, надеюсь, думаю, кажется, видимо, может быть* и др.); неопределенности (*некоторым образом, в каком-то смысле*); допущения (*предположим, допустим, пожалуй, возможно* и др.) В ряде случаев общее эмоциональное отношение к сообщаемому выступает как недифференцированное, неопределенное (*между нами говоря, признаюсь, в сущности говоря* и др.); отношение к стилю, к манере речи, к характеру и способу изложения (*лучше сказать, иначе говоря, грубо говоря, одним словом* и др.); по разнообразным связям, отношениям и зависимостям, а также по месту в строе (*кроме того, к тому же, притом, следовательно, во-первых, во-вторых, в-третьих* и др.); по значению соответствия чему-н. (*как водится, как всегда* и др.); по значению независимости от чего-н., противопоставленности (*напротив, наоборот воля ваша* и др.); по источнику, по отнесенности к автору речи (*по*

⁸⁰ [Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка: Учебник. М., 2000. Валгина, 2000.](#)

слухам, по мнению кого-н., как говорят, по-моему, по-твоему, как известно, по выражению кого-н., говорят и др.); характеристика сообщаемого со стороны меры, степени или ограниченности чем-л. (по меньшей мере, по крайней мере, в той или иной степени, в значительной степени); характеристика по протеканию во времени, по отношению ко времени (случается, как это случается иногда и др.)⁸¹.

Таким образом, метатекстовые элементы, вводные с функцией привлечения внимания собеседника и вводные, показывающие связь между высказываниями или частями высказывания входят в число выразителей субъективной модальности.

С. Г. Ильенко различает группы вводных компонентов по функциям, которые формулируются на основе выражаемых значений субъективной модальности. С. Г. Ильенко рассматривает выражение модальных значений достоверности / недостоверности, указание на источник информации, выражение положительной или отрицательной оценки, установление контакта, комментарий к способу высказывания⁸².

20

Также исследователь говорит о группах вводных компонентов, различающихся по видам осложнения их основного значения: отношение говорящего к самому процессу коммуникации (ее актуализация, активизация внимания адресата: *видите ли, позвольте*); установление в высказывании смысловой иерархии (*во-первых, наконец*)⁸³.

Е. С. Скобликова различает вводные конструкции по выражаемой оценке содержания предложения. При этом только один из функционально-семантических разрядов выражает модальную оценку (уверенность или неуверенность: *безусловно, видимо* и т. д.). В другие разряды входят слова и сочетания слов, при помощи которых говорящий подчеркивает логические отношения между частями предложения или предложениями (*итак, следовательно, во-первых* и т. д.), выразители эмоционального отношения к

⁸¹ [Русская грамматика. Т. 2.: Синтаксис. М., 1980. РФ-80, 2220.](#)

⁸² [Ильенко С.Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. СПб., 2009. С. Ильенко, 2009: 226.](#)

⁸³ [Там же. С. Ильенко, 2009: 226.](#)

сообщаемым фактам (*к счастью* и др.), указывающие на источник информации (*по-моему* и др.), контактоустанавливающие (*видите ли* и др.)⁸⁴.

Я. Г. Биренбаум, говоря о пространстве вводности, выделяет в нем как одну из сфер модальные слова. В нее также входят «предложенческие наречия». Модальные слова определяются исследователем как «часть речи, категориальным значением которой является логико-оценочное отношение говорящего к высказываемой мысли с точки зрения степени ее достоверности». По отношению к степени достоверности высказывания выделяются 5 групп: уверенность / сомнение, предположение / потенциальная возможность, вероятность, очевидность, несомненность.

Предложенческими наречиями называются элементы пространства вводности, передающие отношение участников коммуникации к содержанию сообщения, но не имеющие значения модальности. По отношению участников коммуникации к содержанию сообщения, то есть, с ориентацией на адресатно-адресантную структуру, выделяются следующие значения: категоричность, нереальность, оценка благоприятности событий,²¹ оценка обычности, оценка формы изложения и многие другие⁸⁵.

В. В. Бабайцева указывает на отсутствие единообразия вводных единиц по способам выражения, по значению, по строению. Общими дифференциальными признаками для них являются общее значение выражения субъективной модальности, модальные слова как доминанта способов выражения, выделение вводных единиц в устной речи интонацией⁸⁶.

Исследователь выделяет следующие функционально-семантические группы вводных конструкций, объединяющим значением которых является общее значение субъективной модальности: уверенность (*конечно, разумеется, правда, действительно, бесспорно* и др.), неуверенность (*наверное, кажется, очевидно, видно, возможно, верно, может быть,*

⁸⁴ Скобликова Е.С. Синтаксис простого предложения. М., 1979. С. Скобликова, 2006: 276-278.

⁸⁵ Биренбаум Я. Г. Пространство вводности и придаточные предложения: (Пособие по спецкурсу). Челябинск, 1976. Биренбаум, 1976.

⁸⁶ Современный русский язык. Учебник. В 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация/ В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов. М., 1987. С. Бабайцева, 1987: 162.

должно быть и др.), эмоциональная оценка (к счастью, к сожалению, известное дело и др.), источник сообщения (по слухам, по-моему, говорят и др.), отношения между частями высказывания (кстати, например, во-первых, следовательно и др.), оценка стиля высказывания (честно говоря, короче, другими словами и др.), степень обычности фактов (по обыкновению, бывает, как всегда и др.), привлечение внимания к сообщению (видишь (ли), представь и др.).

В. В. Бабайцева подчеркивает, что выделенные группы только условно объединяют вводные единицы, обладающие нередко сложной семантикой, в которой сочетается несколько значений⁸⁷.

П. А. Лекант говорит об утрате вводными компонентами лексической конкретности и классифицирует их по характеру отвлеченного грамматического значения. По характеру данного значения П. А. Лекант выделяет функции вводных конструкций, как и В. В. Казаковская⁸⁸, и выделяет следующие функционально-семантические группы вводных компонентов:

- вводно-модальные: определяют степень достоверности высказывания (персуазивность).
- вводно-эмоциональные: выражают чувства, которые вызывает сообщаемое у говорящего или у других лиц.
- вводно-авторские: содержат указание на источник информации.
- вводно-обобщительные: обозначают степень обычности названного в предложении события (единичность, случайность или повторяемость, типичность).
- вводно-контактные: установление и поддержание коммуникативной связи говорящего и адресата. Привлечь внимание, убедить собеседника, самооценка речевой манеры.

⁸⁷ Бабайцева, 1987 Там же. С.: 163.

⁸⁸ Казаковская В. В. Способы выражения авторства в структуре предложения : Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. М., 1996. Казаковская, 1996.

- вводно-союзные: по семантике и функциям близки к союзам: передают порядок следования мыслей, их логические отношения⁸⁹.

Итак, исследователи, классифицируя вводные конструкции, исходят из их значения и функций. Однако позиции в определении соотношенности значений и функций вводных конструкций с субъективно-модальными значениями различны. Бесспорно к выразителям субъективно-модальных значений относится только группа со значением оценки достоверности высказывания. Значения групп, выражающих логические отношения в высказывании, указывающих на источник информации, выполняющих контактоустанавливающую функцию, реже всего включаются в состав значений субъективной модальности.

1.4. Значения и текстовые функции отдельных групп вводных конструкций

Кроме выражения субъективно-модального значения или другого значения своей функционально-семантической группы и указания на присутствие говорящего, группы вводных конструкций могут выполнять и другие функции в тексте.

Так, В. В. Казаковской вводно-модальные компоненты, в первую очередь, определяются как способ выражения авторства, вербализации сферы модуса вероятностной оценки. Они отражают смену внутренней точки зрения говорящего и представляют его как носителя эпистемической (персуазивной) оценки. Проблема достоверности, по В. В. Казаковской, возникает в ситуациях припоминания, непосредственного чувственного восприятия явления, о котором есть минимальные знания, при передаче чужой оценочной информации.

Также выделяются следующие «неосновные» функции вводно-модальных слов. Это подчеркивание основных модальных значений при употреблении в одном высказывании («Нет кисета, *несомненно*, Ты боец уже

⁸⁹Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 2004. С. Лекант, 2004: 214-217.

не тот» (А.Твардовский)), экспликация отношений мотивирования («То ли от радости, то ли от пережитого страха - *должно быть*, от того и от другого - хотелось заплакать» (В.Шукшин)), акцентирование коммуникативного центра высказывания («в тетради перерыв и дальше, *очевидно*, по ошибке от волнения написано...» (М.Булгаков)).

Неосновными функциями выразителей проблематической достоверности являются выражение значения «отвергаемое предположение» («Чем не жизнь? Не нужно бы, *кажется*, и умирать, но - увы! - случай стерег его» (А.П.Чехов)), достижение эффекта вежливости, исключение категоричности изложения, использование при номинативных затруднениях, авторефлексии, использование как прием «речевой демагогии» («Я, *может*, своего разрешения на операцию не давал... Я иск, *может*, имею право предъявить» (М.Булгаков)).

Выразители категорической достоверности могут указывать на стереотипность и тривиальность сообщаемого, могут использоваться говорящим для отведения возможных сомнений собеседника, употребляются с целью воздействия на адресата.

Использование вводно-модальных слов в художественном повествовании оправдывает введение нефактической информации, описание ментальных состояний, приписываемых живой и неживой природе (олицетворяющая функция), внутренних мотиваций и душевных состояний персонажей. Отражая точку зрения говорящего, вводно-модальные слова сигнализируют о переключении "субъектных планов", выступают как усложнители субъектной структуры повествования⁹⁰.

М. В. Пляскина, подробно исследуя модальные слова с семантикой категорической достоверности и определяя их как полифункциональные единицы, выделяет следующие функции: авторизация, самоавторизация или указание на «чужое слово», которая способствует оценке персонажа; экспликация особенностей языковой личности говорящего, информация

⁹⁰ Казаковская В. В. Способы выражения авторства в структуре предложения : Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. М., 1996. Казаковская, 1996.

одновременно о фрагменте действительности и фрагменте картины мира адресанта; функция выделения: маркируется важный фрагмент высказывания как метатекстовый элемент; изменение степени категоричности; выражение социальных смыслов (можно сделать выводы о понятных и бесспорных для присутствующих вещах); воздействие на адресата: установление и поддержание контакта, установление корпоративных отношений с собеседником (разделение взглядов), отведение возможных сомнений, уверение, побуждение, провокация к согласию (*может, конечно*), косвенное побуждение к поступку; экспрессивная функция (может возникать ирония от несоответствия норме говорящего)⁹¹.

Е. С. Яковлева говорит об ограничении в использовании лексических показателей степени достоверности. Так, показатель достоверности может противоречить логико-синтаксической структуре предложения. Например, в контексте бытийных предложений: *наверное, жил-был доктор*. Употребимость некоторых модальных слов в высказываниях с объективным статусом, по Е. С. Яковлевой, свидетельствует об отсутствии в их ²⁵ значения компонента «степень достоверности» и актуализации другой функции. Например: *Он со мной поздоровался. Я, естественно, ответил* (актуализируется функция экспликации особенностей языковой личности говорящего)⁹².

Вводно-эмоциональные компоненты выражают эмоциональное состояние и указывают на принадлежность говорящему эмоциональной оценки (*к радости, к удивлению*).

Вводно-контактные компоненты привлекают внимание адресата.

Метатекстовые компоненты выражают авторские самооценки, автокомментарии речевой деятельности субъекта речи, придают

⁹¹ [Пляскина М. В. Модальные слова группы категорической достоверности: структурно-семантический и функциональный аспекты. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Новосибирск, 2001. Пляскина, 2001.](#)

⁹² [Яковлева Е. С. Согласование модальных характеристик в высказывании // Логический анализ языка. Избранное. 1988 – 1995. Редколлегия: Н. Ю. Арутюнова, Н. Ф. Спиридонова. М., 2003. С. 129 – 147. С. Яковлева, 2003: 131.](#)

высказыванию экспрессивную окраску (*откровенно говоря, по правде сказать*), оценивают манеру речи (*лучше сказать*).

Вводно-обобщительные компоненты (как всегда) выражают оценку степени обычности ситуации высказывания и обнаруживают говорящего.

Также, по Б. Ю. Норману, в грамматике говорящего вводные конструкции могут выполнять дополнительную функцию заполнения естественных пауз хезитации (*послушайте, во-первых, честно говоря, видите ли, в общем-то* и т. д.) колебаний и сомнений при выборе языковых единиц⁹³.

В определениях из «Словаря структурных слов русского языка» под ред. В. В. Морковкина отражаются следующие функции вводных.

Выразители категорической достоверности употребляются «для выражения уверенности говорящего в достоверности, истинности высказывания» (*конечно, несомненно, разумеется, без сомнения, понятно*)⁹⁴, «для выражения того, что реальное событие соответствует тому, в чем говорящий не сомневается» (*конечно, несомненно, разумеется, понятно*)⁹⁵, «для подтверждения, признания правильности того, что сказано ²⁶ ранее» (*действительно, в самом деле*)⁹⁶.

Выразители проблематической достоверности употребляются для выражения неуверенного предположения о чем-либо (*может быть, может, пожалуй, похоже*)⁹⁷, для выражения ненавязчивого предложения что-либо сделать (*может быть*)⁹⁸, «для выражения некатегорического намерения, который говорящий высказывает, ожидая от слушающего подтверждения» (*пожалуй*)⁹⁹, «для выражения того, что высказываемое утверждение

⁹³ Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. СПб., 1994.

Норман, 1994.

⁹⁴ Словарь структурных слов русского языка / Под ред. В. В. Морковкина. М., 1997. С. Морковкин, 1997: 222, 272, 297, 33, 172.

⁹⁵ Морковкин, 1997: Там же. С. 222, 272, 297, 172.

⁹⁶ Там же. С. Морковкин, 1997: 103.

⁹⁷ Там же. С. Морковкин, 1997: 192, 191, 267, 279.

⁹⁸ Там же. С. Морковкин, 1997: 192.

⁹⁹ Там же. С. Морковкин, 1997: 267.

основывается не на точном знании, а на предположении» (*вероятно, верно, видно, как видно, очевидно, должно быть, кажется, казалось*)¹⁰⁰.

Определяющими оказываются такие функции вводных конструкций, как выражение степени уверенности и категоричности говорящего, выражение особенностей языковой личности говорящего, установление контакта с собеседником (провокация к согласию, косвенное побуждение к поступку).

Также вводные передают эмоциональное состояние говорящего (*к сожалению, на беду*)¹⁰¹, указывают на обычность и регулярность сообщаемого действия (*как обычно*)¹⁰².

Выводы

Категория модальности тесно связана с категорией оценочности.

Субъективная модальность входит в состав авторской модальности и участвует в формировании субъекта повествования, речевого воплощения образа автора в тексте.

27

Состав средств выражения субъективной модальности является предметом дискуссии. Также спорным является разделение модальности на субъективную и объективную.

Состав функционально-семантических групп вводных конструкций разнороден. Не ко всем группам относится функция выражения модальных значений.

Спорным является состав значений вводных, выражающих ту или иную оценку говорящим высказывания. Бесспорным оказывается включение в их чисто только показателей степени уверенности говорящего в достоверности высказывания. Так как эта группа выполняет и другие функции в высказывании и может при этом приобретать другие значения, описанные в ряде работ как модальные (например, согласие / несогласие, желательность,

¹⁰⁰Там же. С. Морковкин, 1997: 52, 159.

¹⁰¹Там же. С. Морковкин, 1997: 176, 161.

¹⁰²Там же. С. Морковкин, 1997: 162.

выражение отношения), они также рассматриваются как выражение субъективной модальности.

Также, опираясь на различные описания модальных значений, в особенности на связь между модальностью, оценочностью и эмоциональностью¹⁰³, как выразители субъективной модальности («оценочные» вводные по Е. В. Падучевой¹⁰⁴) в работе рассматриваются группы со значением степени уверенности в достоверности сообщаемого (показатели категорической и проблематической достоверности), степени обыденности явления, выразители эмоционального отношения.

Фатические (контактоустанавливающие) и метатекстовые вводные, отвечающие за связь с адресатом и отношение к манере речи, отсылки к источнику сообщения, указание на логико-иерархическую структуру высказывания, включаются в рассмотрение, так как выполняют функции указания на присутствие говорящего субъекта, акцентирования важных для говорящего элементов высказывания, привлечения внимания адресата, заполнения пауз хезитации.

28

¹⁰³ Романова Т.В. Модальность. Оценка. Эмоциональность. Нижний Новгород, 2008.

¹⁰⁴ Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

Глава 2. Вводные конструкции в рассказах И.А. Бунина

2.1. Общая характеристика материала исследования

Материал исследования представлен 704 употреблениями вводных конструкций в 77 рассказах И.А. Бунина, написанных в период с 1892 по 1932 гг.

Рассматриваются отдельные рассказы, не входящие в циклы.

Повествователь является имплицитным в 45 рассказах, а в 32 принадлежит миру текста. В рассказах с экзегетическим повествователем встречается 467 употреблений вводных, с диегетическим – 237.

Всего в рассказах встречаются 52 вводные конструкции.

В рассматриваемых текстах встречаются употребления всех функционально-семантических групп вводных конструкций, указанных в разделе «Функционально-семантическая классификация вводных конструкций».

К перволичной форме нарратива (речи персонажа и повествователя²⁹ от первого лица), при которой субъекты речи и сознания совпадают, относится 631 употребление (356 - в прямой речи, 182 – в речи рассказчика, 88 – в несобственно-прямой речи, 5 – в косвенной речи), а к аукториальной форме (речи имплицитного повествователя) – только 68. Также есть 5 употреблений с неоднозначной трактовкой (аукториальное повествование или НПР).

Только в речи персонажа и эксплицитного повествователя употребляются 18 вводных (всего 44 употребления): *действительно, в самом деле, понятно, к сожалению, как нарочно, следовательно, к примеру, на беду, как известно, по-моему, кстати, по обыкновению, скажем, допустим, во-первых, во-вторых, в-третьих, главное (дело)*. Они представляют группы выразителей категорической достоверности, эмоционального отношения к высказыванию, контактоустанавливающих и метатекстовых (указание на источник информации, установление смысловой иерархии высказывания) элементов.

Только в речи имплицитного повествователя употребляются 8 вводных конструкций (всего 34 употребления): *как видно, точнее говоря, по словам, по слухам, как оказалось, с одной стороны ... с другой стороны, между прочим, как обычно*. Они представляют группы выразителей проблематической достоверности, оценки степени обычности фактов, метатекстовых (указание на источник информации, установление смысловой иерархии высказывания, оценка манеры речи) элементов.

В работе в первую очередь уделяется внимание оценочным вводным элементам, так как эти группы вызывают меньше сомнений в отнесенности к выразителям субъективной модальности. Отношение говорящего к сообщаемому, выражаемое вводными, оценивающими уверенность говорящего в достоверности высказывания, его эмоциональное отношение, степень обыденности сообщаемого, поддается формулировке.

Устанавливается частотность их употребления в зависимости от типа повествования и повествователя, текстовые функции, место в предложении.

В случае с контактоустанавливающими и метатекстовыми элементами, комментирующими манеру речи, указывающими на источник информации и на логические связи в высказывании, у многих исследователей возникают сомнения в принадлежности их значений к сфере субъективной модальности.

~~Их Тем не менее, они выполняют важные функции, такие как указание на присутствие говорящего субъекта, акцентирование важных для говорящего элементов высказывания, привлечение внимания адресата, заполнение пауз-хезитации. Поэтому их подробный анализ не~~ включается в работу. Устанавливается частотность их употребления в зависимости от типа повествования и текстовые функции.

2.2. Позиция вводных в структуре предложения и рассказа

Традиционно вводные конструкции относят к средствам осложнения предложения, синтагматически не связанным с ним, и рассматривают вместе со вставными конструкциями как парантезу¹⁰⁵.

¹⁰⁵

Однако А. Ф. Прияткина утверждает, что нет достаточных оснований считать вводные слова одним из видов осложнения. Исследователь признает за вводно-модальными словами внесение в предложение дополнительных смыслов, выполнение функции определения позиции говорящего субъекта, но говорит о недопустимости их включения в ряд осложняющих членов, так как они не являются членами предложения. Традиция, по которой вводные слова относят к осложнению, по мнению А. Ф. Прияткиной, связана с пунктуационной практикой и во многом объясняется учебными задачами¹⁰⁶.

А. А. Шахматов не относит вводные конструкции к второстепенным членам предложения, подчеркивает их позицию вне предложения. По А. А. Шахматову, вводные конструкции вносят в предложение определенное значение, но могут быть устранены без нарушения смысла. Значение, вносимое вводными конструкциями, изменяет и дополняет только сказуемое в предложении¹⁰⁷.

П. А. Лекант рассматривает вводные конструкции как одно из средств реализации предложения в речи. Вместе с обращением, именительным³¹ темой, эквивалентами предложений они отвечают за задачу установления речевого контакта с адресатом и достижение адекватного восприятия высказывания. Они не входят в структуру предложения, не имеют самостоятельного значения и могут быть употреблены только с ним, отбираются говорящим с учетом коммуникативной ситуации. Вводные компоненты делятся на группы по значению, носящему абстрактный грамматический характер, и употребляются для выражения отношения говорящего к своему высказыванию. Так, при помощи вводно-модальных компонентов (*конечно, наверное* и т. д.) говорящий оценивает содержание высказывания как достоверное или вероятное, предположительное.

С. Г. Ильенко также учитывает адресатно-адресантные отношения при описании вводных конструкций. Она относит вводные компоненты к средствам межличностной составляющей предложения (коммуникативной

¹⁰⁶ Прияткина А. Ф. *Русский язык: Синтаксис осложненного предложения*. М., 1990. Прияткина, 1990.

¹⁰⁷ Шахматов А. А. *Синтаксис русского языка*. Л., 1941. С. Шахматов: 265.

оси) и рассматривает их в контексте адресатной функции синтаксиса¹⁰⁸.

Исследователи едины в том, что вводные конструкции грамматически не связаны с членами предложения. Выясним, как определяется характер их связи с предложением.

В. В. Виноградов не согласен с А. А. Шахматовым в том, что вводные конструкции могут относиться только к сказуемому. Он говорит о подвижности вводных синтагм: при интонационно-смысловой членности предложения они могут относиться не только ко всему предложению в целом или его предикату, но и к отдельным его членам. В. В. Виноградов пишет, что они «могут двигаться по словесному «пространству» предложения и до некоторой степени определять его синтагматическое членение, обусловленное смысловым заданием речи». В качестве иллюстрации исследователь сравнивает следующие высказывания: *Он, кажется, себя довольно позабавил; Она получила деньги, кажется, от своей тетушки; От своей тетушки она получила, кажется, несколько сот рублей*¹⁰⁹.

Вслед за В. В. Виноградовым Л. К. Дмитриева говорит о ³² том, что вводные компоненты могут быть соотнесены со всем предложением, с ремой, со всей предикатной единицей, или с второстепенными членами. В последнем случае происходит их актуализация¹¹⁰.

В. В. Бабайцева также пишет, что вводные единицы могут относиться как к предложению в целом, так и к отдельной его части. Исследователь отмечает, что наиболее сильной для вводных единиц является интерпозиция¹¹¹.

Н. Ю. Шведова также говорит о свободном месте вводных конструкций в предложении. Синтаксические связи с каким-либо членом предложения или

108[□]Ильенко С.Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. СПб., 2009. С. Ильенко, 2009: 225

109[□]Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике: избранные труды. М., 1975. С. Виноградов, 1975: 67.

110[□]Дмитриева Л. К. Обращение и вводный компонент. Лекции. Л., 1976. С. Дмитриева, 1976: 34

111[□]Современный русский язык. Учебник. В 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация/ В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов. М., 1987. С. Бабайцева, 1987: 163.

с предложением в целом у вводных слов, вводных сочетаний и вводных предложений отсутствуют¹¹².

М. В. Пляскина говорит о позиции вводных слов в высказывании как прикомпонентной. Выражаемые ими субъективные смыслы относятся к определенному компоненту предложения – от одного слова до предикативной единицы¹¹³.

Одной из функций вводных компонентов, по В. В. Казаковской, является акцентирование коммуникативного центра высказывания¹¹⁴. Для его определения следует установить место вводного элемента в предложении.

Итак, вводные конструкции связаны с коммуникативной установкой высказывания. Необходимо определить место вводной конструкции в структуре предложения для выявления ее значимости.

В рассматриваемых рассказах вводные конструкции употребляются в инициальной позиции в предикативной части, контактно при предикате, при второстепенном члене предложения, при осложнении (маркируют компоненты ряда однородных членов, контактно употребляются с обособленным членом предложения, входят в состав вставной конструкции).

Из-за большого количества употреблений и необходимости приведения широкого контекста соотнесенность вводных конструкций с определенным компонентом предложения приводится в приложении.

Здесь рассмотрены некоторые типичные и наиболее интересные случаи.

Так, в прямой речи при употреблении в составе неполного предложения вводное слово может относиться к опущенному компоненту:

Я, может, кабы сыт-то был... ((рассказ «Веселый двор», 1911 г.) (III, с. 266)¹¹⁵.

¹¹² Русская грамматика. Т. 2 : Синтаксис. М., 1980. РФ-80.

¹¹³ Пляскина М. В. Модальные слова группы категорической достоверности: структурно-семантический и функциональный аспекты. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Новосибирск, 2001. Пляскина, 2001.

¹¹⁴ Казаковская В. В. Способы выражения авторства в структуре предложения : Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. М., 1996. Казаковская, 1996.

¹¹⁵ Бунин И. А. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 3. С. 266. (Далее ссылки на это издание делаются в тексте; римская цифра обозначает номер части, арабская — номер страницы.)

При употреблении с второстепенным или обособленным членом предложения, вводная конструкция выполняет акцентирующую функцию.

Пример контактного употребления с второстепенным членом:

*И затем горячо начинает верить, что «вся сила в том», что он уже видел, чувствовал индийские тропики, **может быть, тысячи лет тому назад**, — глазами и душой своего бесконечно дальнего предка... («Соотечественник», 1916 г.) (IV, 137)*

Вводная конструкция со значением проблематической достоверности маркирует обстоятельство времени как предположительное и незначительное в своей точности для субъекта сознания (персонаж).

Пример маркирования элемента ряда однородных членов:

Проснулась, когда уж обеднялось — и болезненно обрадовалась дню, тому, что она жива, что идет в Ланское, начинает какую-то новую, может, хорошую жизнь... («Веселый двор», 1911 г.) (III, 249)

Вводная конструкция со значением проблематической достоверности маркирует одно из однородных определений, выражает надежду субъекта ³⁴сознания (персонажа), отмечая его неуверенность в предполагаемом качестве, в том, что его будущее будет хорошим.

Примеры контактного употребления с обособленными членами предложения:

*Перед вечером, когда он подходил к селу, над селом прошумел не долгий, но сильный ливень, **как видно, не первый за день**. («Веселый двор», 1911 г.) (III, 260).*

Вводная конструкция со значением проблематической достоверности маркирует обособленное определение в контексте описания пейзажа, выражает предположение говорящего, основанное на наблюдении. Указывает на неважную деталь, которую подмечает субъект сознания (персонаж).

Обед длился больше часа, а после обеда открывались в бальной зале танцы, во время которых мужчины, — в том числе, конечно, и господин из Сан-Франциско, — задрав ноги, до малиновой красноты лиц накуривались

гаванскими сигарами и напивались ликёрами в баре, где служили негры в красных камзолах, с белками, похожими на облупленные крутые яйца. («Господин из Сан-Франциско», 1915) (IV, 55)

Конечно как средство выражения категорической уверенности повествователя маркирует во вставной конструкции *в том числе, конечно, и господин из Сан-Франциско* включенность персонажа в ситуацию. Вводная конструкция выражает отношение говорящего к этой включенности как к естественной. При этом дается избыточная информация: подлежащее *мужчины* включает и персонажа. Это подчеркивает, что поведение персонажа такое же, как у остальных.

Пример контактного употребления при предикате:

*Он поднял колени и положил на них локти, жарко дыша банным благовонным теплом полдня и бессмысленно поводя глазами за проходящими сингалезами и европейцами, вынул из-за передника к тряпку, вытер ею окровавленные бетелем губы, лицо, выпуклости на гладкой груди и, сложив ее бинтом, приложил ко лбу, повязал голову: это было совсем некрасиво, придавало ему вид больного, но ведь многие рикши делают так. Он сидел и, **может быть, думал...*** («Братья», 1914 г.) (IV, 14)

Вводная конструкция со значением проблематической достоверности выражает предположение повествователя о внутреннем состоянии персонажа. Субъект сознания высказывает предположение о наличии ментального действия персонажа, подчеркивая свою позицию внешнего наблюдателя по отношению к герою.

Пример употребления в инициальной позиции в предикативной части:

*Дочь, однако, не ехала — **верно, не пускала погоду.*** («Худая трава», 1913 г.) (III, 390)

Вводная конструкция со значением проблематической достоверности выражает предположение субъекта сознания (персонажи) о причине поведения другого персонажа.

Было установлено, что частотность употребления вводных не зависит от объема рассказа. Так, в рассказе «При дороге» встречается 10 употреблений вводных на 7335 слов (0, 14%), а в рассказе «На даче» на 1113 словоупотреблений приходится 28 вводных (2,5%).

Рабочей гипотезой, проверяемой в 3 главе, является зависимость особенностей употребления вводных от типа нарратива и времени написания рассказов в соответствии с выделяемыми в определенный период типами повествователя.

Вводные конструкции встречаются в 77 рассказах, не входящих в циклы.

В 45 из них повествователь не принадлежит миру текста, является имплицитным (экзегетическим). Это рассказы «На даче», «При дороге», «Веселый двор», «Худая трава», «Белая лошадь», «В поле», «Братья», «Весенний вечер», «Соотечественник», «Чаша жизни», «Древний человек», «Солнечный удар», «Господин из Сан-Франциско», «Иоанн Рыдалец», «Грамматика любви», «Сны Чанга», «На чужой стороне», «На край света», «На хуторе», «Птицы небесные», «Учитель», «Захар Воробьев», «Хороших кровей», «Старуха», «Я все молчу», «Кастрюк», «Пыль», «Петлистые уши», «Танька», «Казимир Станиславович», «Последний день», «Подторжье», «Клаша», «Игнат», «Легкое дыхание», «Святые», «Будни», «Личарда», «Сказка», «Князь во князьях», «Последнее свидание», «Ночной разговор», «Сила», «Вести с родины», «Сверчок».

В 32 присутствует повествователь от первого лица, принадлежащий миру текста (диегетический, рассказчик). Это рассказы «Маленький роман», «Последняя осень», «Архивное дело», «Копье Господне», «Хорошая жизнь», «Мелитон», «У истока дней», «Цифры», «Золотое дно», «Антоновские яблоки», «Без роду-племени», «Новый год», «Туман», «Заря всю ночь», «В августе», «Надежда», «Над городом», «Святые горы», «Сосны», «Тишина», «Эпитафия», «Крик», «Сны», «Книга», «Костер», «Перевал», «Осенью»,

«Лирник Родион», «Неизвестный друг», «Новая дорога», «Последняя весна», «Ермил».

2.3. Функционально-смысловые группы вводных конструкций в рассказах

Состав вводных конструкций определялся с опорой на «Словарь структурных слов» под ред. В. В. Морковкина¹¹⁶.

Группы оценочных вводных конструкций представлены 485 употреблениями. Из них к выразителям степени уверенности говорящего в достоверности высказывания относится 391 употребление, к выразителям эмоционального отношения – 14, к выразителям характеристики обыденности сообщаемого – 80.

Группа, выражающая степень уверенности и включающая показатели категорической и проблематической достоверности, представлена 391 употреблением и является самой распространенной.

37

Группа со значением категорической достоверности представлена следующими вводными: *конечно, разумеется, без сомнения, несомненно, в самом деле, понятно, действительно*.

Всего в нее входят 152 употребления вводных компонентов. Из них самым частотным является *конечно* (103 употребления), далее следуют *понятно* (31), *разумеется* (6), *без сомнения* (5), *в самом деле* (4), *несомненно* (2), *действительно* (1).

Группа со значением проблематической достоверности представлена следующими вводными: *может быть, может, верно, вероятно, казалось, кажется, видно, как видно, очевидно, должно быть, пожалуй*.

В нее входят 239 употреблений вводных компонентов. Из них самым частотным является *может быть* (51 употребление), за ним следуют *может* (35), *видно* (31), *верно* (26), *казалось* (23), *должно быть* (20), *кажется* (17), *вероятно* (15), *пожалуй* (12), *очевидно* (8), *как видно* (1).

¹¹⁶Словарь структурных слов русского языка / под ред. В. В. Морковкина. М., 1997.

Группа со значением характеристики обыденности сообщаемого представлена вводными *как обычно, как всегда, бывало, по обыкновению*. Из 80 употреблений 40 относится к *бывало*, 36 – к *как всегда*, 2 – к *как обычно*, 2 – к *по обыкновению*.

14 употреблений принадлежит группе выразителей эмоционального отношения. Она представлена вводными *к сожалению* (7 употреблений), *как нарочно* (4), *к удивлению* (2), *на беду* (1).

Группа контактоустанавливающих (фатических) вводных представлена 7 употреблениями. К ней относятся *скажем* (6) и *допустим* (1).

Метатекстовые вводные элементы представлены 212 употреблениями. К ним относятся вводные, указывающие на источник информации (42), на логико-иерархическую структуру высказывания (164), на манеру изложения мыслей (6).

В состав группы, указывающей на источник информации, входят *говорят* (26 употреблений), *как говорится* (7), *как оказалось* (3), *по-моему* (3), *как известно* (1), *по словам* (1), *по слухам* (1). 38

В состав группы, характеризующей манеру изложения, входят *вернее* (4) и *точнее говоря* (1), *можно сказать* (1).

В состав группы, указывающей на логико-иерархическую структуру высказывания, входят *значит* (71), *например* (39), *наконец* (15), *главное* (7), *к примеру* (6), *во-первых* (4), *во-вторых* (4), *в конце концов* (4), *словом* (3), *кроме того* (3), *кстати* (2), *между прочим* (2), *следовательно* (2), *в-третьих* (1), *с одной стороны <...> с другой стороны* (1).

Выводы

Вводные конструкции не входят в состав членов предложения. Спорным является вопрос о возможности их отнесения к осложняющим членам предложения.

Вводные конструкции соотносятся с разными компонентами в предложении. Они могут употребляться в инициальной позиции при предикате, контактно с предикатом, второстепенным членом, обособленным

компонентом предложения. При этом значение компонента акцентируется. Говорящий таким образом выражает свое отношение к нему.

Самой частотной функционально-семантической группой вводных конструкций в рассказах являются выражители степени уверенности в достоверности высказывания. Выразители проблематической достоверности представлены шире, чем выражители категорической.

Частота употребления вводных не зависит от объема рассказа.

Глава 3. Вводные конструкции в разных типах повествования

3.1 Типы повествователя в прозе И. А. Бунина

При описании структуры повествования и характеристике образа автора обращается внимание на тип повествователя.

В первую очередь определяется, принадлежит ли повествователь миру текста. В зависимости от этого различаются экзегетический (имплицитный, скрытый, безличный, не принадлежащий миру текста) и диегетический (эксплицированный, перволичный повествователь, являющийся частью описываемого в произведении мира).

Так классифицируют тип повествователя А. Ю. Большакова (тип всеведущего автора и автор-повествователь)¹¹⁷, В. В. Виноградов¹¹⁸, Е. В. Падучева¹¹⁹.

Н. С. Валгина, говоря о формах представления авторства, пишет, что их выбор зависит от общих характеристик текста. Исследователь различает личностные («когда субъект речи обозначен непосредственно,⁴⁰ персонафицирован»), безличностные и личностно-безличностные формы¹²⁰.

Тип повествователя связан с субъектом речи и субъектом сознания. Ими могут быть сам автор, рассказчик, которому автор передает свои полномочия, персонаж¹²¹.

Исследователи, описывающие авторскую модальность в текстах, обращаются к его анализу по типам повествования и характеризуют представленный в них субъект повествования и средства его создания. В зависимости от выявленных особенностей, различают разные типы повествователя в творчестве автора.

¹¹⁷ Большакова А. Ю. Теории автора в современном литературоведении // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1998. Т. 57. № 5. С. 20.

¹¹⁸ Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971.

¹¹⁹ Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996. С. 202 – 204.

¹²⁰ Валгина Н. С. Теория текста. М., 2003. С. 95.

¹²¹ Валгина Н. С. Теория текста. М., 2003. С. 99.

В ранней прозе И. А. Бунина характерно большое количество рассказов, в которых «объективное изображение событий почти целиком преломляется через призму восприятия героя»¹²².

Л. П. Грунина отмечает тенденцию Бунина-повествователя, выступающего в роли непосредственного наблюдателя, постоянно нарушать границы чужого сознания. Это нарушение приводит к смене точки зрения и отражается в том числе на синтаксическом строе текста. Многоголосие «восприятий» и «сознаний», организующим началом которого является повествователь, оценивается как эмоционально-импрессионистический рисунок авторского повествования Бунина-художника¹²³.

Это соотносится с определением «феноменологического» характера произведений И. А. Бунина Ю. А. Мальцевым¹²⁴.

В творчестве Бунина 30-40х гг. отмечается тенденция к устранению автора из повествования. Повествователь является героем текста¹²⁵.

Важной представляется типология повествователей в соответствии с эволюцией повествования И. А. Бунина в работе Т. Я. Каменецак⁴¹¹²⁶.

Рассматривается период с 1911 по 1929 гг. В нем выделяются три отрезка в соответствии с критериями общности тематики и организации повествования: 1911 – 1913, 1914 – 1919, 1920 – 1929. В каждом периоде выделяется доминирующий тип субъекта сознания, который воплощается как в зоне повествователя, так и персонажа¹²⁷.

По Т. Я. Каменецак обобщенным субъектом сознания в 1911 – 1913 гг. является человек из народа, «древний человек», «человек-забота», в 1914 –

¹²² Вантенков И. П. Структура повествования в рассказах И. А. Бунина (1890-1916 гг.): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Киев, 1979.

¹²³ Грунина Л. П. Особенности авторского повествования прозы И.А. Бунина (нарративность и эгоцентричность): проблема нарушения границ чужого сознания // Этногерменевтика: Грамматические и семантические проблемы. Вып. I Кемерово, 1998. С. 41-46.

¹²⁴ Мальцев Ю. А. Иван Бунин. 1870 — 1953. Франкфурт-на-Майне М., 1994. С. 304.

¹²⁵ Штерн М. С. Проза И. А. Бунина 1930 – 1940-х годов. Жанровая система и родовая специфика: Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997.

¹²⁶ Каменецак Т.Я. Эволюция повествования в произведениях И. А. Бунина 1910 - 1920-х годов. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Екатеринбург, 2008.

¹²⁷ Там же. С. 4.

1920 гг. – «герой-странник», «человек живой жизни», «старуха», в 1920-е – «эмигрант», стоящий за перволичным повествованием¹²⁸ .

В период 1911 – 1913 гг. отмечается ориентация на сказ с целью выразить народный характер. Она проявляется в перволичном повествовании (рассказ «Хорошая жизнь») и в безличной форме, через чужую речь (рассказы «Худая трава», «Веселый двор», «Сказка», «Хороших кровей»). Также отмечается драматизация повествования, большое количество дискурсов, характеризующих разных субъектов речи. Особенно явно она проявляется в рассказах «Древний человек», «Будни», «Ночной разговор», «Сила», «Личарда»¹²⁹ .

Большинство рассказов представлено в форме повествования от третьего лица. Встречаются «сказовые» фрагменты (НПР), стилизация. Минимальная дистанция у автора с персонажами, отличающимися «памятливостью». Пейзаж становится средством выражения внутренних переживаний героя¹³⁰ .

Максимальная дистанция у автора с типом «человека-заботы» и «псевдоинтеллигента». Они представлены в рассказах «Белая лошадь», «Ермил», «Забота», «Я все молчу», «Перевал» и «Ночной разговор», «Будни». Основным типом речи в них является прямая речь героя, что указывает на его дистанцированность¹³¹ .

В период 1914 – 1920 гг. отмечается актуализация речевой зоны героя, носителем авторской рефлексии является персонаж (Зотов в «Соотечественнике», англичанин в «Братьях»)¹³². В НПР и косвенной речи персонажей проявляется мыслительная деятельность, «чувствование» - духовное развитие субъекта. Тип «героя-странника» в роли повествователя выражает внешнюю точку зрения и таким образом создает «иллюзию

128 Там же. С. 10.

129 Там же. С. 10 – 11.

130 Там же. С. 11.

131 Там же. С. 12.

132 Там же. С. 16.

незнания внутреннего мира актора» («Петлистые уши», «Казимир Станиславович», «Соотечественник»)¹³³ .

В 1920-е гг. становится больше личной формы повествования. Настоящее воспринимается «эмигрантом» только как переживание прошлого. Повествователь-«эмигрант» доверяет героям выражение своих переживаний. Безличная повествовательная форма отличается нейтральным характером речи («Солнечный удар»)¹³⁴ .

Интересным с точки зрения зависимости степени субъективации повествования и периода творчества представляется случай с авторской правкой рассказа «Маленький роман».

В редакции 1909 г. есть фрагмент, убранный из версии 1926 г.:

*Да и вообще никого и ничего нет. Вы, **верно**, слышали, что мама умерла еще в августе, сразу, от сердца. Папа очень опустился и совсем растерял пациентов. Бедная я ужасно – и, **конечно**, это сильно влияет на мою решимость вырваться на воздух. **Стыдно сказать**, но своих денег у меня осталось франков двенадцать.* (II, 504 – 505). 43

Вместе с ним убираются сразу три оценочные вводные конструкции, выражающие предположение говорящего о знании адресата, уверенность в причинах своего внутреннего состояния, эмоционального отношения к сообщаемой ситуации.

3.1 Типы повествователя в прозе И. А. Бунина

1. ~~Большакова А. Ю. Теории автора в современном литературоведении // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1998. Т. 57. № 5. С. 15–24.~~

2. ~~Вантенков И. П. Бунин-повествователь: (Рассказы 1890–1916 гг.). Минск, 1974~~

¹³³Там же. С. 17.

¹³⁴Там же. С. 22.

3. Вантенков И. П. Структура повествования в рассказах И.А. Бунина (1890-1916 гг.): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Киев, 1979.

4. Вихрян О. Е. Языковые средства выражения авторской модальности в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева». Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. М., 1990

Авт. Мод-ть как часть обр-авт.

автобиогр. ж-р. для идиостиля Б-ст-ся хар-м многообразия испол-х форм "чужого" слова.

оценки на стыке "ч" и авт повествования (про-цитаты).

5. Глинина О. Г. «Темные аллеи» И. А. Бунина как художественное единство: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Волгоград, 1999

6. Грунина Л. П. Особенности авторского повествования прозы И.А. Бунина (нарративность и эгоцентричность): проблема нарушения границ чужого сознания // Этногерменевтика: Грамматические и семантические проблемы. Вып.1 Кемерово, 1998. С. 41-46

44

7. Захарова В.Т. Импрессионизм в ранней прозе Ив. Бунина // Синтез культурных традиций в художественном произведении. — Н. Новгород, 1994. С. ___-__.

8. Захарова В.Т. Импрессионизм в русской прозе Серебряного века. Н. Новгород, 2012.

процесс поиска реальных жизненных примет изначального единства мира и человека. отсюда стремление проследить связь незначительных, на первый взгляд, состояний, мигнов бытия и открыть в них тайну вечности, незыблемых общих законов. "Разложение" восприятия на отдельные элементы\краски. расширяло восприятие действительности и углубление автора в собств мироощущ и запечатление в слове его составных моментов.

нов-лит пейзаж: единение мигн-сост-чел и неуловимых-сост-прир-сопряжение мига и вечности. Б-взаимосвязь чел с окр миром

1890-1900—ранняя проза,мах-спорн. переходн-пейс-сост

все — внешние — впечат-я — пропускались — сквозь — авторек — воспр-е — жизни.
вливание личност, родовой, историч-памяти (святые горы, на даче, антон-ябл,
эпит-я, над городом, поздней ночью)

субъективн-длительность — индив-воспр — эф-т-приближенности-мира
прошлого-настоящему

над городом: детек-взгляд и расек-к-из-нв.

9. Захарова В.Т. Проза Ив. Бунина: аспекты поэтики. Н. Новгород,
2013.

К. 19-н.20. эмигр. П-д.

"феноменологический" х-р-пр-й — Ю. Мальцев "феноменол. переворот в
иск-ве, равный пер-ту, проиведенному в физике эйнштейновской теорией отн-
ти, состоит в устранении разрыва между С и Ом. прежнее понятие Сти как
чего-то недостоверного и почти предосудит-го — утрачивает свой смысл."
Бунин. с. 304. Т. с. 7

10. Каменецкая Т.Я. Эволюция повествования в произведениях
И.А. Бунина 1910 — 1920-х годов. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол.
н. Екатеринбург, 2008. 45

11. Мальцев Ю. А. Иван Бунин. 1870 — 1953. Франкфурт-на-Майне
— М., 1994

12. Смирнова Л. А. Иван Алексеевич Бунин. Жизнь и творчество. М.,
1991.

13. Штерн М. С. Проза И. А. Бунина 1930 — 1940-х годов. Жанровая
система и родовая специфика: Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург,
1997

3.2. Классификация вводных по контекстам употребления

Персонаж в прямой речи употребляет вводные, указывающие на
степень обыденности явления, только в контексте воспоминания при
оценке сообщаемого как нерегулярно происходившего в прошлом. Контекст
воспоминания вводится при помощи *бывало*.

Такой же контекст встречается в речи персонажа в НПР, в речи рассказчика и экзегетического повествователя.

Оценка какой-либо детали происходящего как неизменной присутствует также в этих формах. Широкий контекст она приобретает в речи экзегетического повествователя, указывая на неизменное действие описываемого персонажа, неизменность происходящего при определенных условиях, описание внешности персонажа (также в речи рассказчика), привычки (манеры поведения (также в речи рассказчика), определенного действия) реакции персонажей на происходящее.

Выразители эмоциональной оценки в речи экзегетического повествователя встречаются только 1 раз. Оно описывает эмоциональную реакцию (удивление) персонажа на происходящее, не соответствующее его ожиданиям, при описании его восприятия.

С таким же значением *к удивлению* употребляется в речи рассказчика, но эмоция направлена на действия собеседника и относится к субъекту речи. Второе употребление (*как нарочно*) встречается при передаче эмоциональной реакции говорящего на происходящее при описании окружающего его пространства.

Персонаж в НПР эмоционально реагирует на действия персонажа, которые препятствуют осуществлению его планов и использует *к сожалению* с целью смягчения отказа (передача диалога в контексте восприятия персонажа).

Персонаж в прямой речи выражает эмоциональную реакцию на произошедшее (досада), на произошедшее, не соответствующее его ожиданиям, выражает эмоциональную реакцию на происходящее (сожаление, недовольство) и побуждает адресата избегать случившейся ситуации, употребляет *к сожалению* для смягчения отказа и несогласия.

Выразители категорической достоверности в речи экзегетического повествователя встречаются всего 5 раз и только в 1 случае выражается уверенность в оценке факта. В остальных случаях они указывают на

естественность характеристики при описании персонажа, его обстоятельств жизни, при описании изображаемого объекта, при повествовании о происходящем, включая персонажа.

В речи рассказчика они используются при оценке в повествовании о происходящем, о своих действиях, при указании на их причину, при формулировке отвергаемого предположения о характере времени действия, при оценке внутреннего состояния и передаче восприятия говорящего при объяснении и позиции адресата, в контексте письма.

Персонаж в НПР действия оценивает действие другого персонажа, случившееся как ожидаемое, неизбежное, вводит контекст размышления, выражает уверенность в правоте своих объяснений причин поведения персонажей, происходящего, оспаривает свою характеристику.

Персонаж в ПР помимо вышперечисленного выражает иронию, указывая на естественность характеристики для источника, уверенность в верности предположения сделанного на основе восприятия, отвергает предположение о достоинствах и недостатках сообщаемого, ⁴⁷ вежливо указывает на уверенность в естественности своего требования к ситуации, распространяет свою позицию на всех, употребляя вводное в пословице, признает верность высказывания героя при рефлексии.

Экзегетический повествователь употребляет **выразители проблематической достоверности** при выражении предположения о содержании мыслей персонажа, о его внутреннем или эмоциональном состоянии, при сравнении образа действия персонажа, при оспаривании предположения, при повествовании о судьбе, жизни персонажа, происходящем с ним, при выражении причин, объясняющих его состояние, поведение.

Рассказчик употребляет эту группу вводных при предположении о характере произошедшего в повествовании, в контексте размышления, при выражении предположений о связи между наблюдаемыми вещами, о причинах, о будущем, о правоте персонажа при его описании, о причине

возникновения действия (начало разговора, возникшая у рассказчика ассоциация), при неуверенности в верности описаний происходящего, при передаче своего внутреннего состояния, восприятия (своего и чужого), при выражении надежды, желательности в контексте письма, при олицетворении.

Персонаж в НПР выражает предположение о причинах своего поведения в контексте рефлексии, о характере и действиях другого персонажа, о своем будущем, выражает свое восприятие наблюдаемого, описывает эмоциональное состояние, выражает предположение о качествах того, чего не видит, визуализация мысли (внешность другого персонажа).

В КР вводные данной группы употребляются при описании внутреннего состояния персонажа. Персонаж выражает предположение о причинах поступка другого персонажа, указывает на неточность своего намерения, в процессе размышления оценивает произошедшее событие.

В ПР персонаж выражает мысль в контексте размышления, предположение о характере, причинах поведения персонажей, о действиях в прошлом, характеризующих участников ситуации, о реакции ⁴⁸на него собеседника, о позиции собеседника, о которой у него сложилось представление. Субъект речи употребляет вводную конструкцию со значением неуверенности при передаче своего желания, подчеркивает эмоциональность высказывания, оспаривает оценку адресата, снимает резкость побуждения к действию, высказывает совет, при иронии.

3.3. Вводные конструкции в разных типах повествования

Е. В. Падучева пишет: «чтобы определить повествовательную форму в лингвистических терминах, достаточно охарактеризовать ее по двум параметрам: какие эгоцентрики допустимы в данной форме, в чьем распоряжении они находятся, т.е. кто замещает говорящего»¹³⁵.

¹³⁵Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996. С. 409.

Таким образом, вводные конструкции как эгоцентрики могут быть использованы для определения типа повествования и при характеристике субъекта сознания в нем.

Интересующие нас эгоцентрики могут относиться к говорящему как к субъекту сознания, восприятия, речи (субъекты диктума и модуса по Г. А. Золотовой¹³⁶).

По типу повествователей Е. В. Падучева выделяет следующие формы нарратива:

1. Традиционный нарратив, в котором различаются перволичная и аукториальная формы. В перволичном повествовании повествователь диегетический, он персонифицирован и принадлежит миру текста. В аукториальной форме, так называемом нарративе 3-го лица, повествователь не принадлежит миру текста. Это экзегетический, имплицитный повествователь, не называющий себя.

2. Свободный косвенный дискурс (СКД) – повествовательная форма, при которой повествователь отсутствует, говорящим является персонаж, который вытесняет повествователя. О том, что слово принадлежит персонажу, говорят эгоцентрики. Субъекты речи и сознания не совпадают¹³⁷.

С повествовательными формами соотносятся три типа языковых структур: прямая речь (ПР), косвенная речь (КР), несобственная прямая речь (НПР)¹³⁸.

В. Шмид говорит о текстовой интерференции – явлении, при котором субъективность персонажа входит в повествовательный текст. То есть, при текстовой интерференции в речи повествователя выражается позиция персонажа. Персонаж становится субъектом повествования¹³⁹.

¹³⁶ Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка/Г.А. Золотова, Н.К. Онепенко, М.Ю. Сидорова. М., 1998. С. 231.

¹³⁷ Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996. С.202 – 206.

¹³⁸ Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996. С. 337.

¹³⁹ Шмид В. Нарратология. М., 2003. С. 199.

Самыми распространенными формами текстовой интерференции являются несобственно-прямая (НПР) и косвенная речь (далее КР).

В одном отрывке повествовательного текста одни признаки отсылают к тексту нарратора, другие – к тексту персонажа. В. Шмид приводит набор признаков, по которым можно отличить слово повествователя от слова персонажа. Это тематические, оценочные, грамматические, признаки указательных систем, признаки языковой функции, лексические, а также синтаксические признаки. Последние подтверждают авторизирующую функцию вводных конструкций¹⁴⁰ .

Содержанием текста персонажа могут быть его мысли, произносимая речь, восприятия и чувства, смысловая позиция¹⁴¹ .

По В. В. Бабайцевой КР не воспроизводит точно чужую речь. Многие формы не могут в нее входить, в том числе многие модальные слова. Содержание передается не с точки зрения того, кому принадлежит КР, а с точки зрения автора, передающего ее содержание¹⁴² .

В случае НПР чужая речь сливается с авторской. При ее передаче используются грамматические, лексические, фразеологические средства героев¹⁴³ .

В. Шмид определяет КР по-другому. Он говорит о случаях, при которых персонализация может зайти так далеко, что нарушаются грамматические и синтаксические нормы. Тогда получается смешанный тип, который исследователь называет свободной косвенной речью. На примерах, взятых из раннего творчества Достоевского, Шмид различает несколько разновидностей свободной косвенной речи. Среди них включение междометий, связь подчинительного союза и вопросительного слова, употребление в КР личных форм, соответствующих ПР, ввод в КР прямой номинации. Свободная косвенная речь, как правило, связана с желанием

¹⁴⁰ Шмид В. Нарратология. М., 2003. С. 204.

¹⁴¹ Шмид В. Нарратология. М., 2003. С. 204.

¹⁴² Современный русский язык. Учебник. В 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация/ В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов. М., 1987. С. 242.

¹⁴³ Там же. С. 243.

нарратора привести речь персонажа как можно непосредственное, не отказываясь при этом от признаков своего нарраториального присутствия¹⁴⁴ .

НПР определяется как отрывок повествовательного текста, передающий слова, мысли, чувства, восприятия или только смысловую позицию одного из изображаемых персонажей, причем передача текста персонажа не маркируется ни графическими знаками (или их эквивалентами), ни вводными словами (или их эквивалентами).

Представляющей для нас интерес формой НПР является несобственно-прямое восприятие, при котором нарратор передает восприятие персонажа, не облекая передачу в формы выражения, свойственные персонажу¹⁴⁵ .

Н. С. Валгина различает личностные, безличностные, личностно-безличностные формы представления авторства¹⁴⁶ . В зависимости от субъектов речи различаются собственно-авторская и несобственно-авторская (сказовая) речь. В первом случае субъектом речи является автор, во втором – вымышленный рассказчик. При собственно-авторской речи повествователь может быть имплицитным, при несобственно-авторской ⁵¹ обязательно присутствие «открытой субъективной оценочности, непосредственной экспрессивности»¹⁴⁷ .

Исследователь указывает на особую сложность формы первого лица, так как она может использоваться и для автора, и для персонажа как субъекта речи¹⁴⁸ .

Полный список распределения вводных в соответствии с субъектом речи и типами повествования приводится в приложении.

Группы оценочных вводных представлены 485 употреблениями.

В рассказах с преобладанием аукториального повествования употребляется большее количество вводных. Однако к речи экзегетического повествователя из 311 употреблений вводных оценочных групп относятся

¹⁴⁴ Шмид В. Нарратология. М., 2003. С. 220-221.

¹⁴⁵ Там же. С. 227.

¹⁴⁶ Валгина Н. С. Теория текста. М., 2003. С. 95.

¹⁴⁷ Там же. С. 99.

¹⁴⁸ Там же. С. 101.

только 48. Из них 30 – вводные со значением оценки степени обыденности явления, 12 – выразители проблематической достоверности, 5 – выразители категорической достоверности, 1 –вводно-эмоциональное.

В рассказах с экзегетическим повествователем к речи персонажа относятся 265 употребления оценочных вводных. Из них в прямой речи встречаются 190 вводных (87 - выразители категорической достоверности, 79 - выразители проблематической достоверности, 14 вводно-обобщительных, 9 вводно-эмоциональных), в НПР – 67 (47 - выразители проблематической достоверности, 12 - выразители категорической достоверности, 5 вводно-обобщительных, 2 вводно-эмоциональных), в КР – 5 (выразители проблематической достоверности).

В перволичном нарративе встречаются 167 употреблений оценочных вводных. Из них к речи диегетического повествователя относятся 133 (67 - выразители проблематической достоверности, 35 - выразители категорической достоверности, 29 - вводно-обобщительных, 2 вводно-эмоциональных). К прямой речи персонажа относится 32 употреблений⁵² (18 - выразители проблематической достоверности, 13 - выразители категорической достоверности, 1 вводно-обобщительное) к НПР – 2 (выразители проблематической достоверности).

5 употреблений вызывают сложности в однозначном отнесении к речи экзегетического повествователя или речи персонажа (НПР).

Группа контактоустанавливающих (фатических) вводных представлена 7 употреблениями. Они встречаются только в контексте прямой речи, 6 раз в рассказах с экзегетическим повествователем, 1 – с диегетическим.

Метатекстовые вводные элементы представлены 212 употреблениями. Из 42 вводных, указывающих на источник информации, 13 относятся к рассказам с диегетическим повествователем. К речи рассказчика относятся 9 из них, 4 употребляются в прямой речи. К рассказам с имплицитным повествователем относятся 29 употреблений. 5 из их принадлежат речи повествователя, 23 употребляется в прямой речи, 1 входит в контекст НПР.

Из 6 вводных группы, характеризующей манеру изложения, к рассказам с экзегетическим повествователем относятся 4 употребления (2 – слово повествователя, 2 – прямая речь), к речи диегетического повествователя – 2).

Из 164 вводных группы, указывающей на логико-иерархическую структуру высказывания, 117 употребляются в рассказах с экзегетическим повествователем. К его речи относятся 13 употреблений, к речи персонажа в НПР - 16, в прямой речи – 88. В рассказах с перволичным нарративом встречается 47 употреблений, к речи рассказчика относятся 34, к прямой речи персонажа – 13.

Наибольшее количество вводных в прямой речи встречается в рассказе «Ночной разговор». Это можно объяснить описанной Т. Я. Каменецкой особенностью автора дистанцироваться от героев, чью идеологию он не разделяет¹⁴⁹.

Сравнительно небольшая частотность употребления вводных в речи имплицитного повествователя компенсируется их количеством в речи персонажей и подтверждает тезис исследователей о тенденции И. А. Бунина передавать выражение оценок персонажам^{150,151}.

Большое количество вводных со значением проблематической достоверности позволяют имплицитному повествователю подчеркивать свою внешнюю позицию по отношению к описываемым событиям, создавая иллюзию незнания внутреннего состояния персонажей.

Большое количество вводных, выражающих оценку обыденности явления, позволяет создавать контекст воспоминания. Это соотносится с особенностью повествования И. А. Бунина создавать эффект приближенности мира прошлого настоящему¹⁵², особой значимостью темы памяти в его творчестве¹⁵³.

¹⁴⁹ Каменецкая Т.Я. Эволюция повествования в произведениях И. А. Бунина 1910 - 1920-х годов. Автореф. дис. на соиск. учен.степ. к. филол. н. Екатеринбург, 2008. С. 12.

¹⁵⁰ Там же. С. 17.

¹⁵¹ Вантенков И. П. Структура повествования в рассказах И. А. Бунина (1890-1916 гг.): Автореф. дис. на соиск. учен.степ. к. филол. н. Киев, 1979. С. 5.

¹⁵² Захарова В.Т. Импрессионизм в русской прозе Серебряного века. Н. Новгород, 2012.

¹⁵³ Мальцев Ю. А. Иван Бунин. 1870 — 1953. Франкфурт-на-Майне М., 1994.

Речь перволичного повествователя субъективирована, поэтому нет особой необходимости передавать выражение оценочных значений речи персонажа. К тому же, наибольшее количество употреблений вводных относится к рассказу «Хорошая жизнь», выдержанному в сказовой манере.

В ранних рассказах (1892 – 1906 гг.) к речи экзегетического повествователя относятся 10 употреблений оценочных вводных (6 вводно-обобщительных, 3 со значением проблематической достоверности, 1 вводно-эмоциональное). К перволичному нарративу относятся 119 употреблений. Из них в речи рассказчика – 60 (40 со значением проблематической достоверности, 12 вводно-обобщительных, 6 со значением категорической достоверности, 2 вводно-эмоциональных), в ПР – 59 (35 со значением проблематической достоверности, 18 со значением категорической достоверности, 4 вводно-эмоциональных, 2 вводно-обобщительных). Также к речи персонажа относятся 16 употреблений в контексте НПР (14 со значением проблематической достоверности, 1 со значением категорической достоверности, 1 вводно-обобщительное), в КР – 2 (со значением проблематической достоверности). К этому периоду относится 1 спорное употребление вводного со значением проблематической достоверности (НПР или речь имплицитного повествователя).

В рассказах 1911 – 1913 гг. к речи экзегетического повествователя относятся 22 употребления вводных (вводно-обобщительные – 16, со значением проблематической достоверности – 4, со значением категорической достоверности - 2). К перволичному нарративу относятся 158 употреблений. Из них 53 в речи рассказчика (19 со значением категорической достоверности, 18 со значением проблематической достоверности, 16 вводно-обобщительных), в прямой речи персонажа – 105 (55 со значением категорической достоверности, 37 со значением проблематической достоверности, 11 вводно-обобщительных, 2 вводно-эмоциональных). К речи персонажа также относятся 27 употреблений в НПР (19 со значением

проблематической достоверности, 7 со значением категорической достоверности, 1 вводно-эмоциональное) и 1 в КР (со значением проблематической достоверности). К этому периоду относятся 2 спорных употребления со значением категорической достоверности (НПР или речь имплицитного повествователя).

В рассказах 1914 – 1916 гг. к речи экзегетического повествователя относятся 15 употреблений вводных (вводно-обобщительные – 7, со значением проблематической достоверности – 5, со значением категорической достоверности – 3). К первоначальному нарративу относятся 58 употреблений. Из них 13 в речи рассказчика (9 со значением категорической достоверности, 3 со значением проблематической достоверности, 1 вводно-обобщительное), в прямой речи персонажа – 45 (22 со значением категорической достоверности, 19 со значением проблематической достоверности, 1 вводно-обобщительное, 3 вводно-эмоциональных). К речи персонажа также относятся 15 употреблений в НПР (11 со значением проблематической достоверности, 2 со значением категорической достоверности, 1 вводно-эмоциональное, 1 вводно-обобщительное) и 2 в КР (со значением проблематической достоверности). К этому периоду относятся 2 спорных употребления со значением категорической достоверности (НПР или речь имплицитного повествователя).

В рассказах 1923 – 1925 гг. и отредактированных в 1926, 1929 и 1932 гг. к речи экзегетического повествователя относится только 1 употребление (вводно-обобщительное). К первоначальному нарративу относятся 20 употреблений. Из них 10 в речи рассказчика (9 со значением проблематической достоверности, 1 со значением категорической достоверности), в прямой речи персонажа – 20 (7 со значением проблематической достоверности, 2 со значением категорической достоверности, 1 вводно-обобщительное). К речи персонажа также относятся 9 употреблений в НПР (5 со значением проблематической достоверности, 2 со значением категорической достоверности, 2 вводно-обобщительных).

Всего: 711 употреблений, 52 вводных

Рассказы с Зличным повествованием: «На даче», «При дороге», «Веселый двор», «Худая трава», «Белая лошадь», «В поле», «Братья», «Весенний вечер», «Соотечественник», «Чаша жизни», «Древний человек», «Солнечный удар», «Господин из Сан-Франциско», «Иоанн Рыдалец», «Грамматика любви», «Сны Чанга», «На чужой стороне», «На край света», «На хуторе», «Птицы небесные», «Учитель», «Захар Воробьев», «Хороших кровей», «Старуха», «Я все молчу», «Кастрюк», «Пыль».

«Петлистые уши», «Танька», «Казимир Станиславович», «Последний день», «Подторжье», «Кланина», «Игнат»

«Легкое дыхание», «Святые», «Будни», «Личарда», «Сказка», «Князь во князьях», «Последнее свидание», «Ночной разговор», «Сила», «Вести с родины», «Сверчок».

Рассказы с 1личным повествованием: «Маленький роман», «Последняя осень», «Архивное дело», «Конье Господне», «Хорошая жизнь», «Мелитон», «У истока дней», «Цифры», «Золотое дно», «Антоповские яблоки», «Без роду племени», «Новый год», «Туман», «Заря всю ночь», «В августе», «Надежда», «Над городом», «Святые горы», «Соены», «Тишина», «Энигафия», «Крик», «Сны», «Книга», «Костер», «Перевал», «Осенью», «Лирник Родион», «Неизвестный друг», «Новая дорога», «Последняя весна», «Ермил».

77 рассказов: 45 – 3л, 32 – 1л

В рассказах с аукториальным повествованием употребляется большее количество вводных. Однако к речи экзегетического, не входящего в мир текста повествователя относится только 69 из 468. Остальные вводные встречаются в прямой речи (320), косвенной речи (5), несобственной прямой речи (73) и относятся к речи персонажа.

~~В рассказах с перволичным нарративом в речи диегетического повествователя (рассказчика) вводные встречаются 182 раза из 236, в прямой речи — 55.~~

~~Оценочные и метатекстовые вводные. Оценочные в 3л: 320, метатекстовые — 149. В 1л оценочные: 168, метатекстовые — 69.~~

3.4. Текстовые функции вводных конструкций

Текстовые функции вводных конструкций рассматриваются в соотнесении с типом повествователя и типом повествования. Подробный разбор употреблений приводится в приложении. Здесь приводятся примеры, иллюстрирующие каждое значение.

Вводные со значением степени достоверности высказывания:

Экзегетический повествователь присутствует в тексте как субъект сознания, выражающий при помощи вводных со значением **категорической достоверности**:

57

1. Оценку типичности, соответствия ожиданию говорящего

Не радостно было ее прошлое: ну, конечно, муж разбойник и пьяница, потом, после его смерти, чужие углы и поборы под окнами, долгие годы голода, холода, бесприютности... («Старуха», 1916 г.) (IV, 145)

Субъект ментального действия отмечает типичность причин несчастья персонажа.

2. Согласие с позицией адресата:

Зовут его, конечно, не Липатом, но Ипат — это мужикам да и ему самому не нравится («Хороших кровей», 1913 г.) (III, 419)

Вводная конструкция выражает согласие повествователя с возможным недоумением адресата.

3. Уверенность в сообщаемом факте, его естественности и неоспоримости:

Он всегда во хмелю — от нервности, от жары, от табаку, от виски: много пьют англичане, но, конечно, ни один из них во всем этом белом городе не выпивает за день столько, сколько Зотов, не глотает так жадно ледяную содовую воду, не выкуривает такого количества сигар и папирос, не говорит так много и путано... («Соотечественник», 1916 г.) (IV, 134)

Вводная конструкция выражает уверенность повествователя в сообщаемом факте. Субъект ментального действия оценивает сообщаемый факт как естественный и неоспоримый.

Следует отметить, что это единственный случай выражения экзегетическим повествователем уверенности с помощью вводных конструкций.

4. Привлечение внимания к компоненту высказывания с целью подчеркнуть его значение:

Обед длился больше часа, а после обеда открывались в бальной зале танцы, во время которых мужчины, — в том числе, конечно, и господин из Сан-Франциско, — задрав ноги, до малиновой красноты лиц накуривались гаванскими сигарами и напивались ликёрами в баре, где служили негры в красных камзолах, с белками, похожими на облупленные крутые яйца. («Господин из Сан-Франциско», 1915) (IV, 55)

Вводная конструкция маркирует включенность персонажа в ситуацию, выражает отношение говорящего к этой включенности как к естественной. При дается избыточная информация: подлежащее *мужчины* включает и персонажа. Это подчеркивает, что поведение персонажа такое же, как у остальных.

Диегетический повествователь (рассказчик) выражает при помощи вводных со значением категорической достоверности:

1. Уверенность в естественности, несомненности сообщаемого:

Не всегда, конечно, трепетал перед Фисуном Луговой: были часы, когда нужно было отдохнуть от понесенных трудов и подкрепить силы для

дальнейших, когда закуска, чаепитие и курение тютюна почти совсем уравнивали Фисуна с Луговым. («Архивное дело», 1914 г.) (IV, 38)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности описываемой ситуации.

2. Уверенность в естественности, типичности сообщаемого и при этом подчеркивает его особое проявление по отношению к маркируемому компоненту:

Тут объединяла их еще и ненависть к сторожам, которые и Лугового не очень-то жаловали, а кроме того — глубокая отчужденность архива от всех прочих отделений управы: твердо держались эти архивные кроты, — и Фисун, конечно, особенно твердо, — того убеждения, что низ и верх суть два совершенно разных мира, что во веки веков не расти двум колосьям в уровень, что до скончания времен пребудут большие и малые, власть и подчинение, что напрасно молокососы потешаются над ними... («Архивное дело», 1914 г.) (IV, 38)

59

Вводное во вставной конструкции выражает уверенность говорящего в естественности характеристики и подчеркивает то, что описываемый персонаж выделяется особой силой проявления признака.

3. Согласие с возможной реакцией адресата:

Конечно, времена были тогда глухие, архиреакционные: но ведь все-таки были мы земские люди. («Архивное дело», 1914 г.) (IV, 38)

Субъект ментального действия соглашается с возможным удивлением слушателя

4. Уверенность в достоверности сообщаемого:

А при Фисунах он, конечно, сохранится и, конечно, попадетя кому-нибудь на глаза — и чем позднее, тем лучше: резче ударят тогда в глаза нового человека строки этой старой истории. («Архивное дело», 1914 г.) (IV, 43)

Субъект ментального действия выражает уверенность в правоте высказанного предположения.

Персонаж, являющийся субъектом сознания в НПР при помощи вводных со значением категорической достоверности выражает:

1. Оценку типичности, соответствия ожиданию:

Да выпросил, вымолил в долг мужик, у которого она стояла на квартире, поклялся на церковь, что отдаст — и, конечно, не отдал, даже прямо сказал: так и знай, не отдам, и не шатайся... («Худая трава», 1913 г.) (III, 388)

Субъект ментального действия оценивает действие другого персонажа как ожидаемое, неизбежное. Вводная конструкция характеризует его мнение о другом персонаже.

2. Уверенность в достоверности сообщаемого:

А это значит, что будут они сидеть сперва в вонючей пивной, среди краснолицых немцев, — людей тупых, дельных, работающих с утра до вечера с тою целью, конечно, чтобы пить, есть, снова работать и плодить себе подобных, — потом пойдут в кофейню, битком набитую греками и евреями, вся жизнь которых, тоже бессмысленная, но очень тревожная, поглощена непрерывным ожиданием биржевых слухов, а из кофейни отправятся в ресторан, куда стекается всякое человеческое отребье, — и просидят там до поздней ночи... («Сны Чанга», 1916 г.) (IV, 114)

Вводная конструкция употребляется передаче мнения персонажа о других персонажах, выражает уверенность субъекта ментального действия в своем объяснении причин их поведения.

3. Согласие с возможной реакцией адресата:

А что-то теперь поделявает премилая сова? Какая сова? Ковалев хорошо знает, какая сова! Лет двадцать пять тому назад он подстрелил сову и где-то на ночлеге сказал эту фразу, но фраза эта почему-то не забылась и, как десятки других, повторяется Яковом Петровичем. Сама по себе она, конечно, не имеет смысла, но от долгого употребления стала смешной и, как другие, подобные ей, влечет за собой много воспоминаний («В поле», 1895 г.) (II, 97)

Субъект ментального действия выражает свое согласие с возможным недоумением стороннего наблюдателя.

Персонаж в прямой речи при помощи вводных со значением категорической достоверности выражает:

1. Уверенность в достоверности сообщаемого:

— А что ж, не больна? Конечно, больна. Того гляди, околею.
(«Последняя весна», 1916 г.) (IV, 156)

Субъект речи выражает уверенность в своем состоянии.

2. Уверенность в естественности, типичности сообщаемого:

— Они, докладывая вам, умереть решились, и, конечно, молодой граф тотчас же скончался, а ее этот яд не мог взять, ей вскорости полегчало, и осталась она еще жить на белом свете, чтобы, например, пострадать и награду получить за свою первую и последнюю любовь... («Святые», 1914 г.) (III, 480)

Субъект речи выражает уверенность в естественности произошедшего.

3. Уверенность в естественности сообщаемого и при этом подчеркивает его особое проявление по отношению к маркируемому компоненту

Сошелся народ со всех деревень, смотреть этого убиенца и меня, конечно, в том числе. («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 242)

Субъект речи выражает уверенность в естественности ситуации, подчеркивает свою включенность в нее.

4. Создание иронического эффекта:

Я в одной папиной книге, - у него много старинных смешных книг, - прочла, какая красота должна быть у женщины... Там, понимаешь, столько насаказано, что всего не упомнишь: ну, конечно, черные, кипящие смолой глаза, - ей-богу, так и написано: кипящие смолой! («Легкое дыхание», 1916 г.) (IV, 98)

Субъект речи иронизирует, выражает уверенность в естественности характеристики для источника.

5. Употребление, указывающее на внутреннее состояние говорящего:

— Да, да, тут, - поспешил ответить молодой человек. - То есть, конечно, не тут... они ведь больше всего в спальне сидели... но, конечно, и тут бывали... («Грамматика любви», 1915 г.) (IV, 48)

Субъект речи находится в замешательстве, выражает уверенность в двух противоречащих друг другу фактах.

6. Значение отвергаемого предположения:

Конечно, можно и пренебречь сломанным экипажем, встать, махнуть рукой и отправиться пешечком; только это и нечестно, и навряд хорошо для отправившегося пешечком... («На даче», 1895 г.) (II, 131)

Субъект речи выражает предположение о возможном поведении, показывая свое понимание, и осуждает его.

7. Согласие с верностью, естественностью сообщения адресата:

Это на вас Цейлон так подействовал, — заметил капитан. — О, несомненно, несомненно! — согласился англичанин. («Братья», 1914 г.) (IV, 25)

Субъект речи выражает согласие с предположением собеседника о причине его состояния, указывает на ее естественность.

8. Неоднозначное по функции употребление:

«Выбрал он мне, без сомнения, зубы до единого, вынул лычко из карманчика: «Держи подол», — говорит <...>» («Сила», 1911 г.) (III, 193)

Субъект речи употребляет вводную конструкцию, указывающую на достоверность, при рассказе о произошедших событиях. В этом контексте без сомнения не выражает уверенность говорящего, но может использоваться говорящим для создания паузы и как призыв к слушателям не сомневаться в подлинности истории.

Экзегетический повествователь выражает при помощи вводных со значением проблематической достоверности:

1. Неуверенное из-за недостатка информации предположение:

Старик, согнувшись, сидит в темноте и безмолвии. Что-то он думает? Может быть, про то, как где-то там, по смутно белеющей дороге, тихо поскрипывает обоз? («На край света», 1894 г.) (II, 49)

Субъект ментального действия высказывает предположение о содержании мыслей персонажа.

2. Значение отвергаемого предположения:

Расчистило на западе, золото глядело оттуда из-за красивых лиловатых облаков и странно озаряло этот бедный приют любви, любви непонятной, в какое-то экстатическое житие превратившей целую человеческую жизнь, которой, **может**, надлежало быть самой обыденной жизнью, не случись какой-то загадочной в своем обаянии Лушки... («Грамматика любви», 1915 г.) (IV, 50)

Субъект ментального действия выражает предположение о возможной, но не случившейся судьбе персонажа.

Диегетический повествователь (рассказчик) выражает при помощи вводных со значением **проблематической достоверности**:

63

1. Неуверенное из-за недостатка информации предположение:

Так вот, ежели понадобится справка о нашем времени, пригодится, **может быть**, и моя справка о нем. («Архивное дело», 1914 г.) (IV, 43)

Субъект ментального действия выражает предположение о полезности своего рассказа в будущем

2. Воздействие на адресата, просьба, предложение:

Может быть, Вы ответите мне, хотя двумя словами? («Неизвестный друг», 1923 г.) (IV, 242)

Субъект ментального действия выражает надежду на ответ адресата.

3. Употребление, оправдывающее ввод олицетворения:

Думал я о том, что всегда влекло меня к себе, — о всех живших на этой земле, о людях древности, которых всех видел этот месяц и которые, **верно**, казались ему всегда настолько маленькими и похожими друг на друга, что он даже не замечал их исчезновения с земли. («Туман», 1901 г.) (II, 207)

Субъект ментального действия выражает предположение о восприятии месяца.

Может, он знает даже и то, как ясен и торжественен сегодняшний день, — его последний день в родной деревне? («Сосны», 1901 г.) (II, 193)

Субъект ментального действия выражает предположение о внутреннем состоянии мертвеца, приписывает ему восприятие живого человека.

4. Передача восприятия субъекта речи:

Она была в прозрачной кофточке, высока и так хрупка станом, что, казалось, вот-вот она переломится. («Лирник Родион», 1913 г.) (III, 407)

Субъект речи выражает свое восприятие героини.

Персонаж в косвенной речи выражает при помощи вводных со значением проблематической достоверности:

1. Неуверенное из-за недостатка информации предположение:

*Думала порой Анисья, в самое сердце пораженная вестью об его уходе, что, **может быть**, ради ее печного голода, ради хорошего заработка, с затаенною целью поправить свою жизнь ушел Егор («Веселый двор», 1911 г.) (III, 247)*

Субъект ментального действия выражает предположение о причинах поступка другого персонажа.

2. Неуверенное из-за недостатка информации предположение, акцентирующее внимание на компоненте высказывания:

*И затем горячо начинает уверять, что «вся сила в том», что он уже видел, чувствовал индийские тропики, **может быть**, тысячи лет тому назад, — глазами и душой своего бесконечно дальнего предка... («Соотечественник», 1916 г.) (IV, 137)*

Субъект ментального действия указывает на предположительный характер незначительной для него детали. Вводная конструкция маркирует обстоятельство времени как предположительное и незначительное для персонажа.

Персонаж в НПР выражает при помощи вводных со значением проблематической достоверности:

1. Неуверенное из-за недостатка информации предположение:

*В рог бы потрубить... на всякий случай... **Может быть**, Судак едет. Ведь замерзнуть-то недолго.* («В поле», 1895 г.) (II, 99)

Субъект ментального действия выражает предположение о происходящем, объясняющее причину его намерения.

2. Значение отвергаемого предположения:

*Дело, говорит он, не в одном внешнем сходстве... да он даже и не сходство, собственно, имел в виду, а скорее свои ощущения... **может быть**, эти ощущения шатки, болезненны, ну, да это уж другой вопрос...* («Соотечественник», 1916 г.) (IV, 137)

Субъект ментального действия выражает согласие в предполагаемой характеристике своих ощущений при рефлексии, чтобы затем отвергнуть ее как неважную.

65

3. Маркирование компонента ряда:

*Но он ел пристально: и потому, что уж так полагается в праздник, и потому, что еда могла, как думал он, помочь ему, и потому, что жалко было не есть: вот он заболел, с места, должно, сойдет, дома же не только сладких харчей, а **может**, и хлеба не будет* («Худая трава», 1913 г.) (III, 385)

Вводная конструкция употребляется при выражении опасения персонажа и маркирует компонент ряда, подчеркивая драматизм ситуации, которую представляет себе персонаж.

4. Передача восприятия:

*В тазу ныло и дрожало, сердце так замирало, что, **казалось**, поминутно виснет она в воздухе, что нет у нее ног, есть только туловище, как у того страшного солдата, что чернеет на избе в Пажени.* («Веселый двор», 1911 г.) (III, 255)

Вводная конструкция употребляется при описании эмоционального состояния персонажа, субъекта восприятия.

5. Употребление, оправдывающее ввод олицетворения:

Она, казалось, все глядела туда, где горизонт терялся в меланхолической дымке, а хлеба со степи все ближе подступали к ней; двор зарос высокой травой; старые серые жернова, как могильные камни, уходили в землю и скрывались в глухой крапиве; голуби покинули крыши. («На даче», 1895 г.) (II, 110)

Вводная конструкция употребляется субъектом восприятия при описании неодушевленного предмета, подчеркивает обусловленность олицетворения восприятием персонажа.

Персонаж в прямой речи выражает при помощи вводных со значением проблематической достоверности:

1. Неуверенное из-за недостатка информации предположение:

— Значит, может быть, и меня возил, — сказал Казимир Станиславович. («Казимир Станиславович», 1916 г.) (IV, 84)

Субъект речи выражает предположение о действиях в прошлом, характеризующее участников разговора.

66

2. Создание эффекта «речевой демагогии», эмоциональности высказывания:

— Я, может быть, тысячи не пожалел бы теперь на доктора, а он за сто верст, а дорога — ни проходу, ни проезду! («Сны», 1903 г.) (II, 242)

Субъект речи употребляет вводную конструкцию со значением неуверенности при передаче своего желания. *Может быть* используется как социально окрашенный прием «речевой демагогии»¹⁵⁴ и подчеркивает эмоциональность высказывания.

3. Выражение вежливого предложения:

И Каменский опустил мешок на землю. — Так, может быть, начнем? — добавил он. («На даче», 1895 г.) (II, 113)

Субъект речи выражает побуждение к действию. Вводная конструкция снимает категоричность высказывания, создает эффект вежливости.

¹⁵⁴ Казаковская, 1996.

4. Значение отвергаемого предположения:

— И тебе, староста, всегда позволяю, ты тут, может, первый человек надо всеми! Только ты меня чем обидел: тесу на кровать не дал! Спасибо хоть барчук помогает: проплясал ему давеча маленько - ан на козушку и есть... («Худая трава», 1913 г.) (III, 387)

Субъект речи употребляет вводное для выражения отвергаемого предположения, характеристики, с которой не согласен говорящий.

5. Создание иронического эффекта:

— **Может**, тебе еще газовый рожок зажечь? («Сверчок», 1911 г.) (III, 219)

Субъект речи употребляет вводное как этикетное слово при предложении, но его содержание указывает на иронию.

5. Вежливое несогласие с собеседником:

Ну, да я... я, отец Алексей, **кажется**, сам не маленький... («Учитель», 1894 г.) (II, 83)

67

Субъект речи снимает категоричность при выражении несогласия с позицией собеседника относительно его действий.

6. Маркирование компонента выказывания:

Далеко ушли они от него, давно потеряли наивность — вот с тех самых пор, **вероятно**, как построили Вавилон на месте своего так называемого рая. («Петлистые уши», 1916 г.) (IV, 125)

Субъект речи выражает предположение о точке отсчета описываемого, подчеркивает ее древность.

Экзегетический повествователь, рассказчик, персонаж в НПР и прямой речи выражают при помощи вводных со значением **эмоциональной оценки** эмоциональное отношение к происходящему (свое или, в случае с экзегетическим повествователем, описываемого персонажа).

К удивлению его, в училище светился огонь. Не отец ли приехал? Или кто-нибудь из забытых товарищей? («Учитель», 1894 г.) (II, 165)

Субъект ментального действия описывает эмоциональную реакцию персонажа (удивление).

Персонажи в НПР и прямой речи также используют эту группу вводных для снятия резкости отказа, несогласия:

— Эту книжку я, к сожалению, не могу продать, — с трудом проговорил молодой человек. («Грамматика любви», 1915 г.) (IV, 51)

Экзегетический повествователь, рассказчик, персонаж в НПР и прямой речи при помощи вводных, характеризующих степень обыденности явления, оценивают степень обыденности и регулярности сообщаемого, вводят контекст воспоминания.

Бывало, с грустью приходилось довольствоваться тем, что на печь протягивалась чашка с дымиющимися рассыпчатыми картошками и ломоть пахнущего клетью, круто посоленного хлеба. («Танька», 1892 г.) (II, 12)

Выводы

Приводится обзор особенностей повествования в прозе И. А. Бунина, в котором отражается зависимость типов повествователя и особенностей повествования от периодов творчества.

Типы повествователя и повествования в рассказах характеризуются с помощью анализа особенностей употреблений в них функционально-семантических групп вводных конструкций.

Указываются контексты употреблений вводных в зависимости от повествовательных форм.

Рассмотрение вводных в зависимости от типа повествования помогает охарактеризовать тип повествователя как в них, так и в определенный период творчества.

Так, иллюстрируется особенность преломления изображения через призму восприятия субъекта сознания, принадлежащего миру текста, в ранних рассказах И. А. Бунина. В рассказах 1892 – 1906 гг. к речи персонажа относится 77 употреблений, к речи рассказчика – 60, а к речи имплицитного повествователя – 10.

Преобладание в рассказах 1914 – 1916 гг. контекстов прямой речи и вводных, выражающих степень уверенности говорящего, иллюстрирует актуализацию речевой зоны говорящего, отмечаемую в этот период.

В 1920-е гг. заметно снижается число рассказов с употреблением вводных конструкций. Известно, что в отредактированном в эти годы «Маленьком романе» было сокращено число вводных.

Выделяются текстовые функции вводных конструкций в рассказах и соотносятся с типом повествователя и повествования.

Результат также соотносится с особенностями бунинского повествования. Так, избегание экзегетическим повествователем выражений уверенности, преобладание неуверенных оценок происходящего с персонажем, указывает на создание иллюзии незнания его внутреннего мира. Преобладание в его речи вводных, создающих контекст воспоминания, указывает на особую значимость темы памяти в творчестве И. А. Бунина.

69

~~Центральное место среди вводно-модальных конструкций отводится средствам выражения эпистемической модальности в ее разновидностях со значениями проблематической и категорической достоверности. Они являются одной из самых частотных групп вводных конструкций в текстах и привлекают внимание исследователей.~~

~~М. В. Пляскина, подробно исследуя модальные слова с семантикой категорической достоверности и определяя их как полифункциональные единицы, выделяет следующие функции:~~

- ~~1. авторизация, самоавторизация или указание на «чужое слово», которая способствует оценке персонажа;~~
- ~~2. экзепликация особенностей языковой личности говорящего, информация одновременно о фрагменте действительности и фрагменте картины мира адресанта;~~
- ~~3. функция выделения: маркируется важный фрагмент высказывания как метатекстовый элемент;~~

4. изменение степени категоричности;
5. выражение социальных смыслов (можно сделать выводы о понятных и бесспорных для присутствующих вещах);
6. воздействие на адресата: установление и поддержание контакта, установление корпоративных отношений с собеседником (разделение взглядов), отведение возможных сомнений, уверение, побуждение, провокация к согласию (*может, конечно*), косвенное побуждение к поступку;
7. Экспрессивная функция (может возникать ирония от несоответствия норме говорящего)¹⁵⁵.

В. В. Казаковской вводно-модальные компоненты определяются как способ выражения авторства, вербализации сферы модуса вероятностной оценки. Это слова-авторизаторы, отражающие смену внутренней точки зрения говорящего и представляющие его как носителя эпистемической (персуазивной) оценки. Проблема достоверности, по В. В. Казаковской, возникает в ситуациях припоминания, непосредственного чувственного восприятия явления, о котором есть минимальные знания, при передаче чужой оценочной информации¹⁵⁶.

Е. С. Яковлева говорит об ограничении в использовании лексических показателей степени достоверности. Так, показатель достоверности может противоречить логико-синтаксической структуре предложения. Например, в контексте бытийных предложений: *наверное, жил-был доктор*. Употребимость некоторых модальных слов в высказываниях с объективным статусом, по Е. С. Яковлевой, свидетельствует об отсутствии в их значениях компонента «степень достоверности» и актуализации другой функции. Например: *Он со мной поздоровался. Я, естественно, ответил*¹⁵⁷ (актуализируется функция экпликации особенностей языковой личности говорящего).

155 Пляскина, 2004

156 Казаковская, 1996

157 Яковлева, 2003: 131

|

Заключение

При рассмотрении вводных конструкций как средств выражения субъективной модальности были выявлены следующие спорные вопросы: проблема разделения модальности на субъективную и объективную, область значений, входящая в состав субъективно-модальных значений, состав и критерии выделения экспликаторов модальных значений.

Средства выражения субъективной модальности рассматриваются как языковые средства выражения субъекта повествования, являющегося реализацией образа автора в тексте. Субъективная модальность входит в состав авторской модальности.

При рассмотрении функционально-семантических групп вводных конструкций была выявлена их неоднородность и отсутствие единого мнения в вопросе отнесения всех групп вводных к выразителям модальных значений.

При анализе состава функционально-семантических групп вводных в рассказах И. А. Бунина выразители степени уверенности в достоверности высказывания оказались самыми частотными. Такую особенность можно объяснить разнообразием функций, выполняемых ими в текстах.

Были выявлены контексты употребления и распределение вводных по типам повествования в зависимости от типа повествователя.

На основе рассмотренных модальных значений и функций групп вводных конструкций, были определены их текстовые функции в рассказах И. А. Бунина. Общими для показателей степени уверенности функциями являются привлечение внимания к компоненту высказывания с целью подчеркнуть его значение, выражение значения отвергаемого предположения, создание иронического эффекта.

Для показателей категорической достоверности это оценка типичности, соответствия ожиданию говорящего, согласие с позицией адресата, выражение уверенности в достоверности сообщаемого, уверенности в естественности, несомненности сообщаемого, указание на внутреннее состояние говорящего.

Для показателей проблематической достоверности это выражение неуверенного из-за недостатка информации предположения, воздействие на адресата (просьба, предложение), употребление, оправдывающее ввод лицетворения, передача восприятия субъекта речи, создание эффекта «речевой демагогии», эмоциональности высказывания, выражение вежливого несогласия с собеседником.

При помощи вводных со значением эмоциональной оценки выражается эмоциональное отношение к происходящему (свое или, в случае с экзегетическим повествователем, описываемого персонажа).

При помощи вводных, характеризующих степень обыденности явления, оценивается степень обыденности и регулярности сообщаемого, вводится контекст воспоминания.

Выявленные закономерности иллюстрируют особенности повествования в творчестве И. А. Бунина (внешняя позиция имплицитного повествователя по отношению к внутреннему миру персонажа, значимость темы памяти, связи настоящего и прошлого и т. д.).

Использованная литература

Источники

1. Бунин И. А. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 2. Произведения 1887 – 1909 г. / Статья-послесловие О. Михайлова; Коммент. В. Титовой. М., 1987.
2. Бунин И. А. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 3. Повести и рассказы 1907 – 1914. / Редкол.: Ю. Бондарев, О. Михайлов, В. Рынкевич; Подгот. Текста и коммент. А. Баборейко; Статья-послесловие Л. Крутиковой. М., 1987.
3. Бунин И. А. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 4. Произведения 1914 – 1931. / Редкол.: Ю. Бондарев, О. Михайлов, В. Рынкевич; Статья-послеслов. и коммент. А. Саакянц. М., 1988.

Справочная литература

1. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М., 2009.
2. Русская грамматика. Т. 2 :Синтаксис. М., 1980.
3. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999.
4. Словарь структурных слов русского языка / Под ред. В. В. Морковкина. М., 1997.
5. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под редакцией М.Н. Кожинной. М., 2006.

Научная литература

1. Андреева Е. В. Речь героя и позиция автора в поздних рассказах А. П. Чехова: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. СПб., 2004.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
4. Биренбаум Я. Г. Пространство вводности и придаточные предложения: (Пособие по спецкурсу). Челябинск, 1976.
5. Большакова А. Ю. Теории автора в современном литературоведении // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1998. Т. 57. № 5. С. 15 – 24.
6. Бондаренко В. Н. Виды модальных значений и их выражение в языке // Филологические науки. 1979. № 2. С. 54 - 61.
7. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка: Учебник. М., 2000.
8. Валгина Н. С. Теория текста. М., 2003.
9. Вантенков И. П. Структура повествования в рассказах И. А. Бунина (1890-1916 гг.): Автореф. дис. на соиск. учен.степ. к. филол. н. Киев, 1979.
10. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971.
11. Виноградов В. В. Стиль "Пиковой дамы" // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 74 – 147.
12. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике: избранные труды. М., 1975. С. 38 – 79.
13. Вихрян О. Е. Языковые средства выражения авторской модальности в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева». Автореф. дис. на соиск. учен.степ. к. филол. н. М., 1990.
14. Вольф Е. М. Субъективная модальность и семантика пропозиции // Логический анализ языка. Избранное. 1988 – 1995. Редколлегия: Н. Ю. Арутюнова, Н. Ф. Спиридонова. М., 2003. С. 87 - 102.
15. Вяткина С. В. От анализа вводных конструкций к интерпретации смысла художественного текста (Ф. М. Достоевский и М. Петросян) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России:

Материалы IV Конгресса «РОПРЯЛ», проходящего в рамках I Педагогического форума «Русский язык в современной школе» (Сочи, 1–2 ноября 2014 года) / Редкол. К. А. Рогова, Г. М. Васильева, А. Д. Щукина и др. Т. 2. СПб, 2014. С. 30 – 36.

16. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.

17. Глинина О. Г. «Темные аллеи» И. А. Бунина как художественное единство: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Волгоград, 1999.

18. Глухова О. П. Средства и способы выражения субъективной модальности в текстовом пространстве Ю. Полякова: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Кемерово, 2010.

19. Грунина Л. П. Особенности авторского повествования прозы И.А. Бунина (нарративность и эгоцентричность): проблема нарушения границ чужого сознания // Этногерменевтика: Грамматические и семантические проблемы. Вып.1 Кемерово, 1998. С. 41-46.

20. Горельникова Ю. А. Выражение модального значения кажимости в структуре предложения. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. М., 1993.

21. Девина О. В. Авторская модальность в произведениях А.Т. Твардовского. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Калининград, 2012

22. Дмитриева Л. К. Обращение и вводный компонент. Лекции. Л., 1976.

23. Думанишева Ж. Б. Языковые средства репрезентации субъективной модальности в романе Эрнеста Хемингуэя "По ком звонит колокол". Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Майкоп, 2011.

24. Захарова В. Т. Импрессионизм в русской прозе Серебряного века. Н. Новгород, 2012.

25. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. М., 1998.

26. Зорина Е. С. Авторская модальность как организующая категория художественного повествования (на материале сборника рассказов В. Набокова "Весна в Фиальте"). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. СПб., 2005.
27. Ильенко С. Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. СПб., 2009.
28. Казаковская В. В. Способы выражения авторства в структуре предложения :Автореф. дис. на соиск. учен.степ. к. филол. н. М., 1996.
29. Каменецкая Т. Я. Эволюция повествования в произведениях И. А. Бунина 1910 - 1920-х годов. Автореф. дис. на соиск. учен.степ. к. филол. н. Екатеринбург, 2008.
30. Каменская Н. В. Выражение модальной оценки обычности высказывания: Автореф. дис. на соиск. учен.степ. к. филол. н. М., 1996.
31. Кочеткова О.Л. Средства выражения модального значения возможности и необходимости в русском языке второй половины XVII — начала XVIII века: Автореф. дис. канд. филол. наук. Тверь, 1998. 77
32. Краснова Т. И. Субъективность – Модальность (материалы активной грамматики). СПб., 2002.
33. Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 2004.
34. Мальцев Ю. А. Иван Бунин. 1870 — 1953. Франкфурт-на-Майне М., 1994.
35. Маркелова Т.В. Взаимодействие оценочных и модальных значений в русском языке // Филологические науки. 1996. № 1. С. 80 – 90.
36. Мухин Н. Ю. Вводные компоненты как средство выражения и установления авторства текста. автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.филол.н. Екатеринбург : 2002.
37. Небыкова С.И. Синонимия средств выражения модальности возможности и необходимости // Филологические науки. 1973. № 3. С. 85 – 92.

38. Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. СПб., 1994.
39. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
40. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М., 2001.
41. Пляскина М. В. Модальные слова группы категорической достоверности: структурно-семантический и функциональный аспекты. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Новосибирск, 2001.
42. Попова Е. А. Авторская модальность как средство выражения антропоцентричности текста: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Липецк, 1996.
43. Прияткина А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. М., 1990.
44. Распопов И. П., Ломов А.М. Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис. Воронеж, 1984.
45. Романова Т.В. Модальность. Оценка. Эмоциональность. Нижний Новгород, 2008.
46. Рыжова Н. В. Речевые средства создания образа автора в прозе И.А. Бунина: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. М., 1991.
47. Синтаксис современного русского языка : учебник для студ. высш. учеб. заведений / Г.Н.Акимова, С. В. Вяткина, В.П.Казаков, Д.В.Руднев; под ред. С. В. Вяткиной. СПб., 2009.
48. Скобликова Е.С. Синтаксис простого предложения. М., 1979.
49. Современный русский язык. Учебник. В 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация/ В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов. М., 1987.
50. Солганик Г.Я. К проблеме модальности текста // Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. М., 1984. С. 173 – 186.

51. Степанов С. П. Субъективация повествования и способы организации текста (на материале повествовательной прозы Чехова) – Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. СПб, 2002.

52. Трофимова И. А. Средства выражения субъективной модальности в художественном тексте : На материале прозаических произведений А. П. Чехова. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Калининград, 2004.

53. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

54. Шмид В. Нарратология. М., 2003.

55. Яковлева Е. С. О связи дейксиса и модальности // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 1990. С. 225 – 245.

56. Яковлева Е. С. Согласование модальных характеристик в высказывании // Логический анализ языка. Избранное. 1988 – 1995. Редколлегия: Н. Ю. Арутюнова, Н. Ф. Спиридонова. М., 2003. С. 129 – 147.

Справочная литература

79

6. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М., 2009.

7. Русская грамматика. Т. 2: Синтаксис. М., 1980.

8. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999.

9. Словарь структурных слов русского языка / Под ред. В.В. Морковкина. М., 1997.

10. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под редакцией М.Н. Кожинной. М., 2006.

11. Толковый словарь русского языка: В 4 т. М., 1935—1940.

Научная литература

57. Андреева Е. В. Речь героя и позиция автора в поздних рассказах А. П. Чехова: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. СПб., 2004.

58. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
59. Арутюнова Н. Д. Феномен второй реплики, или о пользе спора // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 1990. С. ____.
60. Бабакова И. А. Явления вводности в русском литературном языке: Автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. Харьков, 1955.
61. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
62. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
63. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
64. Биренбаум Я. Г. Пространство вводности и придаточные предложения: (Пособие по спецкурсу). Челябинск, 1976.
65. Баранов А. Г. Актуализация модальности субъективной установки в тексте // Лингвистические основы преподавания иностранных языков в высшей школе. Элиста, 1989. С. ____.
66. Большакова А. Ю. Теории автора в современном литературоведении // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1998. Т. 57. № 5. С. 15—24.
67. Боневская Н. К. «Образ автора» как эстетическая категория // Контекст—1998. М., 1986. С. ____.
68. Боневская Н. К. Проблема методологии анализа образа автора // Методология анализа литературного произведения. М., 1998. С. ____.
69. Бондаренко В. Н. Виды модальных значений и их выражение в языке // Филологические науки. 1979. № 2. С. 54—61.
70. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка: Учебник. М., 2000.
71. Валгина Н. С. Теория текста. М., 2003.

72. Вантенков И. П. Структура повествования в рассказах И. А. Бунина (1890-1916 гг.): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Киев, 1979.
73. Василенко Л. И. Структурно-семантическая роль модальных слов в тексте: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Минск, 1985.
74. Ваулина С. С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI—XVII вв.). Л., 1988
75. Ваулина С. С. Языковая модальность как функционально-семантическая категория (диахронический аспект). Калининград, 1993.
76. Ваулина С. С., Девина О. В. Авторская модальность как текстообразующая категория. // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Вып. 8: Сер. Филологические науки. Калининград, 2010. С. ___-__.
77. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971.
78. Виноградов В. В. Стиль "Пиковой дамы" // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 74—147.
79. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике: избранные труды. М., 1975. С. 38—79.
80. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1972.
81. Вихрян О. Е. Языковые средства выражения авторской модальности в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева». Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. М., 1990.
82. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
83. Вольф Е. М. Субъективная модальность и семантика пропозиции // Логический анализ языка. Избранное. 1988—1995. Редколлегия: Н. Ю. Арутюнова, Н. Ф. Спиридонова. М., 2003. С. ___-__.
84. Вяткина С. В. От анализа вводных конструкций к интерпретации смысла художественного текста (Ф. М. Достоевский и М. Петросян) //

Динамика языковых и культурных процессов в современной России: Материалы IV Конгресса «РОПРЯЛ», проходящего в рамках I Педагогического форума «Русский язык в современной школе» (Сочи, 1–2 ноября 2014 года) / Редкол. К. А. Рогова, Г. М. Васильева, А. Д. Щукина и др. Т. 2. СПб, 2014. С. ____.

85. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.

86. Глинина О. Г. «Темные аллеи» И. А. Бунина как художественное единство: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Волгоград, 1999.

87. Глухова О. П. Средства и способы выражения субъективной модальности в текстовом пространстве Ю. Полякова: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Кемерово, 2010.

88. Гончарова Е. А. Лингвистические средства создания образа персонажа в художественном тексте // Лингвистические исследования художественного текста. Л., 1983. С. ____.

89. Грунина Л. П. Особенности авторского повествования прозы И. А. Бунина (нарративность и эгоцентричность): проблема нарушения границ чужого сознания // Этногерменевтика: Грамматические и семантические проблемы. Вып. 1 Кемерово, 1998. С. 41–46.

90. Гуревич В. В. О «субъективном» компоненте языковой семантики // Вопросы языкознания. 1998. № 1. С. ____.

91. Горельникова Ю. А. Выражение модального значения кажимости в структуре предложения. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. М., 1993.

92. Девина О. В. Авторская модальность в произведениях А. Т. Твардовского. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Калининград, 2012.

93. Демина Л. А. Парадоксы нереференциальности // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1990. С. ____.

94. Дмитриева Л. К. Обращение и вводный компонент. Лекции. Л., 1976.
95. Думанишева Ж. Б. Языковые средства репрезентации субъективной модальности в романе Эрнеста Хемингуэя "По ком звонит колокол". Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Майкоп, 2011.
96. Захарова В.Т. Импрессионизм в ранней прозе Ив. Бунина // Синтез культурных традиций в художественном произведении. — Н. Новгород, 1994. С. — —.
97. Захарова В.Т. Импрессионизм в русской прозе Серебряного века. Н. Новгород, 2012.
98. Захарова В.Т. Проза Ив. Бунина: аспекты поэтики. Н. Новгород, 2013.
99. Зеленщиков А.В. Пропозиция и модальность: Автореф. дис. д-ра филол. наук. СПб., 1997
100. Золотова Г.А. О модальности предложения в русском языке // Филологические науки. 1962. № 4. С. — —.
101. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Ониненко, М.Ю. Сидорова. М., 1998.
102. Зорина Е.С. Авторская модальность как организующая категория художественного повествования (на материале сборника рассказов В. Набокова "Весна в Фиальте"). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. СПб., 2005.
103. Иванчикова Е.А. Категория «образа автора» в научном творчестве В. В. Виноградова. Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1985. Т. 44. №2. С. 123—134.
104. Ильенко С.Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. СПб., 2009.
105. Иоанисян Е.Р. Противоречивость и точка отсчета // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 1990.

106. Казаковская В. В. Способы выражения авторства в структуре предложения : Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. М., 1996.
107. Каменецкая Т. Я. Эволюция повествования в произведениях И. А. Бунина 1910—1920-х годов. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Екатеринбург, 2008.
108. Каменская Н. В. Выражение модальной оценки обычности высказывания: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. М., 1996.
109. Кожевникова Н. А. Об особенностях стиля Чехова (несобственно-прямая речь) // Вестник МГУ, 1963. № 2.
110. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975.
111. Кочеткова О. Л. Средства выражения модального значения возможности и необходимости в русском языке второй половины XVII—начала XVIII века: Автореф. дис. канд. филол. наук. Тверь, 1998.
112. Колобаев П. А. Повествовательная полифония и средства ее создания в русской литературе. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Елец, 2010.
113. Кривоносов А. Д. Грамматические средства выражения личностного начала в тексте: учебное пособие. СПб., 2000.
114. Леденева В. В. Идиостиль (к уточнению понятия) // Филологические науки, 2001. № 5. С. ___-__.
115. *Лекант* П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 2004.
116. Мальцев Ю. А. Иван Бунин. 1870—1953. Франкфурт-на-Майне—М., 1994.
117. Маркелова Т. В. Взаимодействие оценочных и модальных значений в русском языке // Филологические науки. 1996. № 1. С. ___-__.
118. Михеев М. Ю. Перформативное и метатекстовое высказывание (или чем можно испортить перформатив?) // Логический анализ языка.

Противоречивость и аномальность текста. Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 1990. С. ____.

119. Мухин Н. Ю. Вводные компоненты как средство выражения и установления авторства текста. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. – Екатеринбург : 2002. – 22 с.

120. Нечай Ю.П. Языковые средства выражения модальных отношений в предложении: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Волгоград, 1993

121. Небыкова С.И. Синонимия средств выражения модальности возможности и необходимости // Филологические науки. 1973. № 3. С. ____.

122. Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. СПб., 1994.

123. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

124. Панфилов В.З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 37–48.

85

125. Пеншковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М., 2001.

126. Пляскина М. В. Модальные слова группы категорической достоверности: структурно-семантический и функциональный аспекты. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Новосибирск, 2001.

127. Попова Е. А. Авторская модальность как средство выражения антропоцентричности текста: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Липецк, 1996.

128. Прияткина А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. М., 1990.

129. Распопов И. П., Ломов А.М. Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис. Воронеж, 1984.

130. Романова Т.В. Модальность. Оценка. Эмоциональность. Нижний Новгород, 2008.

131. Рыжова Н. В. Речевые средства создания образа автора в прозе И.А. Бунина: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. М., 1991.
132. Синтаксис современного русского языка : учебник для студ. выш. учеб. заведений / Г.Н.Акимова, С. В. Вяткина, В.П.Казаков, Д.В.Руднев; под ред. С. В. Вяткиной. СПб., 2009.
133. Скобликова Е.С. Синтаксис простого предложения. М., 1979.
134. Современный русский язык. Учебник. В 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация/ В.В. Бабайцева, Л.Ю. Макеимов. М., 1987.
135. Солганик Г.Я. Очерки модального синтаксиса: монография. М., 2010.
136. Солганик Г.Я. К проблеме модальности текста // Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. М., 1984. С. ____.
137. Степанов С.П. О субъективации чеховского повествования // Русская литература. 2001. № 4. . С. ____.
138. Степанов С.П. Субъективация повествования и способы организации текста (на материале повествовательной прозы Чехова) — Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. СПб, 2002.
139. Трофимова И.А. Субъективная модальность и оценка // Семантика языковых единиц и категорий в диахронии и синхронии: сб. научн. тр. Калининград, 2002. С. 8—12.
140. Трофимова И.А. Средства выражения субъективной модальности в художественном тексте : На материале прозаических произведений А.П. Чехова. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Калининград, 2004.
141. Трещалина И.В. Языковая личность персонажа в прозе А.П. Чехова конца 80-х начала 90-х годов (лексико-семантический аспект): Автореф. дис. канд. филол. наук. Тверь, 1998.
142. Тураева З. Я. Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 105—115.

143. Федорова И.Р. Модальность возможности в современном русском языке: на материале языка газет: учебное пособие. Калининград, 2000.
144. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
145. Шмид В. Нарратология. М., 2003.
146. Эелон П. Проблема разграничения модальных значений // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Tartu, 1997. № 1. С. ___-___.
147. Эелон П.А. Опыт семантической типологии модальности // Типология. Грамматика. Семантика: сб. науч. тр. СПб., 1998. С. ___-___.
148. Яковлева Е. С. О связи дейксиса и модальности // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 1990. С. ___-___.
149. Яковлева Е. С. Согласование модальных характеристик в высказывании // Логический анализ языка. Избранное. 1988—1995. Редколлегия: Н. Ю. Арутюнова, Н. Ф. Спиридонова. М., 2003. С. ___-___.

Приложение

Контексты употребления

Место в предложении (таблица) **1. Субъект сознания – экзегетический повествователь**

Выразители категорической достоверности

1. Не радостно было ее прошлое: ну, **конечно**, муж разбойник и пьяница, потом, после его смерти, чужие углы и поборы под окнами, долгие годы голода, холода, бесприютности... («Старуха», 1916 г.) (IV, 145)

Субъект ментального действия отмечает типичность причин несчастья персонажа.

2. Он всегда во хмелю — от нервности, от жары, от табаку, от виски: много пьют англичане, но, **конечно**, ни один из них во всем этом белом городе не выпивает за день столько, сколько Зотов, не глотает так жадно ледяную содовую воду, не выкуривает такого количества сигар и папирос, не говорит так много и путано... («Соотечественник», 1916 г.) (IV, 134)

Вводная конструкция выражает уверенность повествователя в сообщаемом факте. Субъект ментального действия оценивает сообщаемый факт как естественный и неоспоримый.

3. Зовут его, **конечно**, не Липатом, но Ипат — это мужикам да и ему самому не нравится («Хороших кровей», 1913 г.) (III, 419)

Вводная конструкция выражает согласие повествователя с возможным недоумением адресата при описании персонажа.

4. Княжеская усадьба, **конечно**, старая, давно всеми забытая: необитаем ее дом, черен и дик сад. («Иоанн Рыдалец», 1913 г.) (III, 379)

Субъект ментального действия оценивает состояние усадьбы как естественное, типичное для данной ситуации (при описании).

5. Обед длился больше часа, а после обеда открывались в бальной зале танцы, во время которых мужчины, — в том числе, **конечно**, и *господин из Сан-Франциско*, — задрав ноги, до малиновой красноты лиц накуривались гаванскими сигарами и напивались ликёрами в баре, где служили негры в красных камзолах, с белками, похожими на облупленные крутые яйца («Господин из Сан-Франциско», 1915) (IV, 55)

Конечно как средство выражения категорической уверенности повествователя маркирует во вставной конструкции *в том числе, конечно, и господин из Сан-Франциско* включенность персонажа в ситуацию. Вводная конструкция выражает отношение говорящего к этой включенности как к

естественной. При этом вводная конструкция дает избыточную информацию: подлежащее *мужчины* включает и персонажа. Это подчеркивает, что поведение персонажа такое же, как у остальных.

Выразители проблематической достоверности

1. Старик, согнувшись, сидит в темноте и безмолвии. Что-то он думает? *Может быть, про то*, как где-то там, по смутно белеющей дороге, тихо поскрипывает обоз? («На край света», 1894 г.) (II, 49)

Субъект ментального действия высказывает предположение о содержании мыслей персонажа.

2. Он поднял колени и положил на них локти, жарко дыша банным благовонным теплом полдня и бессмысленно поводя глазами за проходящими сингалезами и европейцами, вынул из-за передника к тряпку, вытер ею окровавленные бетелем губы, лицо, выпуклости на гладкой груди и, сложив ее бинтом, приложил ко лбу, повязал голову: это было совсем некрасиво, придавало ему вид больного, но ведь многие рикши делают так. Он сидел и, *может быть, думал...* («Братья», 1914 г.) (IV, 14)

Вводная конструкция выражает предположение повествователя о внутреннем состоянии персонажа. Субъект ментального действия высказывает предположение о наличии ментального действия персонажа.

3. Но, *верно*, был он слишком взволнован другой любовью, которая сильнее любви к отцам. («Братья», 1914 г.) (IV, 10)

Субъект ментального действия выражает предположение об эмоциональном состоянии персонажа.

4. Прекрасно, оставьте мне место, — сказал Хрущов с той приятной легкостью, *с которой, верно*, говорит на своем языке иностранец, *переехавший границу своей страны после России*. («Пыль», 1913 г.) (III, 405)

Вводная конструкция выражает предположение повествователя об образе действия в возможной ситуации, с которой он сравнивает действие персонажа.

5. Расчистило на западе, золото глядело оттуда из-за красивых лиловатых облаков и странно озаряло этот бедный приют любви, любви непонятной, в какое-то экстатическое житие превратившей целую человеческую жизнь, которой, *может*, *надлежало быть самой обыденной жизнью*, не случись какой-то загадочной в своем обаянии Лушки... («Грамматика любви», 1915 г.) (IV, 50)

Субъект ментального действия выражает предположение о возможной, но не случившейся судьбе персонажа.

6. Он, *видно*, *вспоминает сноху, свой шалаш, свою беспризорность, беспомощность* («Древний человек», 1911 г.) (III, 186)

Субъект ментального действия выражает предположение о внутреннем состоянии персонажа, содержании его мыслей.

7. В столбняке просидев двое суток дома, не притрагиваясь к пище, только жуя бетель, он наконец очнулся и опять убежал в Коломбо. О невесте он, *казалось, совсем забыл*. Он бегал, жадно копил деньги — и нельзя было понять, во что больше он влюблен: в свою беготню или в те серебряные кружочки, что собирал за нее. («Братья», 1914 г.) (IV, 11)

Субъект ментального действия выражает предположение о внутреннем состоянии персонажа.

8. Встречаясь с о. Киром, *кажется, одни эти евреи глядели без страха*, хотя он не терпел их, особенно их языка: он однажды, на вокзале, запретил евреям разговаривать на своем языке, сказав <...> («Чаша жизни», 1913 г.) (III, 451)

Субъект ментального действия выражает предположение о происходящем (при характеристике персонажа).

9. Отец невесты, хорошо знавший Коломбо, часто ходивший туда, дня три разыскивал ее и, *должно быть, что-нибудь узнал*, потому что вернулся успокоенный («Братья», 1914 г.) (IV, 10)

Субъект ментального действия выражает предположение о произошедшем с персонажем, объясняющее его состояние.

90

10. Он стал настоящим мелкопоместным, носил «тужурку» и длинные черные усы; забыл даже думать о своей наружности и, *вероятно, не знал*, что его смуглое, немного рябое лицо очень привлекательно своей спокойной доброю... («На хуторе», 1892 г.) (II, 34)

Субъект ментального действия выражает предположение о знании персонажа.

11. И всем было неловко за него, да и сам он был весел и разговорчив, *вероятно, от неловкости* («При дороге», 1913 г.) (III, 437)

Вводная конструкция маркирует обособленное обстоятельство, выражая неуверенность говорящего в причине поведения персонажа.

12. Каменский пристально, без стеснения рассматривал то Подгаевского, то хозяина. Последний, *очевидно, заметил это*, потому что отчетливо повторил, обращаясь уже к одному Каменскому («На даче», 1895 г.) (II, 126)

Субъект ментального действия выражает предположение о ментальном действии персонажа, объясняющее его поведение.

Вводно-эмоциональные, выразители эмоциональной оценки

1. *К удивлению его, в училище светился огонь. Не отец ли приехал? Или кто-нибудь из забытых товарищей?* («Учитель», 1894 г.) (II, 165)

Субъект ментального действия описывает эмоциональную реакцию персонажа (удивление) на увиденное.

Вводно-обобщительные, характеристика обыденности явления

Бывало употребляется «для выражения того, что названное действие не раз происходило в прошлом и носило нерегулярный характер». В «Словаре структурных слов» отмечается как разговорное.¹⁵⁸

Субъект ментального действия оценивает сообщаемое как нерегулярно происходившее в прошлом в контексте воспоминания:

1. *Бывало, с началом зимы для всех ребятишек начинались истинные мучения, проистекавшие, с одной стороны, от желания удрать из избы, пробежать по поясу в снегу через луги, катаясь на ногах по первому синему льду пруда, бить по нем палками и слушать, как он гулькает, а с другой стороны — от грозных окриков матери.* («Танька», 1892 г.) (II, 12)

2. *Бывало, с грустью приходилось довольствоваться тем, что на печь протягивалась чашка с дымящимися рассыпчатыми картошками и ломоть пахнувшего клетью, круто посоленного хлеба.* («Танька», 1892 г.) (II, 12)

3. Под забором сапожника когда-то по целым дням играли⁹¹ в лодыжки мешчанские подростки; там, *бывало, стучали в забор свинчатки и раздавались крики <...>* («Чаша жизни», 1913 г.) (III, 452)

4. Но он даже не удостоивал их взглядом, он шел так же мерно, как изо дня в день входил, *бывало, в буйный класс*, чтобы начать своей неизменной фразой <...> («Чаша жизни», 1913 г.) (III, 456)

Воспоминание при сравнении.

Как всегда употребляется «для указания на полную неизменность и регулярность проявления какого-либо качества, совершения какого-либо действия».¹⁵⁹

5. Торговал только рынок на маленькой площади — рыбой и зеленью, и были на нём одни простые люди, среди которых, *как всегда, без всякого дела*, стоял Лоренцо, высокий старик-подочник, беззаботный гуляка и красавец, знаменитый по всей Италии, не раз служивший моделью многим живописцам <...> («Господин из Сан-Франциско», 1915) (IV, 69)

Субъект ментального действия оценивает как неизменный образ действия персонажа.

¹⁵⁸Морковкин, 1997: 38.

¹⁵⁹Морковкин, 1997: 160.

6. Дома все было благополучно, жизнь текла обычно, и, **как всегда по воскресным дням**, утром из зала запахло ладаном. («Белая лошадь», 1907 – 1929 гг.) (II, 283)

Субъект ментального действия оценивает происходящее как неизменное в определенное время.

7. Была уже ночь, особенно жаркая, **как всегда перед наступлением дождей**, еще более пахучая, чем день. («Братья», 1914 г.) (IV, 18)

Субъект ментального действия оценивает как неизменное в определенной ситуации состояние ночью.

8. Одея она была, **как всегда, по-праздничному**: перловое ожерелье, миткалевая сорочка с тонкими вздернутыми рукавами, красным и синим расшитая занавеска, шерстяная кубовая юбка в кирпичную клетку и грубые, но крепко и по ноге сшитые полусапожки со стальными подковками. («Весенний вечер», 1914 г.) (III, 490)

Субъект ментального действия оценивает как неизменный внешний вид персонажа.

9. Он тоже заспался в это утро, **как всегда**, впрочем: покоен был его большой дом, тих кабинет, выходящий окнами во двор, широка кровать красного дерева, стоявшая под старинной, чуть не всю стену закрывавшей картиной, — под смуглой нагой Сусанной с милостивым овальным лицом, стыдливо и грациозно выходящей из мраморного водоема. («Клаша», 1914 г.) (IV, 33)

Субъект ментального действия оценивает как неизменное действие персонажа.

10. — А вы? — спросил Митя, **как всегда, очень строго**. («Святые», 1914 г.) (III, 477)

Субъект ментального действия оценивает как неизменный образ действия персонажа.

11. **Как всегда**, дети, не спуская с него любопытных глаз, подошли к столу и стали пристально разглядывать сизые старческие руки, ворот грязной ночной рубашки, тоже дядиной, и красное, измятое, в колючем серебре лицо. («Святые», 1914 г.) (III, 477)

Субъект ментального действия оценивает как неизменные действия персонажей.

12. Выпученные гноящиеся глаза, **как всегда**, плакали; темно-рыжие волосы, заплетенные в косу, жестко вились, как у старух-пьяниц. («Будни», 1913 г.) (III, 345)

Субъект ментального действия оценивает как неизменную деталь внешности персонажа.

13. Володя ничего не делал, но, *как всегда*, имел озабоченный вид, отыскивал какие-то пустяковые занятия и входил в избу. («При дороге», 1913 г.) (III, 440)

Субъект ментального действия оценивает как неизменные действия и состояние персонажа.

14. «Хорошо бы теперь для праздничка выпить маленько», — шутя сказал он в Шипове знакомому, петрищевскому кучеру, проходя по залитому мелом вокзалу, который, *как всегда летом*, ремонтировали. («Захар Воробьев», 1912 г.) (III, 298)

Субъект ментального действия оценивает как неизменное происходящее в определенной ситуации с местом нахождения персонажа.

15. Был он порядочно выпивши, и, *как всегда во хмелю*, жадно искала душа его подвига — все равно, доброго или злого... даже, пожалуй, скорей доброго, чем злого. («Захар Воробьев», 1912 г.) (III, 305)

Субъект ментального действия оценивает как неизменное внутреннее состояние персонажа в определенной ситуации.

16. «Чудеса, — думал Егор, направляясь к ветряку и *обсуждая, как всегда*, то, что случайно попадет в голову. <...>» («Веселый двор», 1911 г.) (III, 260)

Субъект ментального действия оценивает как неизменный образ мыслей персонажа.

17. *Как всегда*, хозяева не обратили на Егора никакого внимания. («Веселый двор», 1911 г.) (III, 261)

Субъект ментального действия оценивает как неизменную реакцию на персонажа.

18. И, *как всегда*, это нисколько не смутило его. («Веселый двор», 1911 г.) (III, 261)

Субъект ментального действия оценивает как неизменную реакцию персонажа на происходящее.

19. *Как всегда*, медлили в пути, останавливались, махали кадилом и, пугая самих себя словами, повторяли одно и то же — то зловеще, то с покорностью. («Веселый двор», 1911 г.) (III, 270)

Субъект ментального действия оценивает действия персонажей как неизменные.

20. Но далеки были его мысли и, *как всегда*, в два ряда шли они. («Веселый двор», 1911 г.) (III, 271)

Субъект ментального действия оценивает как неизменный образ мыслей персонажа.

21. Учитель, *как всегда, не спускает с него глаз*; его волнуют странные мысли: подумать только — при Таганке прошел один из самых замечательных веков! («Древний человек», 1911 г.) (III, 183)

Субъект ментального действия оценивает как неизменное поведение персонажа.

22. Иван, *как всегда, значительно молчал*. Кирюшка совсем не интересовался тем, что говорили, лежал и думал свое — о гармонии, купить которую было его самой заветной мечтой. («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 230)

Субъект ментального действия оценивает как неизменное поведение персонажа.

23. Воняло и птицей из темной пристройки, но Сверчок и Василий, ночевавшие в этой вони и каждый день часов по десяти сидевшие в ней с согнутыми спинами, *были, как всегда, очень довольны своим помещением*, особенно тем, что Ремер не жалеет топки. («Сверчок», 1911 г.) (III, 217)

Субъект ментального действия оценивает как неизменное восприятие персонажами происходящего.

24. *Как всегда, господа пришли только на минутку*, — ⁹⁴уж очень тяжелый и теплый был у шорников воздух, — но потом, *как всегда, забылись, потеряли обоняние...* («Сверчок», 1911 г.) (III, 219)

Субъект ментального действия оценивает как неизменные действия и намерение персонажей.

25. *Как всегда, в ее меланхолических глазах и во всем птичьем личике было что-то надменное и брезгливое*: никто не должен был забывать, что профессорша — марксистка, жила в Париже, была знакома с знаменитыми эмигрантами. («На даче», 1895 г.) (II, 107)

Субъект ментального действия оценивает как неизменную внешность персонажа, отражающую его отношение к происходящему.

26. *Грачи, как всегда в жару, кричали где-то в степи тонкими томными голосами*. («На даче», 1895 г.) (II, 110)

Субъект ментального действия оценивает как неизменную деталь окружающего мира.

27. *И как всегда, он был очень представительен*; небольшое брюшко, туго обтянутое жилетом, не портило его высокой, плотной фигуры; ноги сравнительно с ней были тонки, но стройны. («На даче», 1895 г.) (II, 125)

Субъект ментального действия оценивает как неизменную внешность персонажа и ее восприятие.

28. И одни только кузнечики неутомимо стрекотали под окнами в чернобыльнике, да в степи отчетливо выкрикивал «опать-пальвять» перепел. *Капитон Иваныч был один — как всегда*. Ему словно на роду было написано всю жизнь прожить одиноко. («На хуторе», 1892 г.) (II, 33)

Субъект ментального действия оценивает как неизменное состояние персонажа.

Как обычно употребляется «для указания на обычность, регулярность проявления какого-либо качества, совершения какого-либо действия»¹⁶⁰.

29. Но там, на корабле, в светлых, сияющих люстрами залах, *был, как обычно, людный бал в эту ночь*. («Господин из Сан-Франциско», 1915) (IV, 70)

Субъект ментального действия оценивает происходящее и его характеристики как обычное.

30. Шлепая туфлями, на порог вышел Павел Стрешнев, одутловатый, с стухшими глазами, с зачесанными назад седыми волосами, в белье и старом летнем пальто, *полупьяный и болтливый, как обычно*. («Последнее свидание», 1912 г.) (III, 330)

Субъект ментального действия оценивает как обычное ⁹⁵внутреннее состояние, настроение персонажа.

Вводные, характеризующие манеру речи

1. Ряды лавок, *вернее, навесов*, крытых черной черепицей, увешанных огромными связками бананов, сушеной рыбой, вяленой акулой, были полны покупателями и продавцами, одинаково похожими на темнокожих банщиков. («Братья», 1914 г.) (IV, 12)

2. Вызвав удивление, зависть, почтение, он довольно и хитро засмеялся, *вернее, засипел*, открывая розовый рот, поблагодарил за чай, за угощение и пошел одеваться. («Князь во князьях», 1912 г.) (III, 321)

Вводные, указывающие на источник информации

1. В селе же Грешном вот что про него рассказывают. Рос, *говорят*, Ваня в семье честной и праведной, у родителей своих, высленных князем под Землянск-город. («Иоанн Рыдалец», 1913 г.) (III, 380)

2. Голос у него был такой, что, напевая свое любимое: «Et tonat, et sonat, et fluvidum coelum dat...», он потрясал, *как говорится*, стекла. («Чаша жизни», 1913 г.) (III, 455)

¹⁶⁰Морковкин, 1997: 162.

3. И тут капитан, который, *как оказалось впоследствии*, очень любил поговорить, будучи наедине с Чангом, сказал Чангу <...> («Сны Чанга», 1916 г.) (IV, 112)

4. Соколович, выйдя от Доминика и пройдя шагов двести, взял из этих женщин некую, *как оказалось потом*, Королькову, называвшую себя просто Корольком <...> («Петлистые уши», 1916 г.) (IV, 128)

5. Не отдался бы европеец на прихоть случайностей, не взвалил бы на себя и правительственную службу, и пароходную агентуру, и чайные дела, не затеял бы наряду со всем этим еще афер с жемчужными раковинами, не содержал бы свою черную любовницу, — редкую, *по слухам*, красавицу, — на диво всему городу... («Соотечественник», 1916 г.) (IV, 134 – 135)

Вводные, указывающие на логико-иерархическую структуру высказывания

1. <...> рассказывая что-нибудь, по его мнению, забавное, не понимает зачастую, что смысл этого забавного можно истолковать совсем не в его пользу: *например*, из его же собственных рассказов узнал гость, что уж слишком всезнающим, чуть не проходимцем казался он некоторым из тех дельцов Сибири, Манджурии, с которыми так быстро сходилась он <...> («Соотечественник», 1916 г.) (IV, 135)

2. Многое одинаково затаивали, сдерживали они в себе, многое одинаково воспринимали: как, *например*, волновал их обоих вид цыганского табора, идущего осенью по большой дороге на низы, к югу! («Придороге», 1913 г.) (III, 429)

3. Учитель некоторых из них побаивался даже, — *например*, посыльного на почту: говорил ему «вы», давал на водку, но посыльный все-таки поражал его своим презрительным спокойствием. («Учитель», 1894 г.) (II, 60)

4. Кончил он тем, что ввязался в большое чайное дело, устроив себе еще, *кроме того*, две службы, и вот уже шестой год прибывает здесь, в тропиках, облеченный немалыми полномочиями... («Соотечественник», 1916 г.) (IV, 134)

5. *Словом*, до самой поздней ночи, пока одни караулили, а другие укладывались спать или веселились, горькими слезами плакала глупая уездная старуха под хриплый, притворно-отчаянный крик, долетавший из гостиной ее хозяев. («Старуха», 1916 г.) (IV, 147)

6. Он досадливо качал головою, скреб спину, облаченную в длинную стариковскую рубаху... и *наконец* пришел к счастливой мысли. («Кастрюк», 1892 г.) (II, 26)

7. А когда лошади спокойно вникли в корм и прекратилась возня улегшихся рядышком ребят, смех над коростелью, которая оттого так скрипит, что дерет ногу об ногу, дед постлал себе у межи полушубок, зипун и с чистым сердцем, с благоговением стал на колени и долго молился на

темное, звездное, прекрасное небо, на мерцающий Млечный Путь — святую дорогу ко граду Иерусалиму. **Наконец** и он лег. («Кастрюк», 1892 г.) (II, 27)

8. Господин и госпожа из Сан-Франциско стали по утрам ссориться; дочь их то ходила бледная, с головной болью, то оживала, всем восхищалась и была тогда и мила, и прекрасна: прекрасны были те нежные, сложные чувства, что пробудила в ней встреча с некрасивым человеком, в котором текла необычная кровь, ибо ведь, **в конце концов**, и не важно, что именно пробуждает девичью душу, — деньги ли, слава ли, знатность ли рода... («Господин из Сан-Франциско», 1915) (IV, 59)

9. Но Аверкий, со своим равнодушием к земным делам, вполне верил ему - и даже возвысил голос, настаивая, чтобы его отпустили, а не сажали в холодную. И удивленные, сбитые с толку соседи, **в конце концов**, покорились ему. («Худая трава», 1913 г.) (III, 391)

10. **В конце концов**, эта путаница мысли испортила ему настроение, утомила, стала мучить. («Учитель», 1894 г.) (II, 69)

11. По дороге он, **между прочим**, думал, что, выучившись, он сам сделает себе идеальные шары и молотки для крокета, да, пожалуй, и всю мебель для своей комнаты... («На даче», 1895 г.) (II, 109)

12. Утром зашла богомолка Агафья, бывшая дворовая Капитона Иваныча, и, **между прочим**, сказала <...> («На хуторе», 1892 г.) (II, 34)

13. Бывало, с началом зимы для всех ребятишек начинались истинные мучения, проистекавшие, **с одной стороны**, от желания ^{удрать} из избы, пробежать по пояс в снегу через луг и, катаясь на ногах по первому синему льду пруда, бить по нем палками и слушать, как он гулькает, а **с другой стороны** — от грозных окриков матери. («Танька», 1892 г.) (II, 12)

2. Субъект сознания – рассказчик (диегетический повествователь)

Выразители категорической достоверности

1. Это была, **конечно**, не сова, это был королек, — кажется, самая маленькая из всех существующих птиц. («Маленький роман», 1909 – 1926 гг.) (II, 296)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности оценки и выражает согласие с возможным сомнением собеседника (адресата письма).

2. **Не всегда, конечно**, трепетал перед Фисуном Луговой: были часы, когда нужно было отдохнуть от понесенных трудов и подкрепить силы для дальнейших, когда закуска, чаепитие и курение тютюна почти совсем уравнивали Фисуна с Луговым («Архивное дело», 1914 г.) (IV, 38)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности описываемой ситуации.

3. Тут объединяла их еще и ненависть к сторожам, которые и Лугового не очень-то жаловали, а кроме того — глубокая отчужденность

архива от всех прочих отделений управы: твердо держались эти архивные кроты, — и Фисун, *конечно, особенно твердо*, — того убеждения, что низ и верх суть два совершенно разных мира, что во веки веков не расти двум колосьям в уровень, что до скончания времен пребудут большие и малые, власть и подчинение, что напрасно молокососы потешаются над ними... («Архивное дело», 1914 г.) (IV, 38)

Вводное слово во вставной конструкции выражает уверенность говорящего в естественности характеристики и подчеркивает то, что описываемый персонаж выделяется особой силой проявления признака.

4. *Конечно, времена были тогда глухие, архиреакционные*: но ведь все-таки были мы земские люди. («Архивное дело», 1914 г.) (IV, 38)

Субъект ментального действия соглашается с возможным удивлением слушателя, указывает на естественность характеристики, которая противоречит сообщаемому далее. Значение отвергаемого предположения.

5. Смерть его, как и всякая смерть, *конечно, не могла быть потешной* <...> («Архивное дело», 1914 г.) (IV, 39)

Субъект ментального действия указывает на естественность характеристики.

6. — Никак нет, — хотел выговорить второй, тоже выкатывая глаза, — и не мог: и от страха, и *от того, конечно, что уж слишком бы не соответствовало это истине* («Архивное дело», 1914 г.) (IV, 42)

Субъект ментального действия указывает на естественность причины.

7. Смерть его, равно как и другие некоторые события, последовавшие вслед за «весенними мечтаниями», *конечно, не изменили наших идеалов, не угасили нашей веры в грядущее торжество этих идеалов*. («Архивное дело», 1914 г.) (IV, 43)

Субъект ментального действия указывает на естественность произошедшего.

8. А при Фисунах он, *конечно, сохранится* и, *конечно, попадет* кому-нибудь на глаза — и чем позднее, тем лучше: резче ударят тогда в глаза нового человека строки этой старой истории. («Архивное дело», 1914 г.) (IV, 43)

Субъект ментального действия выражает уверенность в правоте высказанного предположения.

9. Индийский океан в марте, *конечно, отдых*, но ведь впереди было это проклятое Аравийское море и чума. («Копье Господне», 1913 г.) (III, 372)

Субъект ментального действия выражает согласие с возможной реакцией слушателя и указывает на естественность характеристики, которая противоречит сообщаемому далее. Значение отвергаемого предположения.

10. Там начинаются те заповедные, вечно засыпаемые песком пути из Сирии, Персии и Средней Азии к Мекке, Ятрибу, что издревле отмечают своими костями святые хаджи, гибнущие, во имя господ, от жажды, ураганов, зноя и, *уж конечно, от холеры и чумы* — «Раны от Копья», как называют ее арабы («Копье Господне», 1913 г.) (III, 373)

Субъект ментального действия выражает уверенность в типичности названных причин. Вводная конструкция маркирует элементы ряда однородных членов, выделяя их как основные, по мнению говорящего, причины.

11. Подумала, подумала и пошла, хоть, *конечно, знала*, что был он пожилой, пьяница, всегда разгоряченный человек, просто сказать — разбойник... («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 199)

Субъект ментального действия указывает на естественность описываемого ментального состояния персонажа.

12. Я к тебе как к родной привыкла. Я, *конечно, благодарю всячески*. Наобещала всего с три сумы, накланялась в пояс — и пошла. («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 207)

Реакция на слова собеседника. Субъект ментального действия указывает на естественность своей реакции.

13. И пережив неудачу, я, *конечно, забывал о зеркале* (*«У истока дней»*, 1906 г.) (II, 267)

Субъект ментального действия указывает на естественность своей реакции.

14. *Конечно, ты хотел, после всех своих преступлений, показаться особенно деликатным, особенно приличным и кротким мальчиком* («Цифры», 1906 г.) (II, 255)

Субъект ментального действия выражает уверенность в объяснении поведения адресата, согласие с его возможной реакцией.

15. Разговор, *конечно, оборвался*. Мне было уже стыдно, и я зажигал папиросу, не поднимая глаз на бабушку. («Цифры», 1906 г.) (II, 259)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности произошедшего.

16. Покупает, *конечно, один*, ибо и покупки-то всего на копейку или на яйцо, но покупателей много, торговля идет бойко, и чахоточный мещанин в длинном сюртуке и рыжих сапогах — весел. («Антоновские яблоки», 1900 г.) (II, 159)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности происходящего.

17. Ну, и сама я, **понятно**, была чистоплотная, ладная, из себя, хоть и сухая, а красивая. («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 200)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности описываемой характеристики, которая, по мнению говорящего, является одной из причин происходящего.

18. Надоел мне до смерти, а, **понятно**, прикидываюсь: и смеюсь, и ногой сижусь-мотаю, — всячески, значит, разжигая его... («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 200)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности своих действий.

19. — С места не сойти, умереть мне без покаяния! Ну, **понятно**, и прочее тому подобное. («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 201)

Реакция на слова собеседника. Субъект ментального действия указывает на естественность и типичность происходящего.

20. Теперь-то, **понятно**, часто думается: может, за него-то и наказал меня господь сынком! («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 203)

Субъект ментального действия указывает на естественность своего внутреннего состояния.

21. Стала, **понятно**, поласковее с ним, стала чаще сидеть. («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 204)

Субъект ментального действия указывает на естественность характера своих действий.

22. Хотела, **понятно**, приятное ему сказать, и так-то ловко попала. («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 206)

Субъект ментального действия указывает на естественность причины.

23. Плачет навзрыд, а больше, **понятно**, не от обиды, а от притворства. («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 207)

Субъект ментального действия указывает на естественность причины, выражает уверенность в правоте своего объяснения.

24. И мыслить, **понятно**, забыла обо всех этих глупостях, хоть, по совести сказать, он, убогий-то, даже в постель слег, как я уходила. («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 208)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности своей реакции.

25. Тут-то я, **понятно**, пожалела, что не пошла, а тогда не до него было. («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 208)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности своей реакции.

26. Ай, слышу, уж весь пригород знает про наши с Николаем Иванычем замыслы, *дошел, понятно, слух и до Самохваловых*, — небось сама же Полканиха и шепнула. («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 212)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности происходящего.

27. *Понятно, не магазин какой-нибудь, а просто лавочку*, да по нашей слободе сойдет. («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 197)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности происходящего.

28. Вышла и стала, значит, уж не девка простая, а Настасья Семеновна Жохова, городская мещанка... *Понятно, лестно казалось*. («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 199)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности своей реакции.

29. *Понятно, по его и вышло*. Двух часов не прошло — кончился. («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 199)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности произошедшего, совпадающего с ожиданиями говорящего.

30. Плачет, захлебывается, даже волосы с себя дерет. *Понятно, и ее дело не сладко*. («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 210)

Субъект ментального действия выражает уверенность в характеристике внутреннего состояния другого персонажа, понимание ее действий.

31. *Понятно, это я теперь-то так вкратце рассказываю*, а что я в ту пору прочувствовала — одна моя думка знает. («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 212)

Субъект ментального действия выражает согласие с возможной реакцией слушателя на сжатость изложения важного для говорящего эпизода.

32. *Само собой разумеется, что далеко не всегда*, — и, прежде всего, по причине своей глубокой старости, — *ощущал он себя носителем власти*. («Архивное дело», 1914 г.) (IV, 38)

Субъект ментального действия выражает согласие с возможной реакцией слушателя, указывает на естественность характеристики.

33. В надежде, что она придет как раз в мое отсутствие, я отправляюсь в кухмистерскую обедать. *В самом деле, какой скучный день!* Прохожих мало, белые каменные лома в пыли. («Без роду-племени», 1897 г.) (II, 152)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности своей оценки.

34. Я восторженно оглянулся... Да, **несомненно**, в зеркале было все, что было и здесь, вокруг меня — и стены, и стулья, и пол, и солнечный свет, и ребенок, стоявший среди комнаты... («У истока дней», 1906 г.) (II, 266)

Субъект ментального действия выражает согласие с возможным удивлением слушателя.

Выразители проблематической достоверности

1. Оно вдруг коснулось меня — и, **может быть**, сделало именно то, что нужно было сделать: коснуться и уйти. («Заря всю ночь», 1902 — 1926 гг.) (II, 233)

Субъект ментального действия выражает предположение о характере произошедшего, вводит контекст размышления в повествование.

2. А **может быть**, эта усадьба живет для ее флейтового пения? («Книга», 1924 г.) (IV, 331)

Субъект ментального действия выражает предположение о связи между иволгой и усадьбой об устройстве вещей. Контекст размышлений.

3. Мужичу кажется, что знает, и, **может быть**, он прав. («Книга», 1924 г.) (IV, 331)

102

Субъект ментального действия выражает предположение о правоте персонажа.

4. Так вот, ежели понадобится справка о нашем времени, **пригодится, может быть**, и моя справка о нем. («Архивное дело», 1914 г.) (IV, 43)

Субъект ментального действия выражает предположение о будущей полезности своего рассказа.

5. **Может быть**, глядя именно на это отражение, заговорили о Софиевском соборе, о Михайловском, — многие впервые побывали на этом пути в Киеве — и стали с умилением дивиться их красоте и ужасаться картинам Страшного суда, которыми славятся многие киевские церкви. («Лирник Родион», 1913 г.) (III, 408)

Субъект ментального действия выражает предположение о причине разговора о Софийском соборе (возникшая у рассказчика ассоциация).

6. Старший механик вспомнил покойного командира «Японии»: это было тоже во время чумы и тоже в Красном море, командир захворал, — **может быть**, и **впрямь захворал**, заразившись в Массиве, где он съезжал на берег, — а захворав, поспешил принять датуры, оставив записку, что у него жар и опухоли под мышками... («Копье Господне», 1913 г.) (III, 372)

Субъект ментального действия, с недоверием относящийся к болезни капитана и не знающий наверняка, выражает предположение о ее подлинности.

7. И целый день не выходила у меня из головы мысль о крысе, которая, *может быть*, уже сеет смерть, чумея в темноте наших трюмов. («Копье Господне», 1913 г.) (III, 374)

Субъект ментального действия выражает предположение о происходящем, указывающее на его страх.

8. Я подумал: это, верно, кто-нибудь на сторожевой лодке крикнул; *может быть*, это убийство и вопль о пощаде; *может быть*, контрабандиста-грека поймали. («Крик», 1911 г.) (III, 166)

Субъект ментального действия выражает предположения о причинах услышанного крика.

9. Но, *может быть*, есть что-нибудь между этой краской и стеклом? («У истока дней», 1906 г.) (II, 272)

Субъект ментального действия выражает предположение о наличии загадки в интересующем его предмете.

10. Ты до изнеможения упился своими рыданиями, своим детским горем, с которым *не сравнится*, *может быть*, ни одно человеческое горе, но прекратить вопли сразу было невозможно, хотя бы из-за одного сам¹⁰³любия. («Цифры», 1906 г.) (II, 259)

Субъект ментального действия выражает предположение о степени силы детского горя в своих представлениях.

11. Днем я видел там остов дохлой коровы, и теперь собака вдруг насторожилась и остро приподняла уши: далеко по блестящей слюде побежало от лозинки что-то маленькое и темное, — *может быть*, лисица, — и в чуткой тишине долго замирало чуть уловимое, таинственное потрескивание наста. («Новый год», 1901 г.) (II, 227)

Субъект ментального действия выражает предположение о том, чем является существо, которое он не успел разглядеть.

12. Колокол без смысла и однообразно звонил на носу где-то мрачным и тоскливым голосом простонала «сирена»... *может быть*, и не существующая, а созданная напряженным слухом, которому всегда чудится что-нибудь в таинственной безбрежности тумана... («Туман», 1901 г.) (II, 205)

Субъект ментального действия выражает предположение о подлинности услышанного звука.

13. Был уж очень поздний, — *может быть*, предрассветный час. («Туман», 1901 г.) (II, 206)

Субъект ментального действия выражает предположение о времени действия, которое не знает наверняка.

14. Одно я знал без всяких колебаний и сомнений, — это то, что есть что-то высшее даже по сравнению с глубочайшею земною древностью... *может быть, та тайна, которая молчаливо хранилась в этой ночи* («Туман», 1901 г.) (II, 208)

Субъект ментального действия выражает предположение о характере случившегося с ним.

15. И впервые мне пришло в голову, что, *может быть, именно то великое, что обыкновенно называют смертью, заглянуло мне в эту ночь в лицо*, и что я впервые встретил ее спокойно и понял так, как должно человеку... («Туман», 1901 г.) (II, 208)

Субъект ментального действия выражает предположение о характере случившегося с ним.

16. *Может быть, скоро задымят здесь трубы заводов, лягут крепкие железные пути на месте старой дороги и поднимется город на месте дикой деревишки.* («Эпитафия», 1900 г.) (II, 177)

Субъект ментального действия выражает предположение о будущем места.

17. Целую ночь придется спускаться к долинам и только ¹⁰⁴ *на заре* удастся, *может быть, уснуть где-нибудь мертвым сном*, — сжаться и чувствовать только одно — сладость тепла после холода. («Перевал», 1892 – 1898 гг.) (II, 9)

Субъект ментального действия выражает предположение и надежду о своих возможных действиях.

18. Донец видел Игоря, — *может быть, видел Игоря и Святогорский монастырь.* («Святые горы», 1895 г.) (II, 52)

Субъект ментального действия выражает предположение о присутствии героя в определенном месте, о связи места с героем «Слова...».

19. *Может быть, это значит:* как все-таки прекрасна жизнь! («Неизвестный друг», 1923 г.) (IV, 241)

Субъект ментального действия выражает предположение о смысле своих ощущений (контекст письма).

20. *Может быть, Вы ответите мне, хотя двумя словами?* («Неизвестный друг», 1923 г.) (IV, 242)

Субъект ментального действия выражает предположение и надежду на ответ адресата (контекст письма).

21. Но, *может быть*, Ваш издатель еще не переслал Вам моих писем? *Может быть*, Вас отвлекают срочные занятия, светская жизнь? («Неизвестный друг», 1923 г.) (IV, 243)

Субъект ментального действия выражает предположение о причинах молчания адресата (контекст письма).

22. Но точно ли не имею я этого права? А *может быть*, оно уже есть у меня, раз я испытала известные чувства к Вам? («Неизвестный друг», 1923 г.) (IV, 243)

Субъект ментального действия выражает предположение о наличии у нее права на внимание адресата. Контекст размышления (в письме).

23. *Может быть*, Вы оттого не писали мне, что я для Вас слишком отвлеченна? («Неизвестный друг», 1923 г.) (IV, 244)

Субъект ментального действия выражает предположение о причинах молчания адресата (контекст письма).

24. А мне и правда было стыдно, стыдно выйти к нему, стыдно, что я откажу ему, — теперь я знала это уже твердо, — и, торопясь одеться и поглядывая в зеркало на свое побледневшее лицо, я что-то шутливо и приветливо крикнула в ответ, но так слабо, что он, *верно*, не расслышал («Заря всю ночь», 1902 – 1926 гг.) (II, 234)

Субъект ментального действия выражает предположение о ¹⁰⁵восприятии персонажа.

25. Если он еще жив, бог, *верно*, дал ему старость счастливую и отрадную за ту радость, что давал он людям. («Лирник Родион», 1913 г.) (III, 408)

Субъект ментального действия выражает предположение о судьбе персонажа, которая ему неизвестна, и выражает свое отношение к нему.

26. Я подумал: это, *верно*, кто-нибудь на сторожевой лодке крикнул; может быть, это убийство и вопль о пощаде; может быть, контрабандиста-грека поймали. («Крик», 1911 г.) (III, 166)

Субъект ментального действия выражает предположение о причине услышанного крика.

27. Он, *верно*, говорил бы еще долго, но тут тяжело зашумел подходящий товарный поезд. («Сны», 1903 г.) (II, 239)

Субъект ментального действия выражает предположение о длительности действия персонажа, характеризующее его. Значение отвергаемого предположения.

28. Положив голову на подушку, она заплакала, и, *верно*, слезы были приятны ей, потому что изредка она поднимала лицо, улыбалась сквозь слезы

и целовала мою руку, стараясь продлить их нежностью. («Новый год», 1901 г.) (II, 224)

Субъект ментального действия выражает предположение о внутреннем состоянии персонажа, объясняющее его поведение.

29. В этом крике и шуме чувствовалось что-то задорное и суетное, — **верно**, и капитан встречного парохода был молод и дерзок, — но что значила эта суетная смелость перед лицом такой ночи! («Туман», 1901 г.) (II, 207)

Субъект ментального действия выражает предположение о характере персонажа, объясняющее восприятие его действия говорящим.

30. Думал я о том, что всегда влекло меня к себе, — о всех живших на этой земле, о людях древности, которых всех видел этот месяц и которые, **верно**, казались ему всегда настолько маленькими и похожими друг на друга, что он даже не замечал их исчезновения с земли. («Туман», 1901 г.) (II, 207)

Субъект ментального действия выражает предположение о восприятии месяца, олицетворение.

31. Тем, **может**, и спаслась, а то бы узнала чижа паленого. («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 212)

Субъект ментального действия выражает предположение о результате своих действий.

32. **Может**, и помер давно, да не знаю о том. («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 215)

Субъект ментального действия выражает предположение о судьбе персонажа (сына).

33. **Может**, он знает даже и то, как ясен и торжественен сегодняшний день, — его последний день в родной деревне? («Сосны», 1901 г.) (II, 193)

Субъект ментального действия выражает предположение о внутреннем состоянии мертвеца, приписывает ему восприятие живого человека.

34. Один из сидевших был рыжий оборванный мужик, **видно**, бродяга-рабочий с низов, другой — молодой цыган. («Костер», 1902 г.) (II, 214)

Субъект ментального действия выражает предположение о роде занятий персонажа, объясняющее его внешний вид.

35. **Видно**, правдой не проживешь, надо, **видно**, с оглядкой («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 198)

Субъект ментального действия выражает предположение о верных жизненных принципах. Вывод из случившегося с рассказчицей.

36. Повинтовали мы, повинтовали, да делать нечего, — *видно, против бога не пойдешь*. («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 199)

Субъект ментального действия выражает предположение о своих возможностях.

37. *Сперва-то он, видно, то в голову себе забрал, что понравиться может*, — зачал прифранчиваться, подсолнухи покупать и так-то лихо, бывало, на гармонье заливается, — заслушаешься. («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 203)

Субъект ментального действия выражает предположение о мыслях персонажа, объясняющее его поведение.

38. Да, *видно, гребовать бедному человеку не приходится*, деньгами все можно сделать, вот он и стал подкупать меня. («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 204)

Субъект ментального действия выражает предположение о своих возможностях, о которых мог подумать и другой персонаж.

39. Теперь, после целых двух недель размышления об одном и том же и подсчета всего того, чем весь век радовали его люди, *он совсем, казалось, освободился от страха* («Ермил», 1912 г.) (III, 314)

Субъект ментального действия выражает предположение о внутреннем состоянии персонажа.

107

40. Управа в тот ноябрь была подобна вешнему улью: сверху донизу гудела она народом, среди которого было и огромное количество посторонних, начиная с курсисток, студентов, врачей и кончая даже обывателями, и, *казалось, уже не стало никакого различия между низом и верхом, между большими и малыми*: все, от первых земских магнатов до последнего сторожа, от предводителя дворянства до Лугового, жаждали заключить друг друга в объятия, чтобы уже одним потоком к одной цели двинуться вперед. («Архивное дело», 1914 г.) (IV, 40)

Субъект речи выражает свое восприятие происходящего (субъект восприятия).

41. Она была в прозрачной кофточке, высока и так хрупка станом, что, *казалось, вот-вот она переломится*. («Лирник Родион», 1913 г.) (III, 407)

Субъект речи выражает свое восприятие героини (субъект восприятия).

42. И в этой улыбке, в молодом изящном лице, в черных глазах и волосах, даже, *казалось, в тонкой нитке жемчуга на шее и блеске брильянтов в серьгах* — во всем была застенчивость девушки, которая любит впервые. («Осенью», 1901 г.) (II, 218)

Субъект речи выражает свое восприятие героини. Вводное слово подчеркивает выраженность качества в каждой детали, маркируя элементы ряда однородных обстоятельств.

43. Из-под колес брызгами сыпалась в разные стороны грязь, и она, *казалось, с интересом следила за ними.* («Осенью», 1901 г.) (II, 219)

Субъект ментального действия выражает предположение о действии персонажа.

44. Одно море гудело ровно, победно и, *казалось, все величавее в сознании своей силы.* («Осенью», 1901 г.) (II, 221)

Субъект речи выражает свое восприятие звуков моря, олицетворение (субъект восприятия).

45. Осень приходила к нам светлая и тихая, так мирно и спокойно, что, *казалось, конца не будет ясным дням.* («Эпитафия», 1900 г.) (II, 174)

Субъект речи выражает свое восприятие осени, описывает свое внутреннее состояние.

46. И так как беда не ходит одна, то само небо, *казалось, стало гневаться на людей.* («Эпитафия», 1900 г.) (II, 176)

Субъект речи выражает свое восприятие происходящего, олицетворение.

108

47. С самого утра перепадал теплый, золотой дождик, и обмытая им майская зелень, и самый воздух, *казалось, молодели от него.* («Без роду-племени», 1897 г.) (II, 151)

Субъект речи выражает свое восприятие окружающего мира, олицетворение.

48. Один сторожевой курган стоял вдалеке и, *казалось, зорко глядел на равнины.* («Святые горы», 1895 г.) (II, 51)

Субъект речи выражает свое восприятие кургана, олицетворение.

49. Спал я, *как мне казалось, долго,* но, открыв глаза, с тоской увидел, что на часах всего половина седьмого. («Сны», 1903 г.) (II, 238)

Субъект речи выражает свое восприятие длительности сна.

50. Теперь, если бы ему сказали, что никто к нему не придет, он бы, *кажется, молить стал о том.* («Ермил», 1912 г.) (III, 314)

Субъект ментального действия выражает предположение о внутреннем состоянии персонажа.

51. И, *кажется, все было мне к лицу,* хотя одевалась я очень просто. («Заря всю ночь», 1902 – 1926 гг.) (II, 229)

Субъект речи выражает восприятие своей внешности.

52. Было в ней что-то общее с Венерой Милосской, если только можно вообразить себе Венеру загорелой, с карими веселыми глазами и с такой ясностью чела, которая бывает, *кажется*, только у хохлушек и полек. («В августе», 1901 г.) (II, 215)

Субъект ментального действия выражает неуверенность в достоверности своего знания.

53. *Кажется*, никогда не любил я так Малороссию, как в ту пору, никогда не хотел так жить, как в ту осень, а между тем толковал я тогда только о борьбе с жизнью, учился только бондарному ремеслу. («В августе», 1901 г.) (II, 215)

Субъект ментального действия выражает предположение о своем внутреннем состоянии.

54. Столетние сосны замыкают ее и, *кажется*, не хотят пускать вперед поезд. («Новая дорога», 1901 г.) (II, 203)

Субъект речи выражает свое восприятие сосен, олицетворение.

55. Всюду тишина и чистота, хотя, *кажется*, кресла, столы с инкрустациями и зеркала в узеньких и витых золотых рамах никогда не трогались с места. («Антоновские яблоки», 1900 г.) (II, 163)

Субъект ментального действия избегает выражения категорической уверенности в своих воспоминаниях. 109

56. Зол он, *должно быть*, невероятно: голоден так, как может быть только стервятник! («Копье Господне», 1913 г.) (III, 374)

Субъект ментального действия выражает предположение о внутреннем состоянии увиденной птицы.

57. Больно, *должно быть*, Батуриной выходить после таких докладов! («Золотое дно», 1903 г.) (II, 246)

Субъект ментального действия выражает предположение о внутреннем состоянии персонажа.

58. *Должно быть*, всем было весело в тот вечер. («Туман», 1901 г.) (II, 205)

Субъект ментального действия выражает предположение о внутреннем состоянии персонажей.

59. <...> за горизонтом снова начинаются спокойные водные поля; но, *должно быть*, там, где была «Надежда», был ровный попутный бриз. («Надежда», 1902 – 1932 гг.) (II, 236)

Субъект ментального действия выражает предположение о происходящем, точные знания о котором у него отсутствуют.

60. Улицы пусты, — все эти мещане, купцы, старухи и молодые кружевницы сидят по своим домишкам и, **должно быть**, не знают, какой простор зеленых полей разворачивается вокруг города; а мы вот знаем и побежим еще выше, где уже совсем жутко, особенно когда подумаешь, что приближаешься к самому шпицу колокольни, сияющей над городом своим золотым крестом... («Над городом», 1900 г.) (II, 180)

Субъект ментального действия выражает предположение о знаниях других персонажей, объясняющее причину их поведения.

61. То-то, **должно быть**, дико-радостно билось сердце какого-нибудь воина полков *Игоревых*, когда, выскочив на хрипящем коне на эту высь, повисал он над обрывом, среди могучей чащи сосен, убегающих вниз! («Святые горы», 1895 г.) (II, 56)

Субъект ментального действия выражает предположение о внутреннем состоянии героя.

62. И он, **вероятно**, еще более зажился бы, если бы не объелся в Петровки луку. («Антоновские яблоки», 1900 г.) (II, 161)

Субъект ментального действия выражает предположение о возможной судьбе персонажа, значение отвергаемого предположения.

63. <...> он умер в этой молельной, **вероятно**, на этой же кровати. («Антоновские яблоки», 1900 г.) (II, 167)

110

Субъект ментального действия выражает предположение о деталях произошедшего.

64. Большая рыжая собака медленно подошла к нам из-за крыльца, с ласковой снисходительностью виляя пушистым хвостом, и она обняла ее за широкую шею в густом меху, а собака глядела через ее голову умными вопросительными глазами и все так же равнодушно-ласково, **вероятно**, сама того не замечая, махала хвостом. («Новый год», 1901 г.) (II, 226)

Субъект ментального действия выражает предположение о внутреннем состоянии собаки, объясняющее характер ее действий.

65. Очень высокий малый в нарядной зеленой рубашке, стоявший среди девок с гармонией в руках и, **очевидно**, очень нетерпеливо ждавший, когда уедут, тотчас громко заиграл. («Последняя весна», 1916 г.) (IV, 161)

Субъект ментального действия выражает предположение о внутреннем состоянии персонажа, объясняющее его поведение.

Выразители эмоциональной оценки

1. Знаете вы этих забитых трудом и бедностью старушек, которые встречаются иногда на улицах, в кухмистерских и присутственных местах в дни выдачи пенсий? Почему-то все они маленького роста, ходят в стареньких бурнусах и убогих шляпках, смотрят на все робкими, недоумевающими

глазами и возбуждают мучительную жалость своим покорным видом... **Как нарочно**, и сегодня одна из них тут. («Без роду-племени», 1897 г.) (II, 153)

Субъект сознания эмоционально реагирует на происходящее, акцентирует участника окружающего его пространства.

2. - Болен, - ответил я шутливо, с болью чувствуя все обаяние ее. Чем?

- Жаждой того, чего у меня нет, - сказал я. - А хочу я многого... Любви, здоровья, крепости духа, денег, деятельности... **К удивлению моему**, она, помолчав, быстро и серьезно ответила <...> («Без роду-племени», 1897 г.) (II, 149)

Субъект сознания выражает эмоциональную реакцию (удивление) на действие собеседника, которое не соответствует его ожиданиям.

Вводно-обобщительные, характеристика обыденности явления

Субъект ментального действия оценивает происходящее как нерегулярно происходившее в прошлом в контексте воспоминания:

1. **Бывало**, еще солнце не успеет нагреть тенистых и росных садов, еще плавно и гордо вихляются по деревянным «пешеходам» грудастые хохлушки с коромыслами через плечо, смахотками молока и кошелками вишен, еще пуст базар и по-утреннему чисты, белы улицы, а он, в своем башлыке и болотных сапогах, уже поспешает. («Архивное дело», 1914 г.) (IV, 36)

2. **Бывало**, и через пороги, и по лестницам — так и жжет. («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 202)

3. **Бывало**, как подымет, подымет: «Я монах, красив собою!..» («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 202)

4. Он сам свое убожество понимал, сам скучал часто. **Бывало**, скажет мне: — И калеккой меня, Настя, судьба моя сделала, и характер у меня сумасходный: то мне весело чего-й-то, как перед бедой какой, то такая тоска, особенно летом, в жару, в пыль эту, — просто руки на себя наложил бы! («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 216)

5. **Бывало**, выглянешь из сеней в поле, а жесткая вьюга свистит под голубцом, дымится по острым сугробам и со стоном проносится по равнине, заматая на бегу следы по ухабистой дороге. («Эпитафия», 1900 г.) (II, 175)

6. Ужасный веселый, здоровый был мальчик, десяти месяцев стал ходить, разговаривать, — все они у меня, дети-то, на одиннадцатом месяце начинали ходить и говорить, — сам стал чай пить, *уцопится, бывало, обоими ручонками за блюдо, не выдерешь никак...* («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 199)

7. Я ведь, правда, смолоду ловкая и хитрая была, *за что, бывало, ни возьмусь, сделаю все чисто, аккуратно, любого официанта засушу*, опять же и угодить умела: что ни скажут господа, а я все «да-с» да «так точно» да «истинная ваша правда...» («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 200)

8. *Встану, бывало, чуть лунно, полы подотру, печку истоплю, самовар расчищу, — господа пока проснутся, а уж у меня все готово.* («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 200)

9. Мне ино пору даже жалко, *бывало, себя станет*: за что, мол, красота моя и звание на этакой черной работе пропадают? («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 200)

10. Матери все-таки боялся и *через парадный ни за что, бывало, не пойдет.* («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 202)

11. *Каждую копейку, бывало, берегу*: деньги-то, оне с крылушками, только выпусти из рук! («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 203)

12. Иной раз из головы не идет, я вот сейчас расскажу, что он над собой сделал, — да ведь надо понять, что уж очень обидно было: *гляну, бывало, на него, головастого, и такая-то досада возьмет!* («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 203)

13. Сперва-то он, видно, то в голову себе забрал, что понравиться может, — зачал прифранчиваться, подсолнухи покупать и *так-то лихо, бывало, на гармонье заливаешься, — заслушаешься.* («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 203)

14. Я *гребовала, бывало, и прикоснуться к нему.* («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 204)

15. Как, *бывало, позаснут все после обеда*, он сейчас и зовет меня к себе — либо в сад, либо в горницу свою. («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 204)

16. На ранней заре, когда еще кричат петухи и по-черному дымятся избы, *распахнешь, бывало, окно в прохладный сад*, наполненный лиловатым туманом, сквозь который ярко блестит кое-где утреннее солнце, и не утерпишь — велишь поскорее заседлывать лошадь, а сам побежишь умываться на пруд. («Антоновские яблоки», 1900 г.) (II, 160)

17. *Все, бывало, сидит на скамеечке, на крыльце, согнувшись, тряся головой, задыхаясь и держась за скамейку руками, — все о чем-то думает.* («Антоновские яблоки», 1900 г.) (II, 161)

18. *Когда, бывало, едешь солнечным утром по деревне*, все думаешь о том, как хорошо косить, молотить, спать на гумне в ометах, а в праздник встать вместе с солнцем, под густой и музыкальный благовест из села, умыться около бочки и надеть чистую замашную рубаху, такие же портки и несокрушимые сапоги с подковками. («Антоновские яблоки», 1900 г.) (II, 162)

19. *Пока, **бывало**, доедешь до этой усадьбы, уже совсем ободняется.* («Антоновские яблоки», 1900 г.) (II, 162)

20. *Я сейчас еще чувствую, как жадно и емко дышала молодая грудь холодом ясного и сырого дня под вечер, когда, **бывало**, едешь с шумной ватагой Арсения Семеныча, возбужденный музыкальным гамом собак, брошенных в чернолесье, в какой-нибудь Красный Бугор или Гремячий Остров, уже одним своим названием волнующий охотника.* («Антоновские яблоки», 1900 г.) (II, 165)

21. ***Как всегда**, ослепительный свет тропического солнца бил в люминатор, до головокружения душно было в каюте — и так отраден этот свежий шум!* («Копье Господне», 1913 г.) (III, 374)

Субъект ментального действия оценивает происходящее как неизменное.

22. *Шел оживленный разговор — **как всегда**, толковали об окладах, о начальстве, кляли свою службу, тешили себя мечтами найти береговую.* («Копье Господне», 1913 г.) (III, 375)

Субъект ментального действия оценивает как неизменное и обыденное содержание разговора.

23. *Все улыбнулись, — даже и барыня, которой все-таки немного неприятны были эти шутки, — и подумали, что Сверчок, **как всегда**, отпустит что-нибудь смешное.* («Сверчок», 1911 г.) (III, 219)

Субъект ментального действия оценивает как неизменное и естественное ожидаемое действие персонажа.

24. ***Как всегда**, очень чисты были его заплатаанные портки и рубаха, ладно подвязаны онучи.* («Мелитон», 1900 – 1930 гг.) (II, 182)

Субъект ментального действия оценивает внешний вид персонажа как неизменный.

25. *Я слушал Крутика, соловьев, думал о чем-то, **чего не вспомнишь, как всегда в бессонную ночь**...* («Мелитон», 1900 – 1930 гг.) (II, 184)

Субъект ментального действия оценивает свое внутреннее состояние как обыденное для ситуации.

26. *Воздух в полях, после города, кажется необыкновенным, — и, **как всегда**, я до поздней ночи стою в сенях вагона, отворив боковую дверь, и напряженно гляжу против ветра в темные снежные поля.* («Новая дорога», 1901 г.) (II, 197)

Субъект ментального действия оценивает свои действия как неизменные и обыденные.

27. Голоса и топот ног опередивших нас раздаются уже над нами, — *звонко и весело, как всегда весной в колокольне*. («Над городом», 1900 г.) (II, 178)

Субъект ментального действия оценивает образ действия как неизменный и обыденный для ситуации, акцентирует на нем внимание.

28. Я вспомнил прошлый Новый год, который мы, *по обыкновению, встречали в Петербурге в кружке моих сослуживцев*, хотел вспомнить позапрошлый — и не мог, и опять подумал то, что часто приходит мне в голову <...> («Новый год», 1901 г.) (II, 224)

Субъект ментального действия оценивает характер протекания действия как обычный и регулярный.

29. С конца сентября наши сады и гумна пустели, погода, *по обыкновению*, круто *менялась*. («Антоновские яблоки», 1900 г.) (II, 164)

Субъект ментального действия оценивает происходящее как обычное и регулярное.

Вводные, характеризующие манеру речи

1. С великой нежностью, но все так же просто передал он горькую «розмову» сироты с матерью, — *точнее говоря*, с «янголем» (ангелом), отзывавшимся из могилы за усопшую <...> («Лирник Родион», 1913 г.) (III, 410)

2. Очень редкий и низенький сад, *вернее*, кустарник, раскиданный на широкой снежной поляне, был виден из окон, и одна половина его была в тени, далеко лежавшей от дома, а другая, освещенная, четко и нежно белела под звездным небом тихой зимней ночи. («Новый год», 1901 г.) (II, 225)

Вводные, указывающие на источник информации

1. Вижу, совсем отличный человек, — ростом, правда, невеличек, седенький весь, а приятный такой, тихий, опрятный, политичный: видно, бережной, никому, *говорят*, гроша завсю жизнь не задолжал... («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 211)

2. *Говорят*, что за этими дощечками только стекло, намазанное ртутью. («У истока дней», 1906 г.) (II, 268)

3. *Говорят*, что она на погосте, в Знаменском. («У истока дней», 1906 г.) (II, 272)

4. Ух, как зловеще шумел невидимый лес в те черные, непроглядные ночи, когда пошли ноябрьские дожди, когда стали они лить по ночам без перерыва, когда, *как говорится*, хоть кричи, не докричишься ни души, когда в полях только ветер, черные пашни, пустые дороги да непробудным сном умершие деревни! («Ермил», 1912 г.) (III, 309 – 310)

5. Остался один, да ведь, *как говорится*, и один — господин. Хорошая жизнь, с. 200

6. Ведь что ж поделаешь, бедность, а тут, *как говорится*, хоть шерсти клок, и то дай сюда. («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 200)

7. Но на свете, *как известно*, все кончается: бумаги уже несколько раз укладывались на полочке и так и этак, порядок, в котором они должны быть, строго обдуман, — остается затворить тумбу, поглядеть на нее с приятным чувством собственности — и заняться чем-нибудь другим. («У истока дней», 1906 г.) (II, 265)

Вводные, указывающие на логико-иерархическую структуру высказывания

1. В подземелье, до сводов заваленном докладами и отчетами, сидел в ту пору и я, ближайший сосед Фисуна, библиотекарь управы, тоже, *значит*, Харон в некотором роде. («Архивное дело», 1914 г.) (IV, 36)

2. Да чего не бывает! И, *значит*, пора подумать покрепче. Идти немедля в село, как сгоряча хотел Ермил, просить помощи против лихих людей у старосты, урядника, добыть капкан, вырыть яму — все это никуда не годилось, все это скоро стало казаться пустой затеей: надо было похитрее выдумать. («Ермил», 1912 г.) (III, 313)

3. Как вышла, *значит*, воля, он и говорит мне <...> («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 197)

4. Сняли мы, *значит*, у ней луга, сели, честь честью ¹¹⁵ ~~в~~ салат. («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 197)

5. Батенька-то, выходит, и слова дерзкого ему не сказал, а он, хоть и пастырь, а злой был, как самый обыкновенный серый мужик, и как, *значит*, услышал такие слова, так и побелел весь, слова не может сказать, а льни ноги под рясой трясутся. («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 198)

6. Как завизжит, да как кинется на батеньку, чтобы, *значит*, по голове палкой огреть! («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 198)

7. Надоел мне до смерти, а, понятно, прикидываюсь: и смеюсь, и ногой сижую-мотаю, — всячески, *значит*, разжигаю его... («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 200)

8. Я туда, сюда, никак не выдерусь от него, а он так жаром и обдает, так кровью и наливается, старается, *значит*, одолеть меня, поймать за лицо и поцеловать. («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 200)

9. Ну, хорошо, — это дело, *значит*, слава богу, вышло, начинаю другое обделывать, поглавнее, из-за какого я и билась пуще всего. («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 207)

10. Но, в таком случае, я, *значит*, не существовал до этой поры? («У истока дней», 1906 г.) (II, 273)

11. Потом туман сделался немного светлее, ровней и, *значит*, безнадежнее. («Туман», 1901 г.) (II, 204)

12. А может быть, оно уже есть у меня, раз я испытала известные чувства к Вам? Разве был, *например*, хоть один Ромео, который не требовал взаимности даже и без всяких оснований, или Отелло, который ревновал бы по праву? («Неизвестный друг», 1923 г.) (IV, 243)

13. Вот, *например*, ученье в школах — у нас и у немцев... («Последняя весна», 1916 г.) (IV, 153)

14. И как уже немало прошло этих дней и годов, то немало и сомнений закралось в мою душу. Я, *например*, всецело присоединился теперь к тому великому почтению, какое питал покойный Фисун к архивам. («Архивное дело», 1914 г.) (IV, 43)

15. Такова, *например*, была усадьба тетки Анны Герасимовны, жившей от Выселок верстах в двенадцати. («Антоновские яблоки», 1900 г.) (II, 162)

16. С кривой улыбкой я пишу газетным жаргоном о положении народной столовой и чайной, о полковых праздниках и дамском благотворительном кружке, о доме трудолюбия, где бедные старики и старухи, измученные и обездоленные жизнью, обречены под конец этой жизни выполнять идиотскую работу — трепать, *например*, мочало... («Без роду-племени», 1897 г.) (II, 148)

17. Я смеялся и над марксистами, и над народниками, говорил, что я мог бы стать общественным человеком только при исключительных условиях, — *например*, если бы настали дни настоящего ¹¹⁶общественного подъема, — или если бы я сам хоть немного был счастлив лично... («Без роду-племени», 1897 г.) (II, 152)

18. Тут объединяла их еще и ненависть к сторожам, которые и Лугового не очень-то жаловали, *а кроме того* — глубокая отчужденность архива от всех прочих отделений управы <...> («Архивное дело», 1914 г.) (IV, 380)

19. Был он, *кроме того*, очень неспор в движениях, потребных для приведения своего костюма в порядок. («Архивное дело», 1914 г.) (IV, 42)

20. Вы скажете, что я не имею никакого права на Ваше внимание и что, *следовательно*, ни обиде, ни боли не может быть места. («Неизвестный друг», 1923 г.) (IV, 243)

21. Зато я и не знаю ничего трогательнее тебя, когда ты, насладившись своим буйством, притихнешь, побродишь по комнатам и, *наконец*, подойдешь и сиротливо прижмешься к моему плечу! («Цифры», 1906 г.) (II, 255)

22. Погасал его блеск, закрывалось окошечко в голубое небо, а в саду становилось пустынно и скучно, и снова начинал сеять дождь... сперва тихо, осторожно, потом все гуще и, *наконец*, превращался в ливень с бурей и темнотою. («Антоновские яблоки», 1900 г.) (II, 164)

23. *Наконец*, уже совсем в темноте, вваливается ватага охотников в усадьбу какого-нибудь почти незнакомого холостяка-помещика и наполняет шумом весь двор («Антоновские яблоки», 1900 г.) (II, 166)

24. *Наконец*, у нее ничего нет и куда я возьму ее? («Без роду-племени», 1897 г.) (II, 151)

25. Сведенный ею с ума, чувствуя, что он плывет в город самого падишаха, стал он с болезненным восхищением вспоминать, как увозили туда его сына, представлять себе с непонятным восторгом, как убили его в Аравии... И свалился, *наконец*, потерял сознание... («Крик», 1911 г.) (III, 167)

26. *Наконец*, сотрясая зазвеневшие рельсы, загорелся в тумане своими огромными красными глазами пассажирский паровоз («Сны», 1903 г.) (II, 239)

27. И вот, *наконец*, чуть не поголовно всеми, ежегодно собиравшимися в ноябре в двухсветной зале нашей управы, овладели знаменитые «весенние мечтания». («Архивное дело», 1914 г.) (IV, 40)

28. А поднявшись, смешался с шумными, воедино слитыми в одну массу народными толпами, вольно стал бродить по коридору, по отделениям, по кабинетам — и узрел-таки, *наконец*, самого Златоуста нашего, самого Станкевича. («Архивное дело», 1914 г.) (IV, 41)

29. А *главное*, я не чувствую себя лишним но этот раз: я сыграл, как настоящий скрипач, одну вещь грустную, нежную, похожую на колыбельную песенку, а другую — бойкую, в темно мазурки, с резкими ударами смычка, — исполнил все, что полагается, и был одобрен... («Без роду-племени», 1897 г.) (II, 148)

30. И вот я внезапно почувствовал это и очнулся от книжного наваждения, отбросил книгу в солому и с удивлением и с радостью, какими-то новыми глазами смотрю кругом, остро вижу, слышу, обоняю, — *главное*, чувствую что-то необыкновенно простое и в то же время необыкновенно сложное, то глубокое, чудесное, невыразимое, что есть в жизни и во мне самом и о чем никогда не пишут как следует в книгах («Книга», 1924 г.) (IV, 330)

31. Но, *во-первых*, до нее не дотянешься, если даже приставить к окну стул, а *во-вторых*, из щели в углу может выбежать на высоких тонких ножках большой серый паук («У истока дней», 1906 г.) (II, 265)

3. Субъект сознания - персонаж

3.1. НПР

Выразители категорической достоверности:

1. Да выпросил, вымолил в долг мужик, у которого она стояла на квартире, поклялся на церковь, что отдаст — и, *конечно*, не отдал, даже

прямо сказал: так и знай, не отдам, и не шатайся... («Худая трава», 1913 г.) (III, 388)

Субъект ментального действия оценивает действие другого персонажа как ожидаемое, неизбежное. Вводная конструкция характеризует его мнение о другом персонаже.

2. Бредет он не спеша: время неопределенное, ни дневное, ни вечернее — в такую пору делать нечего, думать не хочется, да неопределенна и погода: зашло солнце за облачко — не жарко и в полушубке, хотя, *конечно, можно было и не надевать его...* («Иоанн Рыдалец», 1913 г.) (III, 379)

Вводная конструкция употребляется в контексте размышлений персонажа. Субъект ментального действия выражает уверенность в оценке возможности действия.

3. В селе же Грешном вот что про него рассказывают. <...> Ну, *конечно, навалились всем миром-собором*, связали, повезли, а навстречу отец идет: пришел, говорит, от обедни, вижу, сына нету, а видать, чей-то пеший след пробит за гумна, за овины; пошел я, говорит, по этому следу; вижу, лапти новые, а след от одной ноги до другой — боле трех сажен... («Иоанн Рыдалец», 1913 г.) (III, 381)

Вводная конструкция выражает уверенность говорящего в неизбежности, естественности случившегося. Субъект ментального действия оценивает действие как типичное для данной ситуации. 118

4. А это значит, что будут они сидеть сперва в вонючей пивной, среди краснолицых немцев, — людей тупых, дельных, работающих с утра до вечера с тою целью, *конечно, чтобы пить, есть, снова работать и плодить себе подобных*, — потом пойдут в кофейню, битком набитую греками и евреями, вся жизнь которых, тоже бессмысленная, но очень тревожная, поглощена непрерывным ожиданием биржевых слухов, а из кофейни отправятся в ресторан, куда стекается всякое человеческое отребье, — и просидят там до поздней ночи... («Сны Чанга», 1916 г.) (IV, 114)

Вводная конструкция употребляется передаче мнения персонажа о других персонажах, выражает уверенность субъекта ментального действия в своем объяснении причин их поведения.

5. Скоро, скоро станет она невестой, будут приезжать сваты к отцу, узаконится ее право любить и выбирать... хотя, *конечно, никогда, ни за кого на свете не выйдет она...* («При дороге», 1913 г.) (III, 432)

Вводная конструкция выражает уверенность персонажа в своем предположении о будущем. Субъект ментального действия оценивает свое предполагаемое будущее как неизбежное.

6. *Конечно, стар, худ, выветрился*, — рот стянутый, пересохший дочерна, нос как кость, шея вся в трещинах, клетчатая, точно пробковая, — но бодр еще. («Весенний вечер», 1914 г.) (III, 488)

Субъект ментального действия оценивает сообщаемое как естественное для ситуации. Вводная конструкция выражает согласие говорящего со своей характеристикой. Значение отвергаемого предположения.

7. Райские яблочки и черти в неугасимом пламени, *конечно, вздор...* («Белая лошадь», 1907 – 1929 гг.) (II, 276)

Субъект ментального действия выражает уверенность в своем мнении в контексте своих размышлений.

8. А что-то теперь поделявает премилая сова? Какая сова? Ковалев хорошо знает, какая сова! Лет двадцать пять тому назад он подстрелил сову и где-то на ночлеге сказал эту фразу, но фраза эта почему-то не забылась и, как десятки других, повторяется Яковом Петровичем. Сама по себе она, *конечно, не имеет смысла*, но от долгого употребления стала смешной и, как другие, подобные ей, влечет за собой много воспоминаний («В поле», 1895 г.) (II, 97)

Субъект ментального действия выражает свое согласие с возможным недоумением стороннего наблюдателя.

9. Не нашла — и догадалась: отогнула дужку замка, — она *конечно, был не заперт*, — и потянула за скобку, перешагнула высокий порог... («Веселый двор», 1911 г.) (III, 254)

Субъект ментального действия выражает уверенность в своем предположении, оценивает свое сбывшееся предположение как неизбежное.

10. Черные катышечки в пахучем желтом порошке, *конечно, не помогли*, — только палили изжогой («Худая трава», 1913 г.) (III, 395)

Субъект ментального действия выражает уверенность в своем предположении, оценивает сбывшееся предположение как неизбежное.

11. Существовать на том свете и в теперешнем виде он, *конечно, не будет* («Белая лошадь», 1907 – 1929 гг.) (II, 276)

Субъект ментального действия выражает уверенность в своем предположении, оценивает его как неизбежное.

12. Если скоро умрешь, *думать тут, конечно, нечего* («Худая трава», 1913 г.) (III, 386)

Субъект ментального действия в контексте размышления оценивает позицию как естественную для ситуации.

Выразители проблематической достоверности

1. Положим, не был дома уже две недели, устал как собака, дел переделал кучу... **Может быть, от водки?** Но много ли было выпито? («Белая лошадь», 1907 – 1929 гг.) (II, 275)

Вводная конструкция выражает предположение персонажа о причинах своего поведения, употребляется при рефлексии.

2. Но морозный ветер захватывает ему дыхание, слепит снегом, и мгновенно пропадает огонек, который, **казалось, мелькнул сквозь вьюгу.** («Сосны», 1901 г.) (II, 187)

Рассказчик описывает состояние воображаемого путника. *Казалось* относится к зрительному восприятию персонажа, передает его неуверенность.

3. В рог бы потрубить... на всякий случай... **Может быть, Судак едет.** Ведь замерзнуть-то недолго («В поле», 1895 г.) (II, 99)

Субъект ментального действия выражает предположение о происходящем, объясняющее причину его намерения.

4. Ему так холодно, что у него стынет кончик носа, но он всё еще надеется, что как-нибудь «обойдется»... **может быть, Судак подъедет...** («В поле», 1895 г.) (II, 95)

Субъект ментального действия выражает предположение о том, что произойдет в будущем, объясняющее его надежду. 120

5. Но каковы были эти попы, похожи ли на теперешних, этого Таганок не умеет рассказать. Но, **может быть, он хорошо помнит господ, князей Козельских, и о них расскажет что-нибудь путное?** - Помнить-то помнит... («Древний человек», 1911 г.) (III, 184)

Субъект ментального действия выражает предположение о знаниях другого персонажа, скрытый диалог.

6. Дело, говорит он, не в одном внешнем сходстве... да он даже и не сходство, собственно, имел в виду, а скорее свои ощущения... **может быть, эти ощущения шатки, болезненны,** ну, да это уж другой вопрос... («Соотечественник», 1916 г.) (IV, 137)

Субъект ментального действия выражает согласие в предполагаемой характеристике своих ощущений при рефлексии.

7. Так вот чем питалась та одинокая душа, что навсегда затворилась от мира в этой камерке и еще так недавно ушла из нее... Но, **может быть, она, эта душа, и впрямь не совсем была безумна?** («Грамматика любви», 1915 г.) (IV, 50)

Субъект ментального действия выражает предположение о характере другого персонажа.

8. И слышались несмелые предположения, что, *может быть*, с этим-то поездом их и отправят. («На чужой стороне», 1892 г.) (II, 30)

Вводная конструкция выражает предположение персонажей о будущем.

9. Лежа с закрытыми глазами, дед все думал о своей старости. Теперь небось Андрей крепко спит под телегою. Деду же, *может быть*, до самой смерти не придется больше заснуть в поле («Кастрюк», 1892 г.) (II, 24)

Субъект ментального действия выражает предположение о своем будущем. Вводная конструкция маркирует обстоятельство времени как подчеркивающее драматизм предположения персонажа.

10. Все благополучно, все слава богу, но чего-то недостает... *людей, может быть, жилья, приятеля...* («Белая лошадь», 1907 – 1929 гг.) (II, 276)

Вводная конструкция выражает предположение персонажа, маркирует компоненты ряда в контексте рефлексии субъекта ментального действия.

11. И город этот показался ему каким-то особенным, заповедный городом, и мысль о том, что она так и будет жить в нем своей одинокой жизнью, *часто, может быть, вспоминая его*, вспоминая их случайную, такую мимолетную встречу, а он уже никогда не увидит ее, мысль эта изумила и поразила его («Солнечный удар», 1925 г.) (IV, 384)

Вводная конструкция употребляется в контексте размышлений персонажа, маркирует обособленное обстоятельство, ¹²¹*выражая* предположение субъекта ментального действия о важном для него действии другого персонажа.

12. Дочь, однако, не ехала — *верно, не пускала погода* («Худая трава», 1913 г.) (III, 390)

Субъект ментального действия выражает предположение о причинах поведения другого персонажа.

13. *Верно, и его, — не хуже Шаши, — били где-то*: весь платок его, ухо, шея и плечо в засохшей крови («Я все молчу», 1913 г.) (III, 473)

Субъект ментального действия выражает предположение о произошедшем с другим персонажем, объясняющее его внешний вид.

14. Что это значило? *Верно, он ждал какой-то удобной минуты и надеялся*, что теперь уже не даст промаху. И Парашка горько усмехалась: вот дурак! («При дороге», 1913 г.) (III, 440)

Субъект ментального действия выражает предположение о причинах поведения другого персонажа.

15. Никто не отзывается — в шалаше пусто. *Верно, Таганок в избе*. И Григорий уходит искать его («Древний человек», 1911 г.) (III, 181)

Субъект ментального действия выражает предположение о местонахождении другого персонажа, объясняющее его отсутствие.

16. *Верно, он знал*, что Примо устроили сегодня вечер с толстовцем, знал, что за каждым его движением будут следить, будут оглядывать его одежду, и потому надел чистую рубашку, умылся, причесал бороду и густые русые волосы, подстриженные в скобку. («На даче», 1895 г.) (II, 124)

Вводная конструкция выражает предположение персонажей о причине поведения другого персонажа.

17. А старик, *верно*, заметивший это, сказал ей на прощанье странные слова («При дороге», 1913 г.) (III, 427)

Субъект ментального действия выражает предположение о ментальном действии персонажа, объясняющее причину его поведения.

18. Студент сбежал к мосту, - он все кашлял. По вытянутой шее и склоненной голове, по тому, как он отставил костыль, опершись на него обеими руками, видно было, что кашель затяжной, мучительный. Но, должно быть, притворный: *верно*, что был дурачок, бродяга по святым местам, и, *верно*, он заметил барина («Птицы небесные», 1909 г.) (II, 299)

Субъект ментального действия выражает предположение о ментальном действии другого персонажа, объясняющее его поведение.

19. Тогда тяжело поднял голову этот здоровый оборванный¹²² *степняк*, — перед ним зеленел полштоф, — и, прищурившись, уставился на своего скромного собутыльника. *Может*, он и притворялся малость; но все же лицо его воспалено было, глаза пьяны, налиты мутным блеском хмеля, пересмягшие губы полураскрыты, точно в жару («Весенний вечер», 1914 г.) (III, 490)

Субъект ментального действия выражает предположение о действиях другого персонажа, объясняющее его состояние. Значение отвергаемого предположения.

20. Но только дрогнуло его лицо. *Может*, его пугал и беспокоил этот свет, эта черная дрожащая тьма, напоминающая церковь? И старуха, думая, что до конца еще далеко, тихо вынула свечу из рук Аверкия и, дунув на нее, села возле него («Худая трава», 1913 г.) (III, 400)

Субъект ментального действия выражает предположение об эмоциональном состоянии другого персонажа, о причинах его действия.

21. Александре Васильевне порою казалось, что была в ее жизни большая любовь: что схоронила она ее в своей душе, что судьба обошла ее и заставила быть покорной другому, нелюбимому, велела идти разными дорогами с любимым и искать отрады лишь в покорности. Но, *может*, не о. *Кира любила она, а только свою девичью косу, свой мордовский взгляд, свою*

недолгую беззаботность в то далекое лето? («Чаша жизни», 1913 г.) (III, 453)

Субъект ментального действия выражает предположение о своих переживаниях в контексте рефлексии.

22. Но он ел пристально: и потому, что уж так полагается в праздник, и потому, что еда могла, как думал он, помочь ему, и потому, что жалко было не есть: вот он заболел, с места, должно, сойдет, дома же не только сладких харчей, а *может*, и хлеба *не будет*. («Худая трава», 1913 г.) (III, 385)

Вводная конструкция употребляется при выражении опасения персонажа и маркирует компонент ряда, подчеркивая драматизм ситуации, которую представляет себе персонаж.

23. Проснулась, когда уж обеднялось — и болезненно обрадовалась дню, тому, что она жива, что идет в Ланское, начинает какую-то новую, *может*, *хорошую* жизнь... («Веселый двор», 1911 г.) (III, 249)

Вводная конструкция выражает надежду персонажа, маркирует компонент ряда, показывая неуверенность субъекта ментального действия в том, что его будущее будет хорошим.

24. На загнетке раскрытой печки, на куче золы лежала сковородка с присохшими к ней корочками яичницы: *видно*, *Егор из птичьих яиц делал*, - скорлупа-то возле сковородки валялась пестрая («Веселый двор», 1911 г.) (III, 255)

Субъект ментального действия выражает предположение о действиях другого персонажа, объясняющее увиденный результат.

25. Тогда тяжело поднял голову этот здоровый оборванный степняк, — перед ним зеленел полштоф, — и, прищурившись, уставился на своего скромного собутыльника, *Может*, он и притворялся малость; но все же лицо его воспалено было, глаза пьяны, налиты мутным блеском хмеля, пересмягшие губы полураскрыты, точно в жару: *видно*, *уж не первый день пил он*. («Весенний вечер», 1914 г.) (III, 490)

Субъект ментального действия выражает предположение о действиях другого персонажа, объясняющее его состояние.

26. Вечер был ясный, покойный, равнины спелых ржей за блестящей в вечернем свете муравой по большой дороге розово желтели, черные стрельчатые касатки, мелькая розовыми юными грудками, проносились мимо открытого окна, у которого сидела Парашка. Вдруг на опушке хлебов, во ржи за дорогой, выросла короткая фигурка Никанора: он, *видно*, *давно сидел в хлебах*, *прятался* и вдруг встал, выпрямился. Она в ужасе отшатнулась от окна («При дороге», 1913 г.) (III, 442)

Субъект ментального действия выражает предположение о действиях другого персонажа, объясняющее его появление.

27. В тазу ныло и дрожало, сердце так замирало, что, *казалось*, поминутно виснет она в воздухе, что нет у нее ног, есть только туловище, как у того страшного солдата, что чернеет на избе в Пажени («Веселый двор», 1911 г.) (III, 255)

Вводная конструкция употребляется при описании эмоционального состояния персонажа, субъекта восприятия.

28. Было звездно, свежо, металлически пахло землей. Совсем трезвый, он шел так быстро и так легко, что, *казалось*, можно было еще сто верст пройти («Весенний вечер», 1914 г.) (III, 496)

Вводная конструкция употребляется при описании состояния персонажа. Субъект восприятия выражает предположение о своих возможностях.

29. Горячо, должно быть, было и в Аравии, близко проходившей справа своим золотым побережьем и своими черно-коричневыми горами, своими пиками, похожими на горы мертвой планеты, тоже глубоко засыпанными сухим золотом, — всей своей песчано-гористой пустыней, видной необыкновенно четко, так, что, *казалось*, туда можно перепрыгнуть. («Сны Чанга», 1916 г.) (IV, 111)

Субъект восприятия выражает предположение при характеристике наблюдаемого.

124

30. Она вспоминала, как любила, ждала кого-то — и любовь эта возвращалась, и она не могла найти себе места от тоски по прошлому, от жалости к себе, от нежности к тому, кого она, *казалось*, так долго любила («При дороге», 1913 г.) (III, 441)

Вводная конструкция употребляется при описании эмоционального состояния персонажа в контексте рефлексии.

31. Он поднял кверху старческие грустные глаза и долго смотрел в небо. И от этой глубины, мягкой темноты звездной бесконечности ему стало легче. "Ну, так что же! Тихо прожил, тихо и умру, как в свое время высохнет и свалится лист вот с этого кустика..." Очертания полей едва-едва обозначались теперь в ночном сумраке. Сумрак стал гуще, и звезды, *казалось*, сияли выше. Отчетливее слышался редкий крик перепелов. Свежее пахло травой... Он легко, свободно вздохнул полной грудью. Как живо чувствовал он свое кронное родство с этой безмолвной природой! («На хуторе», 1892 г.) (II, 37)

Субъект зрительного восприятия. Вводная конструкция употребляется при описании восприятия персонажа.

32. Бежали минуты за минутами, все гуще сеял кто-то ночную мусть в избе, и ни звука не слышно было за дверью. Но Парашка, *казалось*, все видела, все слышала... («При дороге», 1913 г.) (III, 431)

Вводная конструкция передает восприятие персонажа, противоречащее «объективному» описанию.

33. Она, *казалось*, все глядела туда, где горизонт терялся в меланхолической дымке, а хлеба со степи все ближе подступали к ней; двор зарос высокой травой; старые серые жернова, как могильные камни, уходили в землю и скрывались в глухой крапиве; голуби покинули крыши («На даче», 1895 г.) (II, 110)

Вводная конструкция употребляется субъектом восприятия при описании неодушевленного предмета, подчеркивает обусловленность олицетворения восприятием персонажа.

33 Где-то на том боку, тепло и ласково освещенном в упор низким солнцем, — где-то, *как казалось*, очень далеко, — плакал ребенок, заблудившийся за какой-нибудь ригой или амбаром, и мило было слушать по заре его жалобный однообразный плач... («Весенний вечер», 1914 г.) (III, 487)

Субъект восприятия – персонаж. Восприятие персонажем звука, неуверенное предположение о дальности его источника.

34 *Горячо, должно быть*, было и в Аравии, близко проходившей справа своим золотым побережьем и своими черно-коричневыми горами, своими пиками, похожими на горы мертвой планеты, тоже глубоко засыпанными сухим золотом, — всей своей песчано-гористой пустыней, видной необыкновенно четко, так, что, казалось, туда можно перепрыгнуть.¹²⁵ («Сны Чанга», 1916 г.) (IV, 111)

Субъект ментального действия выражает предположение о состоянии в другом месте.

35 Но он ел пристально: и потому, что уж так полагается в праздник, и потому, что еда могла, как думал он, помочь ему, и потому, что жалко было не есть: вот он заболел, с места, *должно*, сойдет, дома же не только сладких харчей, а может, и хлеба не будет («Худая трава», 1913 г.) (III, 385)

Субъект ментального действия выражает предположение о своем будущем.

36 Студент сбежал к мосту, - он все кашлял. По вытянутой шее и склоненной голове, по тому, как он отставил костыль, опершись на него обеими руками, видно было, что кашель затяжной, мучительный. Но, *должно быть, притворный*: верно, что был дурачок, бродяга по святым местам, и, верно, он заметил барина. («Птицы небесные», 1909 г.) (II, 299)

Субъект ментального действия выражает предположение об истинном характере действия другого персонажа.

37 Морщась, Гриша отворил дверь в другую комнату. Тут было очень светло от солнца, совершенно пусто и пахло закромом. По полу когда-то прошелся широкими полукругами веник, но не закончил

своего дела, и мучная пыль белела в углах и на карнизах. У одного окна, на котором грудями лежали литографированные тетрадки, учебник «Эсперанто», изречения Эпиктета, Марка Аврелия и Паскаля, стоял стул. На нем Каменский, *должно быть, отдыхал и читал* («На даче», 1895 г.) (II, 112)

Субъект ментального действия выражает предположение о назначении предмета, объясняющее его местонахождение.

38 Уехала — и теперь уже далеко, *сидит, вероятно, в стеклянном белом салоне или на палубе и смотрит на огромную, блестящую под солнцем реку, на встречные плоты, на желтые отмели, на сияющую даль воды и неба, на весь этот безмерный волжский простор...* («Солнечный удар», 1925 г.) (IV, 384)

Субъект ментального действия выражает предположение о действиях другого персонажа.

39 После чая он лежал на кровати и с глухой яростью придумывал самые оскорбительные фразы, *которые, вероятно, посыпались по его адресу, как только он вышел, в доме Линтварева.* («Учитель», 1894 г.) (II, 83)

Субъект ментального действия выражает предположение о действиях других персонажей.

40 И блаженно и страшно замерло сердце при мысли, как, *вероятно, крепка и смугла* она вся под этим легким холстинковым платьем ~~после~~ ^{целого} месяца лежания под южным солнцем, на горячем морском песке (она сказала, что едет из Анапы). («Солнечный удар», 1925 г.) (IV, 382)

Субъект ментального действия выражает предположение о качествах того, чего не видит, визуализация мысли (внешность другого персонажа).

41 Она, *вероятно, как стальная*, пружинила, извивалась, шуршала и стучала в крышку («Братья», 1914 г.) (IV, 21)

Субъект ментального действия употребляет вводную конструкцию при сравнении, маркирует его, выражая предположение о качестве предмета.

42 А то, *пожалуй, опять придется сидеть где-нибудь в томительном ожидании, запивать сухой хлеб теплой водой из вокзальной кадки* («На чужой стороне», 1892 г.) (II, 30)

Вводная конструкция выражает предположение персонажей о том, что может с ними произойти.

43 Был он порядочно выпивши, и, как всегда во хмелю, жадно искала душа его подвига - все равно, доброго или злого... даже, *пожалуй, скорей доброго*, чем злого («Захар Воробьев», 1912 г.) (III, 305)

Субъект ментального действия выражает предположительность намерения в процессе размышления персонажа.

44 А что-то теперь поделывает премилая сова? Какая сова? Ковалев хорошо знает, какая сова! Лет двадцать пять тому назад он подстрелил сову и где-то на ночлеге сказал эту фразу, но фраза эта почему-то не забылась и, как десятки других, повторяется Яковом Петровичем. Сама по себе она, конечно, не имеет смысла, но от долгого употребления стала смешной и, как другие, подобные ей, влечет за собой много воспоминаний. *Очевидно, Яков Петрович совсем повеселел и приступает к мирным разговорам о былом.* И Ковалев слушает с задумчивой улыбкой («В поле», 1895 г.) (II, 97)

Субъект ментального действия высказывает предположение об эмоциональном состоянии другого персонажа, объясняющее его поведение (вопрос).

45 Грише очень хотелось уйти с ней на качели в сад, но он знал, что будет спор, так как заметил, с какой порывистой приветливостью пожал руку Каменского Игнатий: *очевидно, рад новому человеку, с которым можно сцепиться* («На даче», 1895 г.) (II, 124)

Субъект ментального действия выражает предположение об эмоциональном состоянии другого персонажа, объясняющее его поведение.

46 *Очевидно, Каменский сейчас будет обедать и пригласит его...* и выйдет неловкость, неприятность, которая испортит все настроение («На даче», 1895 г.) (II, 115)

127

Субъект ментального действия выражает предположение о будущих действиях другого персонажа.

47 Перед вечером, когда он подходил к селу, над селом прошумел не долгий, но сильный ливень, *как видно, не первый за день* («Веселый двор», 1911 г.) (III, 260)

Вводная конструкция выражает предположение говорящего о прошедшем, основанное на наблюдении, маркирует обособленное определение в контексте описания пейзажа. Указывает на неважную деталь, которую подмечает персонаж.

48 Слез и по стене, стараясь не наступать на одну, *видно, больную ногу*, дошел до скамейки возле стола. («Игнат», 1912 г.) (III, 285)

Субъект ментального действия (Игнат) выражает предположение о состоянии персонажа, объясняющее причину его поведения.

49. Потом послышался хруст, — *видно, он выдирал камень из фундамента.* («Весенний вечер», 1914 г.) (III, 495)

Субъект ментального действия (нищий) выражает предположение о причине услышанного звука.

Выразители эмоциональной оценки

1. Можно ли достать на Капри хотя бы простой готовый гроб, спрашивает мадам? *К сожалению, нет*, ни в каком случае, а сделать никто не успеет. («Господин из Сан-Франциско», 1915) (IV, 66)

Скрытый диалог, субъект сознания употребляет *к сожалению* с целью вежливого отказа, этикетная функция.

2. Целую неделю, до самой Тихвинской, Устин, *как нарочно, сидел дома*. Приходила Евгения - жаловаться на своего солдата, оказавшегося после службы совсем дураком и пьяницей, и на свою хромую свекровь, злую и распутную, помывавшую свекром. Но Парашка не слушала ее. Она уже ничего не думала, ничего не чувствовала - тупость, какая-то обреченность владели ею. («При дороге», 1913 г.) (III, 443)

Субъект сознания эмоционально реагирует на действия персонажа, которые препятствуют осуществлению его планов.

Характеристика обыденности явления

1. Остановились, *как всегда, на Острожной улице*, на той, что напрямиком вводит в город между острогом и монастырём. («Подторжье», 1909 г.) (II, 305)

Субъект ментального действия оценивает выбор места как неизменный.

2. А когда въехали в город и опять потемнело, опять пошел сильный дождь и стал гроыхать гром, *да еще страшней, раскатистей, как ¹²⁸всегда на рассвете да еще над камнем, над городом*, она, накрывшись кожей, спала уже сидя, но, хотя и спала, все видела, как неживая, — видела предрассветные бледно-фиолетовые молнии, освещавшие черные крыши домов, на которых младенчески кричали от страха кошки, высокую колокольню, мелькавшую своей белизной при молниях, галок, кружившихся над крестом, а потом улицу, выходящую в поле, какие-то заборы и шумящие за ними липы. («Клаша», 1914 г.) (IV, 31)

Субъект ментального действия оценивает характеристику действия, отражающую его восприятие как неизменную при названных обстоятельствах.

3. И, *как всегда в хороший вечер, с площади, из окон сидельца винной лавки, неслись резкие, ухабистые басы и альты аристона — звуки краковяка*. («Белая лошадь», 1907 – 1929 гг.) (II, 285)

Субъект ментального действия оценивает происходящее как неизменное и обыденное для описываемой ситуации.

4. И землемер с певучей грустью смотрел на сероватые поля, над которыми уже реял чуть серебристый и, *как всегда в засуху, рассеянный лунный свет*. («Белая лошадь», 1907 – 1929 гг.) (II, 275)

Субъект ментального действия оценивает описание наблюдаемого явления как неизменное, обыденное для ситуации.

5. Лежа с закрытыми глазами, дед все думал о своей старости. Теперь небось Андрей крепко спит под телегою Деду же, может быть, до самой смерти не придется больше заснуть в поле. В рабочую пору он будет проводить долгие знойные дни наедине с внучкою... А ведь было время - лучше его не косил никто во всей округе. **Бывало**, когда всей деревней косили у барина, *он всех вел за собою*. («Кастрюк», 1892 г.) (II, 24)

Субъект ментального действия оценивает свое действие как нерегулярно происходившее в прошлом в контексте воспоминания.

Вводные, указывающие на источник информации

1. Вон, **говорят**, он теперь отвесное получает; а ведь при отвесном и она прокормится, — авось не объест, много ль ей и надо-то... («Веселый двор», 1911 г.) (III, 248)

2. И Капитон Иваныч сам усмехнулся на такой скачок своих мыслей... Но и это уже давно было. И вот приходишь до такой поры, в которой, **говорят**, все кончается; семьдесят, восемьдесят лет... а дальше уже и считать не принято! («На хуторе», 1892 г.) (II, 37)

3. Всех этих людей гимназист, как он думал, хорошо узнал за лето, ко всем по-разному привязался, — даже и к Ивану, издевавшемуся над ним, — у всех тому или другому учился, воспринимая их говор, совершено, **как оказалось**, не похожий на говор мужиков книжных <...> («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 229)

4. Он опять начал с того, что нужно в жизни. Современный человек, говорил он, отличается тем, что умеет становиться на всевозможные точки зрения и ни одной не признавать безусловно справедливой, ни одной не увлекаться сердечно. Жизнь стала слишком сложна, и сложная общественная организация парализует нашу волю и растягивает нас в разные стороны. Мы одурманили себя ненужными делами, мы загипнотизированы книгами и разучились говорить языком сердца. Мы слишком заняты, **по словам Лаодзи и Амиеля**, слишком много читаем пустого и бесплодного, когда надо стараться упрощать жизнь, стараться быть искренним, вникающим в свою душу, когда нужно отдаться богу, служить только ему, остальное же все приложится. («На даче», 1895 г.) (II, 133)

Вводные, указывающие на логико-иерархическую структуру высказывания

1. И Александра Васильевна горько заплакала: боже мой, как, **значит**, ослабел о. Кир! («Чаша жизни», 1913 г.) (III, 462)

2. А Егор, обрадовавшись, что у кузнеца есть табак, что кузнец с похмелья и думает, **значит**, вовсе не о генералах, поглядывал по сторонам, кашлял и ждал, когда наконец додумает кузнец свою думу. («Веселый двор», 1911 г.) (III, 268)

3. Зачем это самоистязание? Он смотрел на бревенчатые стены, на нищенское ложе, стараясь понять душу того странного человека, который одиноко спал на нем. Были, **значит**, и у него другие дни, был и он когда-то другим человеком... («На даче», 1895 г.) (II, 111 – 112)

4. Можно ли достать на Капри хотя бы простой готовый гроб, спрашивает мадам? К сожалению, нет, ни в каком случае, а сделать никто не успеет. Придется поступить как-нибудь иначе... Содовую английскую воду, **например**, он получает в больших и длинных ящиках... перегородки из такого ящика можно вынуть... («Господин из Сан-Франциско», 1915) (IV, 66 – 67)

5. С тоскою махнул рукой Аверкий и на все свои знания, на все свои способности умственные. "Ведь вот какое чудо! - думал он. - Жил, жил, а ничего не помню, ничего не понимаю..." Говорят, **например**, что родился он вот там-то и тогда-то. А что это значит - родился? («Худая трава», 1913 г.) (III, 397)

6. Так сблизился он на своем веку и с многими другими людьми. Но и их забыл - вот как сны, **например**, разве мало видел он снов, а попробуй-ка вспомни их! («Худая трава», 1913 г.) (III, 397)

7. И, сидя возле кузни, поставив локти на колени, думал кузнец о том, как глупы были наши генералы во время войны с японцами. Вот, **например**, в такой вечер... что стоило японцам вплотную подойти к нашим войскам? («Веселый двор», 1911 г.) (III, 268)

8. И опять нищий покорно подал чашку. Потом стал отвор¹²⁰ить окно. Новое, оно забухло и долго не подавалось. **Наконец**, подалось, распахнулось. Свежо, хорошо запахло полем. («Весенний вечер», 1914 г.) (III, 494)

9. Но Судака нет с самого утра. А это влечет за собой то, что предпраздничный вечер пройдет вовсе не так, как думалось, и, **главное**, придется самим идти за соломой в омет; от вчерашнего дня соломы осталось в сенцах чуть. И Яков Петрович раздражается, и все начинает рисоваться ему в мрачных красках. В поле, с. 93

10. О чем бы она ни заводила речь, он сводил на то, кто у кого живет в работниках и, **главное**, сколько жалованья берет. («При дороге», 1913 г.) (III, 433)

11. Яков Петрович вздергивает плечами; он начинает раздражаться... Так было все хорошо складывалось... <...> И старики были веселы и долго обсуждали, что купить. **В конце концов**, развели в чашке сажи из печки, заострили спичку и жирными, крупными буквами написали в село лавочнику <...> («В поле», 1895 г.) (II, 93)

12. Для такой уверенности у него был тот довод, что, **во-первых**, он был богат, а **во-вторых**, только что приступал к жизни, несмотря на свои пятьдесят восемь лет («Господин из Сан-Франциско», 1915) (IV, 53)

13. Он опять стал рассказывать Чангу о том, что он везет его в Одессу, на Елисаветинскую улицу, что на Елисаветинской улице есть у него, у капитана, **во-первых**, квартира, **во-вторых**, красавица-жена и, **в-третьих**,

чудесная дочка, и что он, капитан, все-таки очень счастливый человек. («Сны Чанга», 1916 г.) (IV, 113)

3.2. Косвенная речь

Выразители проблематической достоверности

1. Думала порой Анисья, в самое сердце пораженная вестью об его уходе, что, *может быть, ради ее печного голода, ради хорошего заработка, с затаенною целью поправить свою жизнь* ушел Егор («Веселый двор», 1911 г.) (III, 247)

Субъект ментального действия выражает предположение о причинах поступка другого персонажа.

2. Ивлев сказал, что хочет посмотреть и, *может быть, купить библиотеку*, которая, как говорила графиня, осталась от покойного, и молодой человек, густо покраснев, тотчас повел его в дом («Грамматика любви», 1915 г.) (IV, 48)

Вводная конструкция выражает предположительный характер действия персонажа. Субъект речи указывает на предположительность своего намерения.

3. И затем горячо начинает уверять, что «вся сила в том», что он уже видел, чувствовал индийские тропики, *может быть, тысячи лет тому назад*, — глазами и душой своего бесконечно дальнего ¹³¹предка... («Соотечественник», 1916 г.) (IV, 137)

Субъект ментального действия указывает на предположительный характер незначительной для него детали. Вводная конструкция маркирует обстоятельство времени как предположительное и незначительное для персонажа.

4. Игнатия мало интересовала закуска, и он думал, что, *пожалуй, вышло неловко* это всеобщее нападение на Каменского. («На даче», 1895 г.) (II, 126)

Субъект ментального действия выражает свое мнение о произошедшем. Оценка произошедшего события дается в процессе размышления.

5. По дороге он, между прочим, думал, что, выучившись, он сам сделает себе идеальные шары и молотки для крокета, да, *пожалуй, и всю мебель для своей комнаты...* («На даче», 1895 г.) (II, 109)

Вводная конструкция выражает намерение персонажа, маркирует компонент ряда, который обобщает остальные, в контексте размышлений персонажа.

3.3. Прямая речь

Выразители категорической достоверности

1. - Да, да, тут, - поспешил ответить молодой человек. - То есть, *конечно, не тут...* они ведь больше всего в спальне сидели... но, *конечно, и тут бывали...* («Грамматика любви», 1915 г.) (IV, 48)

Субъект ментального действия находится в замешательстве, выражает уверенность в двух противоречащих друг другу фактах.

2. - Я в одной папиной книге,- у него много старинных смешных книг, - прочла, какая красота должна быть у женщины... Там, понимаешь, столько насказано, что всего не упомнишь: ну, *конечно, черные, кипящие смолой глаза*, - ей-богу, так и написано: кипящие смолой! («Легкое дыхание», 1916 г.) (IV, 98)

Субъект ментального действия иронизирует, выражает уверенность в естественности характеристики для источника.

3. — А что ж, не больна? *Конечно, больна*. Того гляди, околею. («Последняя весна», 1916 г.) (IV, 156)

Субъект ментального действия выражает уверенность в своем состоянии.

4. Ай неправду говорю? — *Конечно, неправду*. — Ну, ну, молчи уж. («Последняя весна», 1916 г.) (IV, 156)

Реакция на слова собеседника. Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности своей характеристики. 132

5. *Приедете, конечно, к царю и скажете*: «Погляди, государь, где твоя держава теперь? <...>». («Последняя осень», 1916 г.) (IV, 165)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности действий в будущем.

6. «Тела наши, господин, различны, но сердце, *конечно, одно*», — сказал Ананда Возвышенному, и, значит, можно представить себе, что должен думать или чувствовать юноша, выросший в райских лесах под Коломбо и уже вкусивший самой сильной отравы — любви к женщине, уже вмешавшейся в жизнь, быстро бегущую за радостями или убегающую от печалей. («Братья», 1914 г.) (IV, 14)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности сообщаемого факта.

7. Была же она, например, все-таки не настоящая госпожа и называлась промеж господ Адель, а брала, *конечно, с кого попало*, и с пьяного и с трезвого, даже, может, не побрезгала бы приказным творением, будь у того средства. («Святые», 1914 г.) (III, 479)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности действий персонажа.

8. — Они, докладывая вам, умереть решились, и, *конечно, молодой граф тотчас же скончались*, а ее этот яд не мог взять, ей вскорости полегчало, и осталась она еще жить на белом свете, чтобы, например, пострадать и награду получить за свою первую и последнюю любовь... («Святые», 1914 г.) (III, 480)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности произошедшего.

9. Мужское дело, *конечно, иное...* мужчина может, и любя свой предмет, прельщаться на других, а уж женщина нет, никогда себе этого не позволит, она, может, оттого и грех делает, что не нашла себе достойного... («Святые», 1914 г.) (III, 480)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности характеристики.

10. Она, *конечно, даже в лице изменилась*, исхудела, стала еще прекраснее прежнего и совсем отвратилась, например, от бездушной светской жизни, стала negliжировать своими обязанностями и уж ни за какие блага в мире не соглашалась предать свое тело, полюбивши одного до гробовой доски. («Святые», 1914 г.) (III, 480)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности произошедшего с персонажем (следствие из описанных событий).

133

11. Взяла она, значит, с собой лишь этот узелок да, *например*, материно благословение, образ Николая-угодника в серебряной вызолоченной ризе, идет по межам куда глаза глядят и плачет горькими слезьми, не хуже меня такого-то — *конечно, уж от радости*, что вырвалась, значит, на волю, под голубые небеса, и доходит до большого стада. («Святые», 1914 г.) (III, 481)

Субъект ментального действия выражает уверенность в объяснении причины поведения героини.

12. Старец, *конечно, радуется несказанно*, регулярно делает свое дело, остается только венчик золотой округ головы подрисовать и в церковь несть... («Святые», 1914 г.) (III, 481)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности реакции персонажа, соответствие ожиданиям.

13. . — *Конечно, в лес дремучий, непроходимый...* — Где орлы скрыжут, — добавил Вадя. («Святые», 1914 г.) (III, 482)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности, типичности ситуации.

14. И, *конечно, не смогли они, беззащитный младенец с матерью, стерпеть такой муки*, голоду-холоду, поругания и тут же и скончались,

потому что у ней не только молока в грудях, а и хлеба ни синь пороха не осталось для пропитания... («Святые», 1914 г.) (III, 482)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности случившегося.

15. И, **конечно**, с великими почестями отпели и схоронили, как мощи, в самой церкви, даже с младенцем вместе, и к ручке ее со слезами прикладывались... («Святые», 1914 г.) (III, 483)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности происходящего.

16. В житии, **конечно**, уж очень бездушно сказано — мол, не будучи замужней, жизнь свою протекала в грехах, сделалась преклонна своим похотям, проживала в незаконном сожителстве с рабом своим Вонифатием, а ежели судить в этом случае по человечеству, то, небось, так случилось: увидит его, глянет и усмехнется, — вот, мол, хороший человек, а там и полюбила и приблизила к себе... («Святые», 1914 г.) (III, 484)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности своей характеристики.

17. А в театрах, там водка, бабье, ну, **конечно**, и он тут же вертится. («Будни», 1913 г.) (III, 348)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности происходящего.

18. — Это ты про черта, что ли? — спросил семинарист. — А то про кого же? **Конечно**, про него. («Будни», 1913 г.) (III, 348)

Субъект ментального действия реагирует на вопрос собеседника, выражает уверенность в единственно возможном в данной ситуации подразумеваемом персонаже.

19. — По капиталу глядя, **конечно**, можно, а таким-то, как мы с вами, голоштанным, зачем туда соваться? («Будни», 1913 г.) (III, 348)

Субъект ментального действия выражает уверенность в условиях высказанной возможности. Значение отвергаемого предположения.

20. Ты не гляди, что он пьяный: так, брат, воспитал — по лычку ходят! А, **конечно**, теперь всем воля дана... («Будни», 1913 г.) (III, 349)

Субъект ментального действия указывает на свое знание современной ситуации, которая противоречит его представлению о правильном.

21. Ну, **конечно**, и улестил ее, хотел, сказывали, увековечить ее, все именье под нее подписать («Личарда», 1913 г.) (III, 355)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности произошедшего.

22. Вот так-то поехал один мужик за дровами в лес, дело было, **конечно**, зимой, самый холод ужасный, и встречается с баринном... («Сказка», 1913 г.) (III, 414)

Субъект ментального действия указывает на естественность, типичность обстоятельств для данной ситуации.

23. У мужика, **конечно**, лошадь плохая, и барин попался злой. («Сказка», 1913 г.) (III, 414)

Субъект ментального действия указывает на естественность, типичность обстоятельств для данной ситуации.

24. — *Выздоровел*, **конечно**, а он был плотник, и собирается в дорогу. («Сказка», 1913 г.) (III, 414)

Субъект ментального действия указывает на естественность, неизбежность события.

25. Ну, **конечно**, договорились ценой, — за двести рублей («Сказка», 1913 г.) (III, 414)

Субъект ментального действия указывает на естественность происходящего.

26. — Старики чего не наплетут... **Конечно**, сказка. («Сказка», 1913 г.) (III, 415)

135

Субъект ментального действия выражает уверенность в своей характеристике.

27. — **Конечно**, жалко. Да у меня-то еще милость: и строенья-то всего одна изба... А, **конечно**, и та преет, протекает... Железная крыша, и та ржавеет, не то что солома... («Сказка», 1913 г.) (III, 417)

Субъект ментального действия выражает уверенность в оценке, уверенность в естественности происходящего.

28. — Только, **конечно**, мы попам нож вострый, они наш род спокон веку не любят, вот и сделали назло нам. («Хороших кровей», 1913 г.) (III, 419)

Субъект ментального действия выражает уверенность в правильности своей оценки с точки зрения других персонажей.

29. Ну, вот таким-то побитом и дед наш, **конечно**, делал. («Хороших кровей», 1913 г.) (III, 420)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности происходящего.

30. — Да, я из Стрелецка. — И в Москву, **конечно**, по делам? — По делам, — сказал Горизонтов. («Чаша жизни», 1913 г.) (III, 464)

Субъект ментального действия выражает уверенность в верности своего предположения о причинах поездки другого персонажа.

31. А у них уж *раньше, конечно, был сговор*: Васька небось уж сунул им. («Захар Воробьев», 1912 г.) (III, 303)

Субъект ментального действия выражает уверенность в верности и естественности своих предположений о действиях других персонажей.

32. «Совсем еще здоровый мужик! - думали все.— Только борода седая, да и то не совсем, еще видно, что она была рыжая; *есть, конечно, и в глазах что-то тусклое, старческое*, живот провалился <...>» («Князь во князьях», 1912 г.) (III, 321)

Субъектом ментального действия выступают многие персонажи. Вводное слово выражает их согласие с характеристикой описываемого персонажа. Значение отвергаемого предположения.

33. — А потом, *конечно, роли переменились*, — сказал он тихо, с отвращением («Последнее свидание», 1912 г.) (III, 333)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности произошедшего, соответствия ожиданиям.

34. Мужик он добрый, да, *конечно, рабочий человек, обидчивый* («Веселый двор», 1911 г.) (III, 248)

136

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности характеристики, которая объясняет некоторые качества персонажа.

35. «Верно, Аленка и вышивала. Да и девчонка, *конечно, его*. Недаром же болтали, что он ее еще до солдатчины управился обдергать.<...>» («Веселый двор», 1911 г.) (III, 262)

Субъект ментального действия выражает уверенность в верности своего предположения.

36. А, *конечно, не наше с вами дело*: ведь сто восемь. Да и житье, *конечно, не сладкое*. («Древний человек», 1911 г.) (III, 181)

Субъект ментального действия выражает уверенность в верности и естественности высказывания.

37. — *Конечно, поправится, окрепнет*, но посмотрите, какая лохматая чушка, даже шеи не моет! («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 227)

Субъект ментального действия выражает уверенность в благополучном исходе для персонажа. Вводное слово также используется для выражения недовольства: говорящий оговаривает свою уверенность в благополучной судьбе персонажа, но и отмечает то, что ему в нем не нравится.

38. *Конечно*, брехать не стану, *не я один убил*, и Козлов стрелял, — наш же, елецкий, — эта благодарность не одному мне была, дивизии

начальник, **конечно**, и ему спасибо сказал при всем фронте и прямо же нам по рублю наградил, но только я подлинно знаю, что это я его срезал. («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 231)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности ситуации.

39. Посадили мы их на крыльцо, стережем, у каждого, **конечно**, по фонарику в руке, а старшой в камеру отлучился, решетки в окнах пощупать: известно, затем, что целы ли, мол, не подпилены ли какой пилкой фальшивой... («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 231)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности ситуации.

40. — Из-за ней вся и дело вышла. Убил-то, **конечно**, ненароком... Он же меня первый избил... («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 233)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности и верности характеристики.

41. Неудобство, **конечно**, от ней та, что с овцами ее нельзя держать — бьет их дюже, когда котна, а зачнет починать, злей собаки исделается, зрить их не может («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 234)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности характеристики.

137

42. Слышим, зашумели собаки на дворе, подхватили ее, турят по деревне. Мы, **конечно**, выскочили — и за ней. («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 239)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности ситуации.

43. Ну, пошли на него всем селом, и бабы, **конечно**, увязались, а навстречу им — стражники. («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 240)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности ситуации.

44. Сошелся народ со всех деревень, смотреть этого убиенца и меня, **конечно**, в том числе. («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 242)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности ситуации, подчеркивает свою включенность в нее.

45. Ну, **конечно**, пошутил, закричал и тут: «Это еще, мол, что такое? <...>» («Сверчок», 1911 г.) (III, 221)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности ситуации.

46. Входим в деревню, — **конечно**, *потиху стало*, везде огни по избам, хоть и мутные, а все-таки жильё <...> («Сверчок», 1911 г.) (III, 222)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности ситуации.

47. **Конечно**, *жилье*, да от этих огней туман еще больше выдает, и все ресницы у меня в инее, отяжелели, как у лошади хорошей, а барских окон на том боку и звания не осталось... («Сверчок», 1911 г.) (III, 222)

Субъект ментального действия выражает согласие с преимуществом ситуации, но также указывает на ее недостатки.

48. **Конечно**, *тут и водка, и всякая закуска при них* («Сила», 1911 г.) (III, 194)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности ситуации.

49. Зашел разговор как вот у нас с тобой, про силу, а он, **конечно**, *пьяный*, — бывает, тверезый того не сказал бы, а тут: бур, бур, я, говорит, никого не боюсь, и бога никакого нету... («Сила», 1911 г.) (III, 194)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности ситуации.

50. Любовница его мазаная, **конечно**, *тоже уродливая*, притворяется, упрашивает его. («Сила», 1911 г.) (III, 195)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности ситуации.

51. Тут, **конечно**, *народ бежит*, а старичок зашел за народ — да потуда его и видели. («Сила», 1911 г.) (III, 195)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности описываемой ситуации.

52. — А за что? — А, **конечно**, *за глупость, за провинности...* («Мелитон», 1900 – 1930 гг.) (II, 183)

Субъект ментального действия выражает уверенность в верности и естественности названных причин.

53. Купят мужики сто — двести десятин, — **конечно**, *компанией*, не сообразясь с силой, и запутляются, и норовят слопать друг друга. («Золотое дно», 1903 г.) (II, 248)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности ситуации.

54. — **Конечно... Конечно**, *можно...* («Без роду-племени», 1897 г.) (II, 155)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности согласия.

55. Мы оба одиноки, оба искали поддержки друг в друге — и, **конечно**, не нашли, — и больше между нами ничего не было. («Без роду-племени», 1897 г.) (II, 156)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности ситуации.

56. Надо же самовар ставить и соломы надергать. — Да ведь, **конечно**, надо. А то что ж там сделаешь ночью? («В поле», 1895 г.) (II, 94)

Субъект ментального действия выражает согласие с собеседником и уверенность в естественности ситуации.

57. — Да что ты дураком-то прикидываешься? *Флембо*, **конечно**, — слышишь, визжит. («В поле», 1895 г.) (II, 94)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности предположения.

58. — И разве знакомые бывают только в городе? — **Конечно**, нет. Только я не понимаю... («На даче», 1895 г.) (II, 105)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности ситуации.

139

59. — Вечно с правилами! — **Конечно**, с правилами! Раз ты их не исполняешь... («На даче», 1895 г.) (II, 120)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности ситуации.

60. — Но ведь это, **конечно**, и от меня будет зависеть, — резко возразил он. («На даче», 1895 г.) (II, 127)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности и верности своего требования к ситуации.

61. **Конечно**, можно и пренебречь сломанным экипажем, встать, махнуть рукой и отправиться пешечком; только это и нечестно, и навряд хорошо для отправившегося пешечком... («На даче», 1895 г.) (II, 131)

Субъект ментального действия выражает предположение о возможном поведении, показывая свое понимание, и осуждает его. Значение отвергаемого предположения.

62. Разве я не понимаю? **Конечно**, это останется между нами. Хотите мои часы? («Учитель», 1894 г.) (II, 73)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности своего обещания.

63. — Я, *конечно*, говорю искренне... («Учитель», 1894 г.) (II, 77)

Субъект ментального действия подчеркивает свою искренность.

64. «Любезный брат Дмитрий, — читал он, — мы, разумеется, все живы и здоровы, про тебя, *конечно*, *ничего не знаем*: как уехал, прислал два слова; пиши, брат, пожалуйста, поскорее, приедешь ли ты хоть к святой неделе <...>» (Вести с родины, с. 41)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности ситуации.

65. Тот, *понятно*, *рад-радехонек*, скинул поскорей свой пошлый зипун и прикрывает, например, ее почесть нагое тело («Святые», 1914 г.) (III, 481)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности внутреннего состояния персонажа.

66. *Спешит*, *понятно*, *поскорей туда* и видит бесчеловечное смертоубийство: сгрудился народ на площади, кричит, махает руками и требует казни, а посередине площади сидит жестокий судья и мучает лютейшими муками святых христиан, — кого велит надвое рубить, кому глаза выколоть, кому голову отсечь, — а перед ним старец на коленях, преклонился под острый обоюдноый меч и восклицает в свой последний час: «Да святится имя господне, Христово, пречистое!» («Святые», 1914 г.) (III, 485)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности действий персонажа.

67. *Тут все*, *понятно*, *к нему* — ужасаются за него, уговаривают — побойся, например, за жизнь свою, одумайся, ты чужеземный гость, какое тебе дело... («Святые», 1914 г.) (III, 485)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности ситуации.

68. Третий год не перехожу, оттого и не доделываю. *Не в капитале*, *понятно*, *дело*. («Князь во князьях», 1912 г.) (III, 325)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности названной причины.

69. *А того*, *понятно*, *и в голове не держим*, что куда бы лучше было, кабы ее черти задрали. («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 235)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности ситуации.

70. Ну, *понятно*, *через какой-нибудь полчаса и околела*. («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 239)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности ситуации.

71. Тоже вот так-то весь хлеб у мужиков истолок, а согнать никто не смеет: бояться, за версту обходят. Ну, *рога, **понятно**, спилили, вылегчили...* посмирнел. («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 240)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности действий.

72. Стражники сделали залп, да, ***понятно**, драло...* какая там черт сила в этих мужланах! («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 240)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности результата.

73. Баба жива осталась, а он, ***понятно**, и не пискнул, так ножками и брыкнул.* («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 240)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности ситуации.

74. — *Дело-то на нет, **понятно**, свели.* («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 241)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности ситуации

141

75. Я, правда, до того оробел, до того испугался, как, значит, прокружились мы часа два али три, да зарьяли, задохнулись, обмерзли, стали в пень и видим, что в отделку пропали, до того, говорю, испугался, что у меня аж руки, ноги огнем закололо, — *всякому, **понятно**, свой живот дорог*, — но только я и в мыслях не держал, что дальше-то будет, как накажет меня господь! («Сверчок», 1911 г.) (III, 222)

Субъект ментального действия употребляет вводное слово во вставной конструкции, приводя для объяснения и извинения своего страха пословицу, и указывает на естественность такого принципа для каждого.

76. Сел за стол, налили мы ему чаю, — *в **корец**, **понятно***, а не в чашечку какую-нибудь, — а он и давай, вот не хуже моего, скорки хлебныя крошить да в чаю их распаривать («Сила», 1911 г.) (III, 190)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности действия.

77. — А то я не понял сперва, какую мысль вы хотите провести. ***Понятно**, страшная сила!* («Белая лошадь», 1907 – 1929 гг.) (II, 286)

Субъект ментального действия выражает согласие с собеседником и уверенность характеристике.

78. — Вам ее жалко? — *Понятно, жалко-с*. Только я ведь больше не от жалости плачу, а, например, от своего чувственного сердца. («Святые», 1914 г.) (III, 479)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности своего внутреннего состояния.

79. — А за что же их казнят? — *Понятно, не за хорошее*. («Последний день», 1913 г.) (III, 362)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности ситуации.

80. — *Понятно, сдуру*, — подтвердил Александр, — Подивились все ему. («Сила», 1911 г.) (III, 194)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности причины.

81. — *Разумеется, не мед*, — отвечает барин, поглядывая в окошечко и напевая. — *Разумеется, не мед*, — вздыхает он. («Сказка», 1913 г.) (III, 417)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности характеристики.

82. *Разумеется, уже сама по себе эта игра...* («Вести с родины», 1893 г.) (II, 40)

Субъект ментального действия выражает уверенность в верности и естественности мысли, которую не успеваешь произнести.

83. «Любезный брат Дмитрий, — читал он, — мы, *разумеется, все живы и здоровы*, про тебя, конечно, ничего не знаем: как уехал, прислал два слова; пиши, брат, пожалуйста, поскорее, приедешь ли ты хоть к святой неделе. <...>» («Вести с родины», 1893 г.) (II, 41)

Субъект ментального действия выражает уверенность в естественности ситуации.

84. *Муженек твой, без сомнения, застрял где-й-то*, давай его, дружка милого, ждешь да беседовать от скуки... («Сила», 1911 г.) (III, 188)

Субъект ментального действия выражает уверенность в верности своего предположения.

85. «А он, *появись, без сомнения, такие слова*, и совсем голову угнул <...>» («Сила», 1911 г.) (III, 191)

Субъект ментального действия выражает уверенность в произошедшем.

86. «<...> Ну, *завалился, без сомнения, солдат мой на печь*, потушил я лучину, нашарил топор-колун под лавкою, лег и жду, а сам думаю: тюкну, мол, обухом разок, и капут ему, суслику!» («Сила», 1911 г.) (III, 191)

Субъект ментального действия употребляет вводную конструкцию, указывающую на достоверность, при рассказе о произошедших событиях. В этом контексте *без сомнения* не выражает уверенность говорящего, но может использоваться говорящим для создания паузы и как призыв к слушателям не сомневаться в подлинности истории.

87. У тебя, говорит, *черти, без сомнения, водятся*: видно, подложили плотники щетины под матицу и развели у тебя этих самых чертей видимо-невидимо. («Сила», 1911 г.) (III, 192)

Субъект ментального действия выражает уверенность в верности своего предположения.

88. «*Выбрал он мне, без сомнения, зубы до единого*, вынул лычко из карманчика: «Держи подол», — говорит <...>» («Сила», 1911 г.) (III, 193)

Субъект ментального действия употребляет вводную конструкцию, указывающую на достоверность, при рассказе о произошедших событиях. В этом контексте *без сомнения* не выражает уверенность говорящего, но может использоваться говорящим для создания паузы и как призыв к слушателям не сомневаться в подлинности истории.

89. — *В самом деле*, — подхватил Игнатий, — *почему?* («На даче», 1895 г.) (II, 129)

Субъект ментального действия подтверждает правильность вопроса другого персонажа.

90. *В самом деле, точно какой-то солнечный удар!* («Солнечный удар», 1925 г.) (IV, 384)

Субъект ментального действия признает правильность характеристики происходящего.

91. «*В самом деле, неужели уже все потеряно?* <...>» («Новый год», 1901 г.) (II, 227)

Субъект ментального действия задумывается о правильности своего мнения о ситуации.

92. Это на вас Цейлон так подействовал, — заметил капитан. — О, *несомненно, несомненно!* — согласился англичанин. («Братья», 1914 г.) (IV, 25)

Субъект ментального действия выражает согласие с предположением собеседника о причине его состояния, указывает на ее естественность.

93. Дно-то, *действительно*, золотое, только до него сам черт не докопается! («Золотое дно», 1903 г.) (II, 245)

Субъект ментального действия подтверждает правильность характеристики.

Выразители проблематической достоверности

1. *Может быть, дело-то и не в самой любви.* («Маленький роман», 1909 – 1926 гг.) (II, 295)

Субъект ментального действия выражает предположение в контексте размышления.

2. Когда мы вошли сюда, прислуга отеля, доживающая здесь последние дни простой крестьянской жизнью в кухне, ахнула от изумления: вот так гости! Но, *может быть, и потому, что он был бледен и огромен, как смерть.* («Маленький роман», 1909 – 1926 гг.) (II, 295)

Субъект ментального действия выражает предположение о причинах поведения персонажей.

3. — Значит, *может быть, и меня возил,* — сказал Казимир Станиславович. («Казимир Станиславович», 1916 г.) (IV, 84)

Субъект ментального действия выражает предположение о действиях в прошлом, характеризующее участников разговора.

4. — Но, *может быть, я беспокою вас?* - Старуха трясет головой и смотрит недоумевающе и вопросительно. («Золотое дно», 1903 г.) (II, 247)

Субъект ментального действия выражает предположение о реакции на него собеседника.

5. — Я, *может быть, тысячи не пожалел бы теперь на доктора, а он за сто верст, а дорога — ни проходу, ни проезду!* («Сны», 1903 г.) (II, 242)

Субъект ментального действия употребляет вводную конструкцию со значением неуверенности при передаче своего желания. *Может быть* используется как социально окрашенный прием «речевой демагогии»¹⁶¹ и подчеркивает эмоциональность высказывания.

6. Я, *может быть, и глупая,* как ты постоянно говоришь, но все-таки одна люблю тебя... («Новый год», 1901 г.) (II, 225)

Субъект ментального действия выражает согласие с оценкой адресата и отмечает ее как незначительную.

7. — Когда я была девушкой, я без конца мечтала о счастье, но все оказалось так скучно и обыденно, что теперь эта, *может быть, единственная счастливая ночь в моей жизни* кажется мне непохожей на действительность и преступной. («Осенью», 1901 г.) (II, 222)

Субъект ментального действия выражает предположение о характеристике происходящего, контекст рефлексии.

¹⁶¹Казаковская, 1996.

8. И Каменский опустил мешок на землю. — Так, *может быть, начнем?* — добавил он. («На даче», 1895 г.) (II, 113)

Субъект ментального действия выражает побуждение к действию. Вводная конструкция снимает категоричность высказывания, создает эффект вежливости.

9. Если бы у меня была пара серых в яблоках и коляска на резине, меня, *может быть, и не заставляли бы.* («На даче», 1895 г.) (II, 117)

Субъект ментального действия употребляет вводную конструкцию со значением неуверенности при передаче своих действий. *Может быть* используется как социально окрашенный прием «речевой демагогии»¹⁶² и подчеркивает эмоциональность высказывания.

10. — *А может быть, непротивлением злу?* — перебил Бернгардт и резко захохотал. («На даче», 1895 г.) (II, 131)

Субъект ментального действия выражает предположение о позиции собеседника, о которой у него сложилось представление.

11. В сумерки мы простились, в сумерки и пишу я вам это первое и, *верно, последнее* письмо. («Маленький роман», 1909 – 1926 гг.) (II, 295)

Субъект ментального действия выражает предположение о характеристике предмета, зависящей от его действий.

145

12. Деньги у него откуда-то взялись, сел он в купе второго класса, серое, тусклое, но, *верно, дававшее ему ощущение роскоши, комфорта.* («Казимир Станиславович», 1916 г.) (IV, 82)

Субъект ментального действия выражает предположение о качестве предмета с точки зрения персонажа, объясняющее его внутреннее состояние.

13. — *А давно ты, верно, едешь* по Москве! («Казимир Станиславович», 1916 г.) (IV, 83)

Субъект ментального действия выражает догадку о действиях собеседника.

14. Стараясь быть и в самом деле барышней, которую зимой угощают виноградом, оглядывая номер, потопывая озябшими ногами и дуя в муфту, она капризно заметила: — Ой, ой, он, *верно, холодный!* («Петлистые уши», 1916 г.) (IV, 129)

Субъект ментального действия выражает предположение о качестве предмета.

15. Потом бросил его пороть и говорит на кучера: «Ну, он, *верно, дурак*, ну его к черту, сворачивай...» («Сказка», 1913 г.) (III, 414)

¹⁶²Казаковская, 1996.

Субъект ментального действия выражает свое мнение о персонаже, объясняющее дальнейшее поведение.

16. — Волос у меня везде лисий, бланжевый, а по рукам с красниной: **верно**, меченые мы все... («Хороших кровей», 1913 г.) (III, 419)

Субъект ментального действия выражает предположение, объясняющее происходящее.

17. И Егор, которому Салтык только кивнул слегка, подумал: «**Верно**, Аленка и вышивала. Да и девчонка, конечно, его <...>» («Веселый двор», 1911 г.) (III, 262)

Субъект ментального действия выражает предположение о происхождении наблюдаемого предмета.

18. «**Верно**, — думалось мне, — она дает уроки языков или музыки, живет одна в чистой комнатке, где горит лампадка в часы ее недолгого отдыха, когда темнеет субботний вечер и тихо реет над городом звон ко всенощной...» («Без роду-племени», 1897 г.) (II, 153)

Субъект ментального действия выражает предположение об образе жизни персонажа.

19. — Не могу знать. — Из института, **верно**, — сказал Волков. И, поднявшись торопливо, на цыпочках пошел из залы. («Вести с родины», 1893 г.) (II, 38)

Субъект ментального действия выражает предположение о происхождении предмета.

20. Телеграмма, **верно**, из института... Да она теперь и не нужна. («Вести с родины», 1893 г.) (II, 39)

Субъект ментального действия выражает предположение о происхождении предмета, контекст размышления.

21. — Я беден, беден, я, **может**, другую весну не пашу, не сею... меня люди зарезали, а у него, у собаки, в ногах валялся... а мне, **может**, цены нету... («Весенний вечер», 1914 г.) (III, 492)

Субъект ментального действия употребляет вводную конструкцию со значением неуверенности при передаче своих действий и своей оценки, в которой он уверен. *Может* используется как социально окрашенный прием «речевой демагогии»¹⁶³ и подчеркивает эмоциональность высказывания.

22. Была же она, например, все-таки не настоящая госпожа и называлась промеж господ Адель, а брала, конечно, с кого попало, и с пьяного и с трезвого, даже, **может**, не побрезгала бы приказным творением, будь у того средства. («Святые», 1914 г.) (III, 479)

¹⁶³Казаковская, 1996.

Субъект ментального действия выражает предположение о возможных действиях персонажа, характеризуя его.

23. — Дедушка — те иное дело, но только они тогда, *может*, и на свет не рождались еще. («Святые», 1914 г.) (III, 479)

Субъект ментального действия выражает предположение о происходящем с персонажем.

24. Мужское дело, конечно, иное... мужчина может, и любя свой предмет, прельщаться на других, а уж женщина нет, никогда себе этого не позволит, она, *может*, оттого и грех делает, что не нашла себе достойного... («Святые», 1914 г.) (III, 480)

Субъект ментального действия выражает предположение о причинах поведения персонажа, контекст размышления, обобщение.

25. Тут, в скором ли, в долгом ли времени, хозяйка оказалась ей недовольна, зачала ее всячески мальтретировать, она же безо всякого ответу собрала в ночное время все, например, самоцветные камни и брошки, какие ей надарили, завязала свое голландское белье в узелочек, да и удалилась в дремучий лес, где, *может*, только одни орлы скрыжут да рыси по дубам прыдают. («Святые», 1914 г.) (III, 481)

Субъект ментального действия употребляет вводную конструкцию со значением неуверенности при описании, в котором он уверен. *Может* используется как социально окрашенный прием «речевой демагогии»¹⁶⁴ и эмоционально подчеркивает описание.

26. А она в той пещере принуждена была дитя родить, и пеленает его, например, чем может, дерет в этом случае свою последнюю рубашку на свивальнички, а тут, *может*, всякие рыси голоса, глядят с дубов зелеными глазами и летит и шумит сама птица-Игра <...> («Святые», 1914 г.) (III, 482)

Субъект ментального действия употребляет вводную конструкцию со значением неуверенности при описании, в котором он уверен. *Может* используется как социально окрашенный прием «речевой демагогии»¹⁶⁵ и эмоционально подчеркивает описание.

27. Там земский музей izdelали и скилет крокодилий привезли, а он, *может*, пятьсот либо тысячу стоит. («Будни», 1913 г.) (III, 350)

Субъект ментального действия выражает предположение о цене предмета, вызывающей у него недовольство.

28. У меня вон моя старуха тебе в матери годится, а я ее, *может*, полгода не видал... да, почесть, и весь век не видал, не знаю, зачем и женился... («Худая трава», 1913 г.) (III, 387)

¹⁶⁴Казаковская, 1996.

¹⁶⁵Казаковская, 1996.

Субъект ментального действия употребляет вводную конструкцию со значением неуверенности при сообщении о своей жизни, в котором он уверен. *Может* используется как социально окрашенный прием «речевой демагогии»¹⁶⁶ и эмоционально подчеркивает высказывание.

29. — И тебе, староста, завсегда дозволяю, ты тут, *может*, *первый человек надо всеми!* Только ты меня чем обидел: тесу на кровать не дал! Спасибо хоть барчук помогает: проплясал ему давеча маленько - ан на косушку и есть... («Худая трава», 1913 г.) (III, 387)

Субъект ментального действия употребляет вводное для выражения отвергаемого предположения, характеристики, с которой не согласен говорящий. Значение отвергаемого предположения.

30. Я, *может*, кабы сыт-то был... («Веселый двор», 1911 г.) (III, 266)

Субъект ментального действия выражает предположение о своих возможных действиях при других условиях, объясняет причину своего поведения.

31. — Я, *может*, и пальцем бы его не тронул, кабы он не задумал погубить нас, а он на хитрости пошел, и могли мы за него целый год в арестантских ротах пробить, а тут даже благодарность получили, немножко поумней его оказались. («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 231)

Субъект ментального действия выражает предположение ¹⁴⁸ своих возможных действиях при других условиях, объясняет причину своего поведения. Отвергаемое предположение.

32. Тем бы и кончилось, *может*, да выскочила Олька, дочь моя... («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 241)

Субъект ментального действия выражает предположение о своих возможных действиях при других условиях, объясняет причину своего поведения. Отвергаемое предположение.

33. Сила в том, что он, *может*, *дороже десятерых родных мне был.* («Сверчок», 1911 г.) (III, 220)

Субъект ментального действия употребляет вводную конструкцию со значением неуверенности при сообщении о своем отношении, в котором он уверен. *Может* используется как социально окрашенный прием «речевой демагогии»¹⁶⁷ и эмоционально подчеркивает высказывание.

34. Как только вышли-с за деревню, да попали в эту темь, во мгу, в холод, да прошли, *может*, *с версту*, так и заблудились («Сверчок», 1911 г.) (III, 222)

¹⁶⁶Казаковская, 1996.

¹⁶⁷Казаковская, 1996.

Субъект ментального действия выражает предположение о пройденном расстоянии, в котором он не уверен.

35. — Я еще, *может*, поеду. Я ведь этих дождей нисколько не боюсь. («Сила», 1911 г.) (III, 189)

Субъект ментального действия выражает предположение о своих ближайших действиях, высказывает намерение.

36. — Ведь ночь, скука, а у меня, *может*, жена и дите помирают. («Сны», 1903 г.) (II, 242)

Субъект ментального действия употребляет вводную конструкцию со значением неуверенности при сообщении о происходящем, в котором он уверен. *Может* используется как социально окрашенный прием «речевой демагогии»¹⁶⁸ и эмоционально подчеркивает высказывание.

37. Мне, *может*, еще трудней другого, у меня одних детей сколько, а я все-таки иду да иду! («Сосны», 1901 г.) (II, 190)

Субъект ментального действия употребляет вводную конструкцию со значением неуверенности при сообщении о происходящем, в котором он уверен. *Может* используется как социально окрашенный прием «речевой демагогии»¹⁶⁹ и эмоционально подчеркивает высказывание

38. — Значит, может быть, и меня возил, — сказал Казимир Станиславович. — *Может*, и возил, — ответил старик сухо. («Казимир Станиславович», 1916 г.) (IV, 84)

Субъект ментального действия выражает согласие с неуверенным предположением собеседника.

39. *Может*, на то вон ее святая воля была, — сказал Арсенич, поднимая воспаленные глаза и указывая ими на богоматерь. («Святые», 1914 г.) (III, 480)

Субъект ментального действия выражает предположение о причинах происходящего.

40. *Может*, одна Фекла-старица то испытала в сновидении, в хождении своей души по мукам. («Святые», 1914 г.) (III, 482)

Субъект ментального действия выражает предположение о характеристике описываемого.

41. *Может*, я и не захотел бы ее приобретать, — и так все смеялись, отговаривали, — да прямо нужда заставила. («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 233)

¹⁶⁸Казаковская, 1996.

¹⁶⁹Казаковская, 1996.

Субъект ментального действия выражает предположение о своих возможных действиях при других условиях, объясняет причину своего поведения. Отвергаемое предположение

42. *Может, тут надо было походатайствовать чем-нибудь... какой-нибудь примочки там приложить, али еще что... в больницу бы свезть поскорей, да доктору десятку, да где ее взять?* («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 241)

Субъект ментального действия выражает совет, предположение о правильном образе действий.

43. — *Может, тебе еще газовый рожок зажечь?* («Сверчок», 1911 г.) (III, 219)

Субъект ментального действия употребляет вводное как этикетное слово при предложении, но его содержание указывает на иронию.

44. *Может, — говорю, — господь даст, поздоровеете еще.* Вы лучше мне скажите, какой такой сон видели? («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 206)

Субъект ментального действия выражает предположение о будущем собеседника с целью его поддержать.

45. — Да вам-то, — говорят, — что за дело? *Может, я на ней жениться хочу.* («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 209) 150

Может используется как социально окрашенный прием «речевой демагогии»¹⁷⁰ и эмоционально подчеркивает высказывание, указывает на раздражение говорящего.

46. Мы его (немца), *видно, никогда не выгоним.* («Последняя осень», 1916 г.) (IV, 162)

Субъект ментального действия выражает предположение о будущем.

47. Да господь-то, *видно,* не по-ихнему судил! («Святые», 1914 г.) (III, 480)

Субъект ментального действия указывает на то, что высказываемое утверждение основывается не на точном знании, а на предположении. Предположение объясняет причину происходящих событий.

48. Подавился, заплакал — «нет, говорит, *видно, с собой не унесешь!*» («Хороших кровей», 1913 г.) (III, 421)

Субъект ментального действия указывает на то, что высказываемое утверждение основывается не на точном знании, а на предположении. Вывод, сделанный говорящим.

¹⁷⁰Казаковская, 1996.

49. Как-нибудь перебьемся. Я, **видно**, свое отслужил. («Худая трава», 1913 г.) (III, 388)

Субъект ментального действия указывает на то, что высказываемое утверждение основывается не на точном знании, а на предположении. Оценка своего состояния.

50. — Нет, **видно**, никогда не откажется человек искалечить, пришибить человека, если только с рук сойдет. («Ермил», 1912 г.) (III, 313)

Субъект ментального действия указывает на то, что высказываемое суждение основывается не на точном знании, а на предположении. Вывод говорящего, сделанный из своего опыта, обобщение.

51. — А уж это, **видно**, не моя вина, я сама по детям скучаю. («Игнат», 1912 г.) (III, 290)

Субъект ментального действия указывает на то, что высказываемое утверждение основывается не на точном знании, а на предположении. Некатегоричное в своей достоверности предположение о причинах происходящего.

52. <...> приложился, вдарил: слава тебе, господи, сорвался, слышу, звук, **видно**, упал. («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 232)

Субъект ментального действия выражает предположение об источнике шума. 151

53. — А дураков, **видно**, и в солдатах много. («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 232)

Субъект ментального действия выражает характеристику персонажей, вывод, сделанный на основе услышанного.

54. Иду добывать, делать нечего, такой уж, **видно**, жребий мой. («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 236)

Субъект ментального действия выражает предположение о причине происходящего с ним.

55. Подбежали мы поскорее, а она, **видно**, почувала смерть — плачет благим матом, боится. («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 239)

Субъект ментального действия выражает предположение внутреннем состоянии персонажа, являющегося причиной его поведения.

56. За то-то, **видно**, и покарал его господь... («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 241)

Субъект ментального действия выражает предположение о причинах случившегося, подчеркивает ее.

57. Как сел он, мне так в голову и вдарило: а-а, думаю, вон что, помирать мне теперь, **видно**, время нет! («Сверчок», 1911 г.) (III, 224)

Субъект ментального действия выражает вывод о подходящем поведении, сделанный из происходящего.

58. «Ну, говорит, хозяин, **видно**, у тебя не выступишься». («Сила», 1911 г.) (III, 192)

Субъект ментального действия выражает вывод, сделанный из происходящего.

59. Нам, **видно**, чем раньше помереть, тем выгоднее («Сверчок», 1911 г.) (III, 225)

Субъект ментального действия выражает вывод, сделанный из происходящего.

60. — Ну, — говорит, — ходить-то мне, **видно**, уж на том свете придется. («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 206)

Субъект ментального действия выражает предположение о своем будущем, о недоступной для точной оценки ситуации.

61. Ну, а ты, как был мот, так, **видно**, и хочешь остаться. («Хорошая жизнь», 1911 г.) (III, 213)

Субъект ментального действия выражает вывод, сделанный из поведения персонажа.

62. А судить меня будет уж, **видно**, бог, а не Глафира Яковлевна¹⁵² и не зятек миленький. («В поле», 1895 г.) (II, 98)

Субъект ментального действия выражает предположение о своем будущем, о недоступной для точной оценки ситуации. Выражает мнение о том, кто является для него судьей.

63. — Я, **кажется**, с ума схожу... («Белая лошадь», 1907 – 1929 гг.) (II, 282)

Субъект ментального действия выражает неуверенное предположение о происходящем с ним, о своем внутреннем состоянии.

64. Это была, конечно, не сова, это был королек, — **кажется**, самая маленькая из всех существующих птиц. («Маленький роман», 1909 – 1926 гг.) (II, 296)

Субъект ментального действия указывает на свою неуверенность в точности приводимого факта.

65. — Я, **кажется**, пьяна... Откуда вы взялись? («Солнечный удар», 1925 г.) (IV, 382)

Субъект ментального действия выражает неуверенное предположение о происходящем с ним, о своем внутреннем состоянии.

66. Если бы вы знали, как страшно запутаны мои дела! Еще больше, *кажется*, чем душа и мысли! («Соотечественник», 1916 г.) (IV, 138)

Субъект ментального действия выражает неуверенное предположение о своем внутреннем состоянии при сравнении.

67. — Да, до осени отучился. А ты, *кажется*, не здешний? («Будни», 1913 г.) (III, 347)

Субъект ментального действия выражает неуверенное предположение о характеристике собеседника, основанное на его наблюдениях.

68. — *Кажется*, подъехал... («В поле», 1895 г.) (II, 94)

Субъект ментального действия выражает предположение о происходящем согласно своему восприятию.

69. *Кажется*, скоро-скоро затреещит эта проклятая Лучезаровка... («В поле», 1895 г.) (II, 95)

Субъект ментального действия выражает предположение о будущем, основанное на его восприятии.

70. Да и сам Лев Николаевич-то, *кажется*, уж соскучился забавляться... («На даче», 1895 г.) (II, 123)

Субъект ментального действия избегает категоричности в передаче информации о том, в чем собеседник, по его мнению, разбирается¹⁵³ лучше. Этикетная функция.

71. — Вы думаете, *кажется*, что я не имею понятия о труде? («На даче», 1895 г.) (II, 127)

Субъект ментального действия снимает категоричность при высказывании позиции собеседника и указывает на то, что сообщаемое является выводом, сделанным на основе его восприятия слов собеседника.

72. — Ну, да я... я, отец Алексей, *кажется*, сам не маленький... («Учитель», 1894 г.) (II, 83)

Субъект ментального действия снимает категоричность при выражении несогласия с позицией собеседника относительно его действий.

73. — *Но сыро, должно быть, ужасно?* («Князь во князьях», 1912 г.) (III, 325)

Субъект ментального действия выражает предположение о ситуации, в которой осведомлен собеседник.

74. Вижу, стоит сам барин в мундире: с зеленым воротом, а мальчишка на крыше сидит, запустил руку под пелену, ищет что-й-то. *Должно, шкворцов*, думаю себе. («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 238)

Субъект ментального действия выражает предположение о характере действия наблюдаемого персонажа, привлекает внимание к его причине.

75. Слышу — подшел к избе, буянит. *Должно, стекла хочет бить*, думаю себе. («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 241)

Субъект ментального действия выражает предположение о намерении наблюдаемого персонажа.

76. — *Должно быть, это он*. («В поле», 1895 г.) (II, 92)

Субъект ментального действия выражает предположение о происходящем.

77. — Поди-ка посмотри, — *должно быть, приехал*. Но Ковалеву вовсе не хочется выбегать на мороз, хотя и он с большим нетерпением ожидает возвращения Судака из села с покупками («В поле», 1895 г.) (II, 93)

Субъект ментального действия выражает предположение о происходящем, объясняющее причину его предложения.

78. — Да оно и вы-то, *должно быть, из той же породы*, — улыбается Ковалев, отворяет дверь в сенцы и впускает в девичью Флембо. («В поле», 1895 г.) (II, 94)

Субъект ментального действия выражает мнение о характеристике собеседника, снимает резкость ответной остроты.

154

79. А, *должно быть, скоро нас потащут в Богословское!* («В поле», 1895 г.) (II, 94)

Субъект ментального действия выражает предположение о событиях в будущем.

80. — *То-то, должно быть*, в городе-то теперь! («В поле», 1895 г.) (II, 98)

Субъект ментального действия выражает предположение о происходящем в другом месте.

81. — А жить, *вероятно, изволите в том городе, который мы только что проехали?* («Чаша жизни», 1913 г.) (III, 464)

Субъект ментального действия выражает предположение о характеристике собеседника, сделанное на основе его наблюдений.

82. Нынче приедет отец и, *вероятно, с ним Игнатий* («На даче», 1895 г.) (II, 106)

Субъект ментального действия выражает предположение о событии в будущем, указывает на свои ожидания.

83. — *Вероятно, мы теперь не скоро увидимся* («Учитель», 1894 г.) (II, 67)

Субъект ментального действия выражает предположение о характере отношений с собеседником в будущем, сделанное на основе наблюдений говорящего.

84. «**Вероятно**, только я один так страшно несчастен во всем этом городе», — подумал он, направляясь к базару. («Солнечный удар», 1925 г.) (IV, 385)

Субъект ментального действия выражает свое внутреннее состояние, указывая на предположительный характер широкого обобщения.

85. Далеко ушли они от него, давно потеряли наивность — *вот с тех самых пор, вероятно, как построили Вавилон на месте своего так называемого рая.* («Петлистые уши», 1916 г.) (IV, 125)

Субъект ментального действия выражает предположение о точке отсчета описываемого, подчеркивает ее древность.

86. Вахтенные, **вероятно**, уже снова дремлют, пассажиры спят непробудным сном, — туман сбил меня с толку... («Туман», 1901 г.) (II, 207)

Субъект ментального действия выражает предположение о действиях других персонажей, сделанное на основе его опыта.

87. **Пожалуй**, еще почище тебя будет, а вот не мог же того выдержать, что я. («Сверчок», 1911 г.) (III, 220)

155

Субъект ментального действия выражает допущение при характеристике качеств персонажа.

88. « <...> думал он про Викентьева. — Но это-то, **пожалуй**, отчасти и правда... Не ново-то не ново... » («На даче», 1895 г.) (II, 123)

Субъект ментального действия выражает допущение о правоте персонажа.

89. — Так вам, **пожалуй**, пора. («Учитель», 1894 г.) (II, 73)

Субъект ментального действия высказывает предложение, ожидая от слушающего подтверждения. Этикетная функция.

90. «**Пожалуй**, что и правда пора, — соображал он, — что же, к шапочному разбору-то прийти? <...>» («Учитель», 1894 г.) (II, 73)

Субъект ментального действия выражает допущение о правоте персонажа, о справедливости предложения.

91. Ухмыляясь, Кондрат Семеныч присел на кровать и продолжал уже с искренним участием, обращаясь к Турбину, как к заведомому пьянице: — Гм, **пожалуй**, правда, свинство! Ты бы хоть на первый-то раз поддержался немного... («Учитель», 1894 г.) (II, 84)

Субъект ментального действия выражает допущение о правоте персонажа.

92. Надо сходить извиниться. Еще, *пожалуй*, с места попрут... («Учитель», 1894 г.) (II, 84)

Субъект ментального действия выражает допущение о возможных последствиях.

93. — И пудо-верстами вы бы занялись так же серьезно? — *Пожалуй*, и пудо-верстами... («Вести с родины», 1893 г.) (II, 40)

Субъект ментального действия выражает допущение о возможной сфере своих занятий.

94. Да, да, разум наш так же слаб, как разум крота, или, *пожалуй*, еще слабей, потому что у крота, у зверя, у дикаря хоть инстинкт сохранился, а у нас, у европейцев, он выродился, вырождается! («Братья», 1914 г.) (IV, 24)

Субъект ментального действия выражает допущение о качестве описываемого, контекст размышления.

95. Меня, собственно, удивило, что к его мыслям, *очевидно*, многие относятся враждебно: например, директор ремесленного училища цесаревича Николая... («Учитель», 1894 г.) (II, 77)

Субъект ментального действия выражает уверенность в достоверности своего наблюдения, но указывает на то, что основывается не на точном знании.

96. — Нет, но вы, *очевидно*, не подумали, что сказали. («На даче», 1895 г.) (II, 127)

Субъект ментального действия выражает уверенность в достоверности своего наблюдения, но указывает на то, что основывается не на точном знании. Снимается резкость при возражении собеседнику.

Выразители эмоциональной оценки

1. Тут большой верх, огромный луг, буераки до самого села идут, а над ними дорога всегда есть, вот мы и потрафляли по ней, все думали, что верно держимся, а заместо того влево забрали по чьему-то следу, к бибиковским, значит, оврагам, и след этот тоже, *на беду*, упустили, а уж там и пошли месить по снегу, по ветру, как попало. («Сверчок», 1911 г.) (III, 222)

Субъект сознания выражает эмоциональную реакцию на произошедшее (досада), акцентирует названное событие.

2. Наталья Борисовна покраснела. «Ах, боже мой, *как нарочно!*» — подумала она, но тотчас же весело сказала <...> («На даче», 1895 г.) (II, 123)

Субъект сознания выражает эмоциональную реакцию на произошедшее (досада, раздражение), сложившееся неприятным для него образом.

3. Такой грех, говорю, — у меня со завсегда две девки стерегут, а вчерась, *как нарочно*, — пострел их знает, сырых грибов, что ль, наелись, —

катаются, блюют, а жена-то, признаться, тоже не доглядела, в пуньке лежала, на крик кричала — рука развилась... («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 238)

Субъект сознания выражает эмоциональную реакцию на произошедшее, не соответствующее его ожиданиям.

4. - Здравствуйте, mademoiselle Мещерская,- сказала она по-французски, не поднимая глаз от вязанья.- Я, **к сожалению**, уже не первый раз *принуждена призывать вас сюда*, чтобы говорить с вами относительно вашего поведения. («Легкое дыхание», 1916 г.) (IV, 95)

Субъект сознания выражает эмоциональную реакцию на происходящее (сожаление, недовольство) и побуждает адресата избегать случившейся ситуации (функция воздействия на адресата).

5. - Слушать вы меня будете плохо, я, **к сожалению**, *убедилась в этом*,- сказала начальница и, потянув нитку и завертев на лакированном полу клубок, на который с любопытством посмотрела Мещерская, подняла глаза. («Легкое дыхание», 1916 г.) (IV, 95)

Субъект сознания выражает эмоциональную реакцию на происходящее (сожаление, недовольство).

6. — Эту книжку я, **к сожалению**, *не могу продать*, — с трудом проговорил молодой человек. («Грамматика любви», 1915 г.) (IV, 51)¹⁵⁷

Субъект речи употребляет *к сожалению* для смягчения отказа, этикетная функция.

7. - Я в Брюса, **к сожалению**, *не верю*. До свидания! («На даче», 1895 г.) (II, 134)

Субъект речи употребляет *к сожалению* для смягчения выражаемого несогласия, этикетная функция.

8. - Это все очень не ново! - слышались голоса. - Это все давно слышанное. **К сожалению**, *не так просто все развязывается*. («На даче», 1895 г.) (II, 133)

Субъект речи употребляет *к сожалению* для смягчения выражаемого несогласия, этикетная функция.

9. - Вот и врешь! И мы с тобой, **к сожалению**, *не тени*, и красота не вечна. («На даче», 1895 г.) (II, 128)

Субъект речи употребляет *к сожалению* для смягчения выражаемого несогласия, этикетная функция.

Характеристика обыденности явления

Субъект речи оценивает сообщаемое как нерегулярно происходившее в прошлом в контексте воспоминания:

1. - А быка жалко, батюшка! Великолепный был бык! **Бывало**, бежит - земля дрожит... глаза огненной кровью налиты... Не нам чета... («Белая лошадь», 1907 – 1929 гг.) (II, 286)

2. **Бывало**, похвалюсь им: «У меня не сын, а гений!» («Будни», 1913 г.) (III, 345)

3. - Теперь? - спрашивал Ковалев. - Теперь десять. Верно, как в аптеке. Я уж знаю. **Бывало**, в Петербурге, по двое серебряных часов нашивал... («В поле», 1895 г.) (II, 98)

4. Придет престольный праздник, я их, слепых-то, **бывало**, человек двадцать за стол посажу, у нас двор был — поискать такого-то! («Весенний вечер», 1914 г.) (III, 493)

5. — Часто, **бывало**, по селу хаживала, а не то по саду. («Личарда», 1913 г.) (III, 355)

6. Вынесут им, **бывало**, в сад под яблонку ковер, подушки, лежат и читают. («Личарда», 1913 г.) (III, 355)

7. Я, **бывало**, батюшка, иду мимо вас — ты меня встречаешь, ты меня привечаешь! («Худая трава», 1913 г.) (III, 401)

8. Все, **бывало**, грозит — убью, а скажи ласковое слово — сейчас слюни распустит. («Игнат», 1912 г.) (III, 290)

9. А я смолоду горячая была — скусаю его, **бывало**, до синяков, а у него старанья много, а все без толку... («Игнат», 1912 г.) (III, 291) 158

10. Был он мне дорогой приятель и, **бывало**, часто сказывал, будто кажный человек может свое тело заохолдить, и, как помрет, тело тлеть не будет, а будет в воздух улетучиваться. («Веселый двор», 1911 г.) (III, 265)

11. — Кровь-то моя уж холодеет... Студился, **бывало**, часто... А все отчего? («Древний человек», 1911 г.) (III, 183)

12. — Большая... Приедем, **бывало**, в нее. Поставят нас на Болоте в ряд... («Древний человек», 1911 г.) (III, 184)

13. А я, **бывало**, скажу: «Напрасно вы его сбиваете <...>» («Древний человек», 1911 г.) (III, 185)

14. А эту... как ее... фортопьяну в рожь заволокли... Мы, **бывало**, придем... («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 240)

15. — Знаешь, — говорил мне товарищ, — мне часто не верится, что я действительно в тех местах, о которых, **бывало**, только мечтал, глядя на карту, и все хочется напомнить себе об этом. (Тишина, с. 210)

Контактоустанавливающие вводные

1. Я, братец, так люблю ее, что даже боюсь своей любви: для меня весь мир только в ней, — ну, **скажем**, почти в ней, — а разве так полагается? («Сны Чанга», 1916 г.) (IV, 113)

2. А ведь мы поминутно противимся ему, поминутно хотим повернуть не только, **скажем**, душу любимой женщины, но и весь мир по-своему! («Сны Чанга», 1916 г.) (IV, 113)

3. Театры — это как все равно зверильница, или, *скажем*, цирюльня простая... («Будни», 1913 г.) (III, 350)

4. — А козу купить, — продолжал Федот, — ну, от силы семь, али, *скажем*, восемь целковых отдать, а в напор она даст бутылки четыре, не мене, и молоко от ней гуще и слаже. («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 234)

5. Тоже хорош... Живучее всякой кошки али, *скажем*, козюли. Ты ее ралом, она тебя жалом... («Сила», 1911 г.) (III, 195)

6. Был будто один-два дня летом али, *скажем*, весной — и больше ничего. («Сосны», 1901 г.) (II, 190)

7. Цели! Ну, *допустим*. В чем же заключается твоя цель? («Чаша жизни», 1913 г.) (III, 457)

Вводные, характеризующие манеру речи

Или, *вернее*, мы оба получили что-то вроде солнечного удара... («Солнечный удар», 1925 г.) (IV, 383)

— Да и дурак, *можно сказать*, хороший, — вставил купец. («Игнат», 1912 г.) (III, 289)

Вводные, указывающие на источник информации

1. - Да это все бабы на деревне. Все дивятся, что вот вас, небось, на войну не берут. Вы, мол, откупились. Господам, *говорят*, хорошо: посиживают, *говорят*, себе дома! («Последняя осень», 1916 г.) (IV, 162)

2. — Ты, *говорят*, убил ее... За что? («При дороге», 1913 г.) (III, 432)

3. - Как так? - спрашивает он, поднимая лицо и в упор глядя сквозь темноту на барина. - Вы не дослушали, а говорите, сами не знаете что. Он его не одной плеткой, а еще и аршином железным перекрестил как следует... Он ему, *говорят*, все руки, ноги переломал, до того бил. («Сказка», 1913 г.) (III, 417)

4. Я тебе же добра желала. Пришла давеча, — *говорят*, ты захворал. Я и зашла к Пантюше погадать насчет тебя... («Худая трава», 1913 г.) (III, 388)

5. - Хозяйку твою видал... Видал, как же... Из церкви шла... Дома жить не пожелала, все у господ... Их давно нетути, в Москве, *говорят*, она приказчика согнала, всем сама правит, в барском доме живет... Не по закону живет, не по закону... любовника имеет... («Игнат», 1912 г.) (III, 285)

6. - Нет, без шуток? И не доделываете и не переходите. Ведь вы, *говорят*, под шалашом, в землянке живете? («Князь во князьях», 1912 г.) (III, 324)

7. — А вот говорят же умные люди, — сказал старик, — можно, *говорят*, век прожить, а как умрешь, не будешь причинен ни тлению, ни прению. Только, *говорят*, не надо разгорячительной пищи есть. («Веселый двор», 1911 г.) (III, 265)

8. - Про что ж я-то говорю! - воскликнул Федот, поощренный сочувствием. - Я про то и говорю, что она прямо сокрушила нас! Тут и недели не прошло, стали все на меня обижаться, так, *говорят*, и живет коза твоя в мужицких хлебах, у меня у самого весь осьминник истолкла, все кисти с овса оборвала. («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 235)

9. - Ну и разбойники! А ты так-то говоришь, миловать нас! Нет, брат, знать, без нашего брата, прохожего солдата, тут не обойдешься! Мы вот, когда после Сеняк под Курском стояли, так тоже смиряли одно село. Затеялись там мужики барина разбивать... И барин-то, *говорят*, добрый был... («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 240)

10. — Я его знал, — ответил Василий и, не стесняясь, как говорят о ребенке при нем же самом, добавил: — Да он и не сын ему, *говорят*, был, — Сверчку-то. («Сверчок», 1911 г.) (III, 220)

11. <...> — равнодушно спросила старостиха, с трудом поднимая веки и думая о том, что этот веселый старичок в обтертых сапожках и линючей розовой косоворотке пережил двух жен, вырастил шестерых сыновей, купил барское имение под городом, а прежних повадок все не кидает — живет побирушкой, торгует на селе в лавчонке, конокрадствует и, *говорят*, вот-вот опять должен в острог садиться. («Сила», 1911 г.) (III, 188)

12. — И продали то, *говорят*, за тринку! Живет тут приказчик от наследников, а ему что ж? («Золотое дно», 1903 г.) (II, 245)

13. — Как откуда? Сам священник, *говорят*, рассказывал! («Сны», 1903 г.) (II, 241)

14. — Вы, *говорят*, на станции были? («Учитель», 1894 г.) (II, 62)

15. — Ты, *говорят*, черт знает каких штук там натворил? («Учитель», 1894 г.) (II, 84)

16. — Да нет, как же, брат, ты, *говорят*, вдребезги насадился? («Учитель», 1894 г.) (II, 84)

17. — *говорят*, тебя за крыльцо выкинули? («Учитель», 1894 г.) (II, 84)

18. - Мне, собственно, это все представляется как бы игрушками... Мне трудно это объяснить, но все эти затеи... *Говорят*, подспорье хозяйству... («Учитель», 1894 г.) (II, 77)

19. Только-с время-то не ждет, проходят, например, ее лета, стала она над своей судьбой задумываться, иной раз, небось, и поплачет тишком... И, *как говорится*, насмелилась раз. («Святые», 1914 г.) (III, 485)

20. На мгновенье ему стало жутко от церковных слов дьячка, но, подумав, он еще тверже повторил: - Нет, избавь, господи, - не миновать-то! Я вон жалюсь иной раз, я, мол, кочет оброчный, *как говорится*, а разве не правда? И бог оброку требует... («Худая трава», 1913 г.) (III, 396)

21. - И то правильно, - сказал Буравчик. - Ты догадлив живешь, сударушка. Ну, только против дикого, *как говорится*, и сам дик да хитер будь. («Сила», 1911 г.) (III, 190)

22. — А *по-моему*, — сказал Александр Данилыч, — все это собачья старость и больше ничего. («Без роду-племени», 1897 г.) (II, 152)

23. — Я все счел, — сказал Соколович. — *По-моему*, четыре семь гривен. А я тебе пять с полтиной даю. («Петлистые уши», 1916 г.) (IV, 130)

24. *По-моему*, — сказала она уже с улыбкой, — венчаться надо бы два раза. («Новый год», 1901 г.) (II, 224)

Вводные, указывающие на логико-иерархическую структуру высказывания

1. - Беглецы! Почему же такое беглецы? Ихнее дело, *значит*, там не вышло, вот они и бегут сюда? Вон к нам прислали одного, он всех кур перевел, всех пожрал... («Последняя весна», 1916 г.) (IV, 160)

2. Он невесело усмехнулся. — А мы, *значит*, опять ничего? («Последняя осень», 1916 г.) (IV, 162)

3. Взяла она, *значит*, с собой лишь этот узелок да, например, материно благословение, образ Николая-угодника в серебряной вызолоченной ризе, идет по межам куда глаза глядят и плачет горькими слезьми, не хуже меня такого-то — конечно, уж от радости, что вырвалась, *значит*, на волю, под голубые небеса, и доходит до большого стада. («Святые», 1914 г.) (III, 481)

4. И уж хотели было так и сделать, как думали, венчик, *значит*, подрисовать и освятить этот образ прелестный, чтобы в церковь его, например, поставить, как оказывается вдруг страшное, несказанное дело: оказывается, эта девица Елена... ну, просто сказать, тяжелая, беременная, и уж никак нельзя скрывать этого больше, сама природа не позволяет... («Святые», 1914 г.) (III, 482)

5. <...> и отправляются они, *значит*, в трех лицах, с огнями, с фонарями, в этот самый непроходимый лес. («Святые», 1914 г.) (III, 483)

6. Опустили там все свои якоря, паруса — и отправляется он в этот город Таре, в гостиный дом, чтобы, *значит*, отдохнуть, погулять, а с утра и за дело взяться. («Святые», 1914 г.) (III, 485)

7. — Хор, *значит*, будете задавать? — Нет, брат, не хор, — сказал семинарист и оперся на трость. («Будни», 1913 г.) (III, 347)

8. — Только приезжает, *значит*, к барину гость, малый молодой, должно, из военных, а может, и служака какой... («Личарда», 1913 г.) (III, 355)

9. Да и она уж, *значит*, до мужчин стала распущенная... («Личарда», 1913 г.) (III, 355)

10. Потом, глядь, повеселела: махнула, *значит*, на свою судьбу рукой, на отчаянность пошла. («Личарда», 1913 г.) (III, 356)

11. — И, *значит*, она самая и загубила эту самую барышню? («Личарда», 1913 г.) (III, 357)

12. — А потом, *значит*, станок этот на иную место переносят? («Последний день», 1913 г.) (III, 362)

13. Поехал, *значит*, своей дорогой, а мужик своей. («Сказка», 1913 г.) (III, 414)

14. — Я, почесть, никогда не сплю, — ответил Аверкий. — Помираешь, *значит*, — равнодушно сказал зять, ложась. — Худая трава из поля вон, — пошутил Аверкий. («Худая трава», 1913 г.) (III, 394)

15. «Ступай, не разговаривай, а за дерзкий ответ посажу тебя в арестанку на двое суток на хлеб, на воду...» Угомонил, *значит*, старуху. («Захар Воробьев», 1912 г.) (III, 301)

16. — и шмыг, шмыг в осинник... Так, *значит*, дело и затерли. Погляделся урядник в зеркальцо, поправил саблю, сложил свои бумаги... («Захар Воробьев», 1912 г.) (III, 303)

17. Потращать можно... Не пара, *значит*, оказалась она тебе... («Игнат», 1912 г.) (III, 285)

18. Приподняли мы его, а он уж кончился. Не дождался, *значит*, нас... («Веселый двор», 1911 г.) (III, 248)

19. — Ну, это зря брешут, — возразил Салтык. — Книги, *значит*, доказывают. («Веселый двор», 1911 г.) (III, 266)

162

20. Нехорошо помер, без болезни, тело не выболело... Как, *значит*, кому назначено... Учитель с трудом дослушивает этот тяжкий рассказ и поднимается. («Древний человек», 1911 г.) (III, 185)

21. Арестанты эти были прямо что ни на есть самые главные: проступники, бунтовщики, и, *значит*, всех их, десять человек, в горах поймали и к нам представили... («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 231)

22. Он, понимаешь, *значит*, еще в телеге все это дело как следует обдумал, разрезал чем ни на есть ремень кандалный округ пояса, спустил кандалы с себя, подхватил вот так-торукой, — Пашка нагнулся и, расставляя ноги, показал, как подхватил арестант кандалы, — да и деру! («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 232)

23. Взял, говорю, пустое, восемь за козу отдал, ну, там кой-чего для хозяйства купил, кой-какую вещь, ребятам свистулек набрал, пошел домой, пер, пер, пришел к утру — глядь, полтинника нету: сунул, *значит*, в карман и посеял. («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 234)

24. — Ошалела, *значит*, от старости, — вставил Пашка, так хорошо засмеявшись, что гимназист с изумлением и страхом оглянулся на него и подумал: «Да нет, не может быть — это он все наврал на себя!» («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 236)

25. А тут другие навалились и, *значит*, миром-собором и прикончили. («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 240)

26. Да-а, шмурыгнул меня по уху да еще в суд на меня подал... за эти, **значит**, за все протери-убытки, за потраву. («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 241)

27. Помирили нас. Обоюдная, **значит**, обида. Но только он тем не пронялся. («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 241)

28. А на нем пятно черная окол правого уха, черная сгущенная кровь, — где, **значит**, удар-то был. («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 242)

29. Копаемся, прибираем струмент в этой самой бане, где мы, **значит**, спасались, никак ничего не найдем в темноте, — скупой барин-то был, огарочка не разживешься, — чувствуем, что припоздали маленько, и верите ли, такая тоска вдруг взяла меня, что я говорю: «Дорогой ты мой товарищ, Максим Ильич, ай нам остаться, до утра подождать?» («Сверчок», 1911 г.) (III, 221)

30. Вижу, туман страсть какой и уже совсем стемняло, барский сад весь сизыми шапками, инеем оброс, — как туча какая в сумерках, в тумане этом мерещится, — да делать, **значит**, нечего, не хочу молодого человека обижать, молчу. («Сверчок», 1911 г.) (III, 221)

31. Мы, сударыня, — продолжал он увереннее, взглянув на барыню, уловив в ее глазах сочувствие и вдруг острее почувствовав свое давно ставшее привычным горе, — мы дорогу, **значит**, потеряли. («Сверчок», 1911 г.) (III, 222)

32. Тут большой верх, огромный луг, буераки до самого ¹⁶³села идут, а над ними дорога всегда есть, вот мы и потрафляли по ней, все думали, что верно держимся, а заместо того влево забрали по чьему-то следу, к бибииковским, **значит**, оврагам, и след этот тоже, на беду, упустили, а уж там и пошли месить по снегу, по ветру, как попало. («Сверчок», 1911 г.) (III, 222)

33. Я, правда, до того оробел, до того испугался, как, **значит**, прокружились мы часа два али три, да зарьяли, задохнулись, обмерзли, стали в пень и видим, что в отделку пропали, до того, говорю, испугался, что у меня аж руки, ноги огнем закололо, — всякому, понятно, свой живот дорог, — но только я и в мыслях не держал, что дальше-то будет, как накажет меня господь! («Сверчок», 1911 г.) (III, 222)

34. Сперва все покрикивал, зубами ляскал да отдувался, как, **значит**, до животов-то прохватило нас ветром с морозом, потом вроде как с ума стал сходить. («Сверчок», 1911 г.) (III, 223)

35. Дай, думаю, гляну. — Наслышан, **значит**, обо мне? — спросил Буравчик. («Сила», 1911 г.) (III, 189)

36. У меня их две, фамилии-то: одна, **значит**, улишная, а другая журнальная. («Сила», 1911 г.) (III, 189)

37. Зашел ко мне, ребята, годов семьдесят тому назад солдат один из Польши: шел домой в отпуск несрочный и ночевать, **значит**, попросился. («Сила», 1911 г.) (III, 191)

38. — На взгляд-то, *значит*, — сказал Александр, чтобы показать, что он понимает, к чему клонил лесник в своем назидании. («Сила», 1911 г.) (III, 191)
39. И как, *значит*, глянул я на этакое богатство, потемнело у меня в глазах от жадности, отнялись мои ручки, ноженьки, — аж штаны ходуном заходили. («Сила», 1911 г.) (III, 191)
40. — Этот солдат, *значит*, слово знал такое, — сказала старостиха и, скрестив руки под грудями, перестала мотать ногой. («Сила», 1911 г.) (III, 192)
41. — Сила, *значит*, не в медведе, — пояснил Буравчик. («Сила», 1911 г.) (III, 194)
42. Видит — сидит какой-то старичок на телеге, лопатами торгует, а в телеге лежит, связан большой белый баран, тоже, *значит*, продается. («Сила», 1911 г.) (III, 195)
43. Против силы моей, говорит, богатыря во всей державе не найдется». Подходит, *значит*, к старичку. «Бур, бур, дай, говорит, калачика мне». («Сила», 1911 г.) (III, 195)
44. — Я вот на доктора учусь, доктором, *значит*, буду... («Птицы небесные», 1909 г.) (II, 301)
45. Да и помирать-то не десять раз, а всего один. — В рай, *значит*, спешишь попасть? — сказал студент, трогая ухо и поворачиваясь от ветра. («Птицы небесные», 1909 г.) (II, 302)
46. — У всякого, *значит*, свое горе, — прибавил он рассеянно и вдруг сладко зевнул, оживленно, с непонятым злорадством заговорил: — Вот тебе и женился на богатой! («Сны», 1903 г.) (II, 238)
47. Перевели его, значит, из города в самый что ни на есть бедный приход, А за что перевели — пил дюже... *значит*, и перевели вроде как бы в наказание. («Сны», 1903 г.) (II, 239)
48. Перевели его, *значит*, весной, пробыл он честь-честью лето, а осенью и захворай. («Сны», 1903 г.) (II, 239 – 2400)
49. — отдернулась занавесь на царских вратах, растворяются этак широко и тихо двери, и выходит из темени, из самого, *значит*, алтаря, огромный красный кочет. («Сны», 1903 г.) (II, 241)
50. И только, *значит*, пропал, выходит из алтаря другой, белый, как кипень, и запел еще громче прежнего. («Сны», 1903 г.) (II, 241)
51. — Ну, *значит*, и брешут на него, что в голову влезет. («Сны», 1903 г.) (II, 241)
52. — Да-а, братцы мои, — снова заговорил рассказчик прежним тоном, как только я отошел, — и стоит, *значит*, перед ним седенький, седенький монашек и говорит ему тихим голосом: «Не пужайся, мол, служитель божий, а слушай и объяви народу, что, мол, означает твоя видение. <...> («Сны», 1903 г.) (II, 242)

53. «Ну, *значит*, Петербург далеко!» — думаю я и заглядываю в окна. Новая дорога, с. 198

54. — Ну, вот видишь. Тебе, *значит*, никак не меньше ста. Старик, который стоит перед барином вытянувшись, кротко и виновато улыбается. («Антоновские яблоки», 1900 г.) (II, 161)

55. Я сказал, что буду и в городе и у знакомых — вот тут недалеко — на огородах. — Так, *значит*, попоздней прийти? — Да, попоздней. («На даче», 1895 г.) (II, 105)

56. — У вас, *значит*, и вечерние занятия? — Да, то есть нет, только весною — к отчету подгоняем... («Вести с родины», 1893 г.) (II, 39)

57. — Бедность не беда-с, и в богатстве, *например*, пропадают люди, — ответил он. («Святые», 1914 г.) (III, 478)

58. — Они, *например*, еще в сорок осьмом году скончались («Святые», 1914 г.) (III, 478)

59. Только я ведь больше не от жалости плачу, а, *например*, от своего чувственного сердца. («Святые», 1914 г.) (III, 479)

60. — Жила-была, *например*, самая что ни на есть отпетая блудница, по имени Елена, девушка богатого роду, отменная красавица и бездушная кокетка... («Святые», 1914 г.) (III, 479)

61. Была же она, *например*, все-таки не настоящая госпожа и называлась промеж господ Адель, а брала, конечно, с кого поцелуи, и с пьяного и с трезвого, даже, может, не побрезгала бы приказным творением, будь у того средства. («Святые», 1914 г.) (III, 479)

62. Ездили к ней первые князья и графы, делали ей подарки из последнего, многие даже руки на себя наложили из-за ней... ну только она в этом случае и бровью не вела и была ко всем, *например*, бесчувственна, как Ниоба, ни к кому не питала привязанности: была у нее вечная-бесконечная тоска на душе. («Святые», 1914 г.) (III, 479)

63. Ну, так вот я и докладываю вам: была эта Елена просто алчная блудница, и множество господ пропали, *например*, из-за ее красоты, как червь капустный. («Святые», 1914 г.) (III, 479)

64. Она сидит, *например*, за своим туалетом в одном капоте, чешет бесподобным черепаховым гребнем роскошные волны кудрей и отвечает, что, мол, я бы весьма рада, да теперь слишком поздно, я и так, говорит, из-за своей корысти день-деньской как в смоле киплю и, значит, примять его и осчастливить никак не могу, беру ванну с духами, а потом спать ляжу, меня тоска съела, ненавижу всех, зреть не могу... («Святые», 1914 г.) (III, 479)

65. А будучи, *например*, допущен к ней, несказанно пленил се своей младостью и томной грустью, и порешили они тут же умереть одной смертью в один час и даже миг. («Святые», 1914 г.) (III, 480)

66. — Они, докладываю вам, умереть решились, и, конечно, молодой граф тотчас же скончались, а ее этот яд не мог взять, ей вскорости полегчало,

и осталась она еще жить на белом свете, чтобы, *например*, пострадать и награду получить за свою первую и последнюю любовь... («Святые», 1914 г.) (III, 480)

67. Женщину, *например*, взять: от кого вся сумятица в государстве идет? («Будни», 1913 г.) (III, 349)

68. Разве, *например*, вот эти франты не выражают мечту девяти десятых всего человечества? («Петлистые уши», 1916 г.) (IV, 122)

69. — А по ушам, *например*, — ответил Соколович не то всерьез, не то насмешливо. («Петлистые уши», 1916 г.) (IV, 123)

70. А есть и такие, что испытывают совершенно непобедимую жажду убийства, — по причинам весьма разнообразным, *например*, в силу атавизма или тайно накопившейся ненависти к человеку, — убивают, ничуть не горячася, а убив, не только не мучаются, как принято это говорить, а напротив, приходят в норму, чувствуют облегчение, — пусть даже их гнев, ненависть, тайная жажда крови вылились в форму мерзкую и жалкую. («Петлистые уши», 1916 г.) (IV, 124)

71. Разве, *например*, признающие родовую месть, дуэли, войну, революцию, казни мучаются, ужасаются? («Петлистые уши», 1916 г.) (IV, 124)

72. Все помнит: что когда сделать по дому, что, *например*, прибрать, купить, где что дешевле, — все первый скажет. («Древний человек», 1911 г.) (III, 181)

73. Насчет корму, *например*, разумней его человека нету... («Древний человек», 1911 г.) (III, 181)

74. — «А всякие. Дуб, *например*, сосна... Разбойники водились...» («Древний человек», 1911 г.) (III, 184)

75. — Позволь: ну, а если бы тебе, *например*, предложил пять лет прожить или год, — что ты выбрал? («Древний человек», 1911 г.) (III, 185)

76. Озорства этого ничего с ними не делали, бить там, *например*, али прикладом подгонять... («Ночной разговор», 1911 г.) (III, 231)

77. Ты, *например*, даже ничего не сообщил мне о нем... («На даче», 1895 г.) (II, 107)

78. *Например*, вот мамаша была очень красива, а теперь только старая карга. («На даче», 1895 г.) (II, 128)

79. А ведь у вас злоба кипит, вы сами просите борьбы... Вы, *например*, меня ненавидите сейчас. — Поверьте мне, как брату, — горячо возразил Каменский, — у меня никакой нет злобы против вас. («На даче», 1895 г.) (II, 135)

80. Меня, собственно, удивило, что к его мыслям, очевидно, многие относятся враждебно: *например*, директор ремесленного училища цесаревича Николая... («Учитель», 1894 г.) (II, 77)

81. Он говорит, *например*, что школа, собственно, несовместима с мастерской... («Учитель», 1894 г.) (II, 77)

82. Говорят, подспорье хозяйству... но ведь смешно подпирать то, что разваливается окончательно... да и не соответствует все это духу нашего народа, истого земледельца... А учить его, *например*, делать плетушки... («Учитель», 1894 г.) (II, 77)

83. — Да ведь, конечно... у кого она есть, *к примеру*... («Весенний вечер», 1914 г.) (III, 491)

84. Вот кто, *к примеру*, по монастырям живет, монахи, тем хорошо: гуляй, бесись — и вся недолга. («Будни», 1913 г.) (III, 348)

85. «<...>Место привольное, для огородов, *к примеру сказать*, — клад чистый...» («Веселый двор», 1911 г.) (III, 260)

86. Я, *к примеру*, могу две полнивы за день взодрать... («Сила», 1911 г.) (III, 195)

87. На каждом костылю — по пяти суков, на каждом суку — по пяти кошелей, у каждом кошеле — по пяти пирогов, у каждом пирогу... *к примеру сказать*, по пяти воробьев. («Вести с родины», 1893 г.) (II, 42)

88. — Да какая же это полцена, ежели, *к примеру*, кобыленке боле годов, чем нам с тобой? («Танька», 1892 г.) (II, 11)

89. «Я, говорит, великая грешница, я предана вечному унынию, смертному греху, я имею на душе страшную тайну», — ну, *словом* ¹⁶плочность признается, что я, мол, и до сих пор не могу расстаться с любовью ~~к~~ одному человеку... («Святые», 1914 г.) (III, 481)

90. Ну, *словом*, позови его, пожалуйста, к нам сегодня вечером. («На даче», 1895 г.) (II, 107)

91. — Нисколько, это уравнение, состоящее из всех неизвестных, *следовательно*, я и пытаться не буду решать такое уравнение... («На даче», 1895 г.) (II, 129)

92. *Наконец*, уже собираясь уезжать, я как будто мимоходом спросил <...> («Мелитон», 1900 – 1930 гг.) (II, 186)

93. <...> сказала хозяйка опять так, словно хотела сказать: «Ну, *наконец-то*, вот теперь все пойдет прекрасно». («Учитель», 1894 г.) (II, 74)

94. Но только тот старец остается, например, непреклонен: говорит, эта одежда разрешается, ты бледна и прекрасна, как мраморный групп, и черный цвет тебе как нельзя кстати... Жалуется, *наконец*, самой матери игуменье... («Святые», 1914 г.) (III, 481)

95. И, *главное*, никуда, то есть так-таки никуда меня не пустят. («Вести с родины», 1893 г.) (II, 40)

96. Он сказал, что я - новая интеллигенция, так называемая "честная", но со всеми признаками самого обыкновенного буржуа, то есть настоящей свиньи... И что будто это порождение последних дней... Это недурно! А *главное*, изречение! («На даче», 1895 г.) (II, 136)

97. И *главное*, как же я проведу теперь, без нее, целый день в этом захолустье? («Солнечный удар», 1925 г.) (IV, 384)

98. - Именно.. Гм!.. Ну, да все равно... Я хотел тебе сказать вот что: не замечал ли ты, что свинья - одно из самых иронических животных?.. Это, *во-первых*...

Я з ы к П е т р а А л е к с е е в и ч а з а п л е т а л с я .
— *Во-вторых*, я зашел к тебе на минутку... («На даче», 1895 г.) (II, 136)

99. Право, иной раз хочется стать рыбаком, бродягой или хоть толстовцем... вроде вашего новоявленного отца Каменского. *Кстати*, он еще тут обретается? («На даче», 1895 г.) (II, 122)

100. — Ездил повешать на Мажаровку... надевай шапку-то, Семен!.. да вот, *кстати*, и к вам. («Кастрюк», 1892 г.) (II, 22)

Неоднозначно (НПР или экзегитический повествователь):

Выразители проблематической достоверности

1. Накануне Николе она почему-то особенно ждала его, так томилась желанием видеть его, что, *казалось*, не может не исполниться ее желание. («При дороге», 1913 г.) (III, 435)

Вводная конструкция употребляется при описании эмоционального состояния персонажа и выражает предположение о его следствии. Субъектом ментального действия, выражающего предположение в будущем персонажа, может быть повествователь, изображающий силу желания персонажа, или персонаж, верящий в благополучный исход.

2. Это плохой знак: скоро, скоро, *должно быть*, и следа не останется от Лучезаровки! («В поле», 1895 г.) (II, 102)

Вводная конструкция выражает предположение повествователя о будущем, которое может принадлежать и персонажу. Субъект ментального действия, предположение о будущем.

3. *Видно*, была еще какая-то капля меда в чаше ее жизни, как сказал бы Горизонтов. («Чаша жизни», 1913 г.) (III, 461)

Вводная конструкция выражает предположение повествователя о причине выздоровления персонажа, сформулированное словами другого персонажа. Возможное высказывание персонажа. Субъектом ментального действия, выражающего предположение о состоянии персонажа, может быть повествователь или персонаж, цитирующий слова Горизонтова.

Выразители категорической достоверности

1. *Конечно*, он хотел вознаградить за годы труда прежде всего себя; однако рад был и за жену с дочерью. («Господин из Сан-Франциско», 1915) (IV, 53)

Субъектом ментального действия, оценивающего мотивировку персонажа как естественную, может быть как повествователь, так и персонаж, так как позиция персонажа совпадает с позицией высказывания. Вводная конструкция выражает уверенность говорящего в верности и естественности описания позиции персонажа.

2. Входили в его планы и Венеция, и Париж, и бой быков в Севилье, и купанье на английских островах, и Афины, и Константинополь, и Палестина, и Египет, и даже Япония, — *разумеется*, уже на обратном пути... («Господин из Сан-Франциско», 1915) (IV, 54)

Вводная конструкция выражает уверенность персонажа о своих планах. Субъектом ментального действия, оценивающего ситуацию как естественную, может быть повествователь, отвечающий на возможное недоумение адресата, или персонаж, чьи размышления переданы в форме НПР.